

Вестник Российского фонда фундаментальных исследований

Гуманитарные и общественные науки

ISSN 2587-6090 eISSN 2587-8956 № 1 (98) январь – март 2020 года

Основан в 1995 году

Зарегистрирован Министерством РФ по делам печати, телерадиовещания
и средств массовых коммуникаций, свидетельство ПИ № 77-12977 от 25.12.2002

Учредитель

**Федеральное государственное бюджетное учреждение
«Российский фонд фундаментальных исследований»**

Главный редактор В.Я. Панченко,
заместители главного редактора В.Н. Фридлянов, В.В. Квардаков

Редакционная коллегия:

И.Ю. Алексеева, Л.А. Беляева, И.А. Виноградов, Ю.Л. Воротников,
П.Г. Гайдуков, В.П. Гребенюк, А.А. Демидов, Н.Г. Денисов, В.Н. Захаров,
М.В. Иванова, Г.Б. Клейнер, А.А. Малышев, Н.И. Пикуров, Д.А. Рубвальтер,
Н.Л. Селиванова, Д.В. Трубочкин, Д.В. Ушаков, В.А. Хащенко, В.В. Шелохаев

Редакция:

Р.А. Казакова, И.Л. Ровинская

Адрес редакции:

119334, г. Москва, Ленинский пр-т, д. 32а

Тел.: +7 (499) 941-01-15 (доб. 3121)

E-mail: rovir@rfbr.ru

Russian Foundation for Basic Research Journal

Humanities and social sciences

ISSN 2587-6090 eISSN 2587-8956 No 1 (98) January – March 2020

Founded in 1995

Registered by the Ministry of the Russian Federation for printed media, television and radio
broadcasting and mass media, certificate ПИИ No. 77-12977 dated December 25, 2002

The Founder

Federal State Institution

“Russian Foundation for Basic Research”

Chief editor V.Ya. Panchenko,

Deputy chief editors V.N. Fridlyanov, V.V. Kvardakov

Editorial board:

I.Yu. Alekseeva, L.A. Belyaeva, I.A. Vinogradov, Yu.L. Vorotnikov,
P.G. Gaidukov, V.P. Grebenyuk, A.A. Demidov, N.G. Denisov, V.N. Zakharov, M.V. Ivanova,
G.B. Kleyner, A.A. Malyshev, N.I. Pikurov, D.A. Rubvalter, N.L. Selivanova,
D.V. Trubochkin, D.V. Ushakov, V.A. Khashchenko, V.V. Shelokhaev

Editorial staff:

R.A. Kazakova, I.L. Rovinskaya

Editorial office address:

32a, Leninskiy Ave., Moscow, 119334, Russia

Tel.: +7 (499) 941-01-15 (3121)

E-mail: rovir@rfbr.ru

СОДЕРЖАНИЕ

НАД ЧЕМ РАБОТАЮТ ПОБЕДИТЕЛИ КОНКУРСОВ РФФИ

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

Степанова Е.В.

Печати Константинополя из собрания Государственного Эрмитажа 9

Лепехин М.П.

Издательская деятельность Русского исторического общества 21

ФИЛОСОФИЯ. СОЦИОЛОГИЯ. ПОЛИТОЛОГИЯ. ПРАВОВЕДЕНИЕ

Абрамов Р.Н., Быков А.В.

Социологическое понимание профессиональной и организационной этики 38

Дементьев А.Н.

Проблемные аспекты экономико-правовой экспертизы нормативных правовых актов..... 48

ФИЛОЛОГИЯ. ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ

Романов Д.А.

Лингвопоэтика Л.Н. Толстого в научном ракурсе начала XXI века 57

Алимов И.А.

Заметки о сяошо: «Бао гуан лу» 71

Штольдер Н.В.

Стиль Либерти в Турине 79

КОМПЛЕКСНОЕ ИЗУЧЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА. ПСИХОЛОГИЯ. ПЕДАГОГИКА

Андреева А.Д., Данилова Е.Е.

Психологический образ детства у российских родителей: традиция и современность 93

ПОЛЕВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Чернецов А.В., Стрикалов И.Ю.

Старая Рязань: новые исследования и находки 107

Бондаренко Д.М., Тугорский А.В.

Православные Уганды: социокультурные процессы в африканских христианских общинах 124

КОНФЕРЕНЦИИ. КОНГРЕССЫ. СИМПОЗИУМЫ

Сусидко И.П.

Международная научная конференция «Опера в музыкальном театре: история и современность (Москва, 11–15 ноября 2019 г.) 135

Акопов Г.Л.

VIII Международная научно-практическая конференция «Актуальные аспекты развития воздушного транспорта» (АВИАТРАНС-2019), приуроченная к 50-летию Ростовского филиала МГТУ ГА (Ростов-на-Дону, 21–23 июня 2019 г.) 141

МИР КНИГИ РФФИ

Геворкян Т.М. —

Цветаева М.И. Творческие тетради. Т. 1: В 2 кн. Кн. 1: Черновая тетрадь 1919 г.;
Кн. 2: Черновая тетрадь 1919–1921 гг. / Подгот. текстов Е.И. Лубяниковой,
Ю.И. Бродовской, Е.Б. Коркиной; Сост., вступ. статья, примеч. и прил. Е.И. Лубяниковой
и Ю.И. Бродовской. СПб.: Изд-во Пушкинского Дома, 2018. — Кн. 1. — 192 с.: ил.;
Кн. 2. — 192 с.: ил. 146

Гавриков В.А. —

Дударева М.А. Поиски «инога царства» в русской литературе XIX – начала XX века:
фольклорная эстетика. М.; СПб.: Нестор-История, 2018. — 352 с. 151

Малков С.Ю. —

Агеев А.И., Мясоедов Б.А. Суздальская Бастилия. Очерки и комментарии к сказке
и письмам Н.Д. Кондратьева к Алёнушке. Международный институт Питирима Сорокина —
Николая Кондратьева, Институт экономических стратегий, 2018. — 360 с. 155

Памяти Валентина Лаврентьевича Янина 159

CONTENTS

WHAT THE WINNERS OF RFBR COMPETITIONS ARE WORKING ON

HISTORICAL SCIENCES

Stepanova E.V.

Constantinople Seals in the Collection of the State Hermitage Museum 9

Lepekhin M.P.

Publishing of the Russian Historical Society 21

PHILOSOPHY. SOCIOLOGY. POLITICAL SCIENCE. JURISPRUDENCE

Abramov R.N., Bykov A.V.

Sociological Understanding of Professional and Institutional Ethics 38

Dementyev A.N.

Areas of Concern in Legal and Economic Expert Evaluation of Laws and Regulations 48

PHILOLOGY. ART CRITICISM

Romanov D.A.

Linguopoetics in Works of Leo Tolstoy from the Scientific Perspective in the Early 21st Century 57

Alimov I.A.

Notes on Xiaoshuo: "Bao Guang Lu" 71

Shtolder N.V.

Liberty Style in Turin 79

COMPLEX HUMAN STUDY. PSYCHOLOGY. PEDAGOGY

Andreeva A.D., Danilova E.Ye.

Psychological Image of the Childhood in Russian Parents: Tradition and the Present 93

FIELD RESEARCH

Chernetsov A.V., Strikalov I.Yu.

Old Ryazan: New Studies and Discoveries 107

Bondarenko D.M., Tutorsky A.V.

Orthodox Christians in Uganda: Social and Cultural Processes
in African Christian Communities 124

CONFERENCES. CONVENTIONS. SYMPOSIA

Susidko I.P.

International Scientific Conference "Opera in Musical Theatre: History and Present Time"
(Moscow, November 11–15, 2019) 135

Akopov G.L.

The 8th International Research-to-Practice Conference "Current Aspects
of Air Transport Development" (AVIATRANS-2019), timed to coincide with the 50th anniversary
of the establishment of Rostov affiliated branch, Moscow State Technical University
of Civil Aviation (Rostov-on-Don, June 21–23, 2019) 141

THE RFBR BOOK WORLD

Gevorkyan T.M. —

Tsvetaeva M.I. Creative Notebooks. Vol. 1. In 2 books. Book 1: Draft Notebook of 1919; Book 2: Draft Notebook of 1919–1921 / Prepared by Lubyannikova E.I., Brodovskaya Yu.I., Korkina E.B.; Opening chapter, Notes and Appendices by Lubyannikova E.I., Brodovskaya Yu.I. St. Petersburg, Pushkin House Publ., 2018. Book 1, 192 p.: fig.; Book 2, 192 p.: fig. 146

Gavrikov V.A. —

Dudareva M.A. Search of the “Other Kingdom” in Russian Literature of the 19th — Early 20th Century: Folklore Aesthetics. Moscow, St. Petersburg, Nestor-Istoriya Publ., 2018. 352 p. 151

Malkov S. Yu. —

Ageev A.I., Myasoedov B.A. The Bastille of Suzdal. Essays and Comments on the Tale and Letters of Nikolai Kondratiev to Alyonushka. Pitirim Sorokin and Nikolai Kondratiev International Institute, Institute for Economic Strategies, 2018. 360 p. 155

In the memory of Valentin Lavrentievich Yanin 159

НАД ЧЕМ РАБОТАЮТ ПОБЕДИТЕЛИ КОНКУРСОВ РФФИ

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 94(495); 736.3

ГРНТИ 03.09.25

DOI: 10.22204/2587-8956-2020-098-01-9-20

Е.В. СТЕПАНОВА*

Печати Константинополя из собрания Государственного Эрмитажа

Из состава коллекции византийских печатей Государственного Эрмитажа, насчитывающей более 12 с половиной тысяч экземпляров, были выделены печати, имеющие в своих легендах указание на географические названия, связанные со столицей Византии – Константинополем. В процессе работы были выявлены 122 печати (многие из них ранее не публиковались), датированные в основном VI–XII вв., в том числе печати патриархов Константинополя, Великой церкви (храма Святой Софии), церковей и монастырей Константинополя: монастырей Богоматери Ахейропоитис, Богоматери Периблепты, Богоматери Халкопратийской, Дидима, Космидион, Липса, Мирелайона, Новой церкви, монастыря Христа Филантропа и т.д., а также диаконий (Св. Афанасия, Дексиократа, Евсевия), Братства Святого Зотика, больницы Святого Сампсона. Значительную часть печатей Константинополя составляют печати гражданских чиновников: эпархов города, коммеркиариев, куратора дворца Пиги, Элевфтерия. Результаты проведенного исследования в значительной степени дополнили научные представления об исторической, особенно церковной, географии Константинополя VI–XI вв., об именном составе чиновников, в том числе церковных, выявили отдельные особенности во взаимоотношениях церкви и государства в Византии на примере столичных церковей, позволили проследить, как в исторической перспективе менялись печати константинопольских патриархов.

Ключевые слова: история Византии, история Константинополя, византийская сфрагистика

* **Степанова Елена Владимировна** — кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Отдела Востока Государственного Эрмитажа, руководитель проекта «Печати Константинополя из собрания Государственного Эрмитажа» (17-01-00228).
E-mail: stepanovaESPb@yandex.ru

Византийская сфрагистика — специальная историческая дисциплина, занимающаяся изучением печатей, в основном свинцовых (моливдовулов), которыми скреплялись разного рода документы: акты, грамоты, завещания, письма и т.д. Сами документы до настоящего времени, за редким исключением, не сохранились. Печати, двусторонние и небольшие по размеру, оказались долговечнее и представляют собой бесценный источник сведений по истории и культуре Византии, поскольку оттиснутые на них надписи содержат много разной информации об административном устройстве империи, составе чиновников, родственных связях и т.д., а изображения зачастую становятся предметом изучения искусствоведов. Информация печатей

всегда достоверна, она отражает реалии того или иного исторического периода, вот почему их часто используют в исследованиях. Наиболее полную и важную в историческом плане информацию несут печати, в надписях которых содержатся географические названия. Рассмотрение таких печатей, особенно объединённых в группы, в сопоставлении с данными письменных источников позволяет ставить и решать многие проблемы, связанные с историей той или иной провинции или фемы Византии, с особенностями их устройства, с принципами работы очень сложного и разветвлённого административного аппарата империи, с торговыми связями, церковными контактами, особенностями взаимодействия церкви и государства и многим другим [1, 2].

В этом контексте и появился проект «Печати Константинополя из собрания Государственного Эрмитажа». Основой проекта стал каталог, куда вошли 122 печати. Сфрагистические памятники, представленные в каталоге, являются частью коллекции византийских печатей Государственного Эрмитажа, одной из крупнейших в мире. Предмет научного исследования — печати, в легендах которых имеются топонимические указания, связанные с Константинополем, столицей Византии. Константинополь, безусловно, был центром и «сердцем» огромной и могущественной империи. Это было место пребывания императора и его придворного окружения, резиденция константинопольского патриарха, сюда сходились все нити государственного управления, работал огромный центральный административный аппарат, существовало огромное число монастырей и церквей [3, 4].

Все эти светские и церковные учреждения и работавшие в них чиновники имели печати. В Эрмитаже хранятся печати епархов Константинополя, коммеркиариев столицы, патриархов Константинополя, отдельных церквей и монастырей, в том числе храма Святой Софии, Богородицы Ахейро-

Ил. 1. Печать Павла, апоипата и епарха Константинополя (Нового Рима). VI–VII вв. М-630. Государственный Эрмитаж

поитис, Богоматери Периблепты, Богоматери Халкопратийской, Дидима, Космидион, Липса, Мирелайона, Новой церкви, монастыря Христа Филантропа и т.д., а также различных благотворительных учреждений: диаконий (Св.Афанасия, Дексиократа, Евсевия), Братства Святого Зотика, больницы Святого Сампсона, датированные в основном VI–XII вв.

Из печатей гражданских чиновников наиболее интересны печати епархов Константинополя. Епарх играл важнейшую роль в жизни византийской столицы, ему была подчинена вся её территория, включая пригороды. Круг обязанностей епарха был очень широк: он должен был заботиться об общественном порядке в городе, ведал гражданской и криминальной юрисдикцией, отвечал за регулирование хозяйственной жизни, контролировал торговлю и ремёсла, что наиболее ярко показано в «Книге епарха» — византийском источнике X в. [5, 6], заботился о нравах и зрелищах, вёл наблюдение за иностранцами, решал вопросы внешней торговли.

В каталог вошли печати епархов VI–X вв. Характерно, что в них не упоминается название «Константинополь», но лишь топоним $\eta \ \rho \acute{o} \lambda \iota \varsigma$ (Город) либо $\eta \ \rho \acute{o} \mu \eta$ (имелась в виду формула «Константинополь — Новый Рим»). Это печати Павла, апоипата и епарха Рима (VI–VII вв.) (ил. 1), Епифания, патрикия, императорского протоспафария и епарха города (VIII–IX в.); Михаила, императорского протоспафария и епарха города (первая пол. X в.); Николая, императорского протоспафария и епарха города (X в.). Все они вводятся в научный оборот впервые. Заказчики печатей известны только по сфрагистическим данным [7].

Однако подавляющую часть сохранившихся печатей Константинополя в собрании Эрмитажа составляют церковные печати.

Печати патриархов Константинополя представлены достаточно полно — выявлены 29 моливдовулов, датированных VI–XIX вв. В их число входит самая древняя

Ил. 2. Печать Иоанна VIII Ксифилина, патриарха Константинополя. 1064–1075 гг. М-8288. Государственный Эрмитаж

из известных — печать патриарха Евтихия (552–565, 577–582) [8, № 1]. Внушительная подборка разновременного сфрагистического материала позволяет проследить изменения, происходившие в оформлении печатей и содержании легенд, что было связано с важными вехами в истории империи и культурными доминантами. Так, в период иконоборчества, запрещавшего использование изображений, на печатях патриархов помещались invocative монограммы. С восстановлением иконопочитания их сменили священные образы (Христа, Богоматери, святых), а с середины XI в. постоянным становится изображение Богоматери с Младенцем, сидящей на троне (ил. 2).

Со временем менялась также и легенда оборота. Наиболее кардинальное измене-

Ил. 3. Печать Михаила I Кируллария, патриарха Константинополя. 1054–1058 гг. М-8015. Государственный Эрмитаж

ние пришлось на время правления Михаила Кируллария (1043–1058), одного из наиболее известных и влиятельных константинопольских патриархов. В годы его патриаршества, а именно в 1054 г., произошёл окончательный раскол христианской церкви на западную, католическую, и восточную, православную. После этого события на печатях Михаила появился титул «вселенский патриарх» [9, табл. LXV, 13] (ил. 3).

Печати Великой церкви и Новой церкви

Главным храмом империи, безусловно, был храм Святой Софии в Константинополе — Великая церковь, или Мегале Эклесиа — так она называется в письменных источниках и легендах молив-

довулов (ил. 4). Нет нужды рассказывать о значении храма в истории Византии. Из разного рода источников известно, какие исторические события там происходили, какие церемонии совершались, многочисленные исследования посвящены вопросам архитектуры и художественного убранства церкви. Однако о служителях Святой Софии сведения довольно отрывочны. В какой-то мере эти пробелы заполняет сфрагистический материал. В настоящее время известно более 100 печатей представителей клира Софийского храма, из них 31 хранится в эрмитажном собрании. Комплекс этих печатей очень разноплановый и сложный. Это печати клириков, иподиаконов, псалтов, диаконов, пресвитеров, девтериев, эпектов, хартуляриев, экдиков, скевофилаксов, хартофилаксов, экономов. Они датируются VI–XIV вв., большая же часть относится к X–XI вв.

Наиболее известны печати церковного трибунала Святой Софии, куда входили священники и церковные экдики (с греч. — «защитник»). Всего опубликовано около 30 экземпляров (шесть из них находится в Эрмитаже) [9, табл. LXXXII, 1–5]. Печати датируются концом XI–XIV в. и отличаются внушительными размерами (диаметром до 8,5 см). Композиция, помещённая на них, включала изображения Богоматери, самой могущественной защитницы рода людского перед своим Сыном, и императора Юстиниана I, строителя Великой Церкви. Они поддерживают модель храма Святой Софии (ил. 5).

Эту композицию часто сравнивают с мозаикой X в. в юго-западном вестибюле самого храма Св. Софии, на которой император Константин Великий подносит Богоматери с Младенцем Христом модель Константинополя, а император Юстиниан — храма Святой Софии (ил. 6). На обороте печатей надпись: «Благочестивейшим пресвитерам и церковным экдикам». Трибунал был основан Юстинианом I при храме Святой Софии в VI в. В функции экдиков входило рассмотре-

Ил. 4. Храм Святой Софии

ние различных юридических вопросов, один из которых был связан с дарованием в храме права убежища для убийц. В случае положительного решения дела просителям выдавался документ, так называемая симейома, к которому, возможно, и привешивались подобные печати [10].

Исключительное положение храма наложило свой отпечаток на формирование его структуры: прежде всего, оно предполагало масштабность штата служителей. Действительно, численность клира Святой Софии достигала внушительных размеров. Согласно Новелле 535 г. она составляла 425 человек, куда входили 60 священников, 100 диаконов, 40 диаконисс, 90 иподиаконов, 110 чтецов и 25 псалтов (певчих). Не удивительно, что большую часть известных печатей Святой Софии составляют печати клириков, диаконов и пресвитеров храма (ил. 7).

Интереснейший сфрагистический памятник, хранящийся в Эрмитаже, — печать Льва, диакона Великой церкви, канстрисия (одна из высших церковных

должностей) и человека деспины (императрицы) (ил. 8). Заказчиком этой печати, вероятно, был знаменитый Лев Параспондил, фаворит и «первый министр» императрицы Феодоры, сыгравший заметную роль в истории Византии XI в. [11].

Многokrатно отмечалось, насколько тесно в Византии взаимодействовали церковь и государство. Светские власти постоянно вторгались в сферу церковных отношений и управления церковным имуществом, а деятели церкви, несмотря на формальный запрет, участвовали в экономической и политической жизни общества. Одно из таких явлений было связано с практикой назначения императором на церковные должности, прежде всего, высшие — эконома и скевофилакса, светских чиновников, что объяснялось стремлением императора контролировать богатство церкви. Такое положение дел подтверждают печати, в том числе храма Святой Софии. Церковные должности, указанные в их легендах, соединены либо со светскими титулами, либо с при-

Ил. 5. Печать пресвитеров и церковных экдиков Святой Софии. XII в. М-8153. Государственный Эрмитаж

дворными или столичными должностями по финансовой или юридической части. В 1057 г. Исаак Комнин передал патриарху право назначения на все патриархии должности и отказался от любого вмешательства в управление церковным имуществом. Однако целый ряд печатей выходит за этот хронологический предел и датируется второй половиной XI в., что свидетельствует о том, что и после этой даты император продолжал ещё какое-то время назначать светских чиновников на церковные должности [12].

Подобные совмещения светских и церковных обязанностей известны и по печатям священнослужителей Новой церкви, одной из самых известных церквей Константинополя, в источниках её также называют Новой императорской церковью,

или Новой Великой церковью. Она была заложена в 876 г. по заказу императора Василия I и освящена 1 мая 881 г. патриархом Фотием. Церковь поражала своим богатым убранством и многочисленными реликвиями, в основном ветхозаветными. Как и Святая София, она играла очень заметную роль в церковной и придворной жизни [4, р. 361–363]. Некогда она находилась на территории Большого дворца (ил. 9), однако точное расположение храма неизвестно, не сохранилось каких-либо «вещественных доказательств», связанных с его существованием. Печати, таким образом, оказываются единственными материальными памятниками, напоминающими о нём.

Сохранилось около 30 печатей служителей Новой церкви, датированных концом IX–XI в. Шесть из них находятся в коллекции Эрмитажа, в том числе печати экономов Новой церкви, отвечавших за управление собственностью храма: Василия, ректора (X в.) (ил. 10), и Феодула, монаха, синкелла (третья четверть XI в.). В подчинении эконома Новой церкви находились хартулярии — известны 4 печати хартуляриев, в том числе хранящаяся в Эрмитаже печать Сотериха, остиария (XI в.) [13].

Благотворительные учреждения Константинополя

В империи филантропическая деятельность играла очень большую роль, что определялось, прежде всего, христианскими принципами, лежавшими в основе византийского общества. Помощь бедным, больным, сиротам, пожилым считалась одной из добродетелей и важнейшей обязанностью христианина. Для её оказания существовала разветвлённая система специальных учреждений. Некоторые из них были основаны императорами, другие — частными лицами, многие были созданы при церкви. Это ксеноны, или ксенодохии — странноприимные дома, часто совмещающиеся с функциями больниц, герокомии — приюты для пожи-

Ил. 6. Мозаика. Храм Св. Софии, юго-западный вестибюль. X в.

лых, птохотрофии — для бедных и больных, орфанотрофии — дома для сирот, носокомии — больницы, диаконии — сообщества клириков и мирян, основанные при церквях с благочестивыми целями и для

взаимопомощи, и другие [14, 15]. Только в Константинополе Р. Жанэ прослеживает по письменным источникам существование 27 герокомий, 28 ксенонов и ксенодохий, несколько носокомий и орфа-

Ил. 7. Печать Константина, диакона Великой церкви, клирика, патриаршего нотариуса и хартулярия. Вторая пол. X в. М-8051. Государственный Эрмитаж

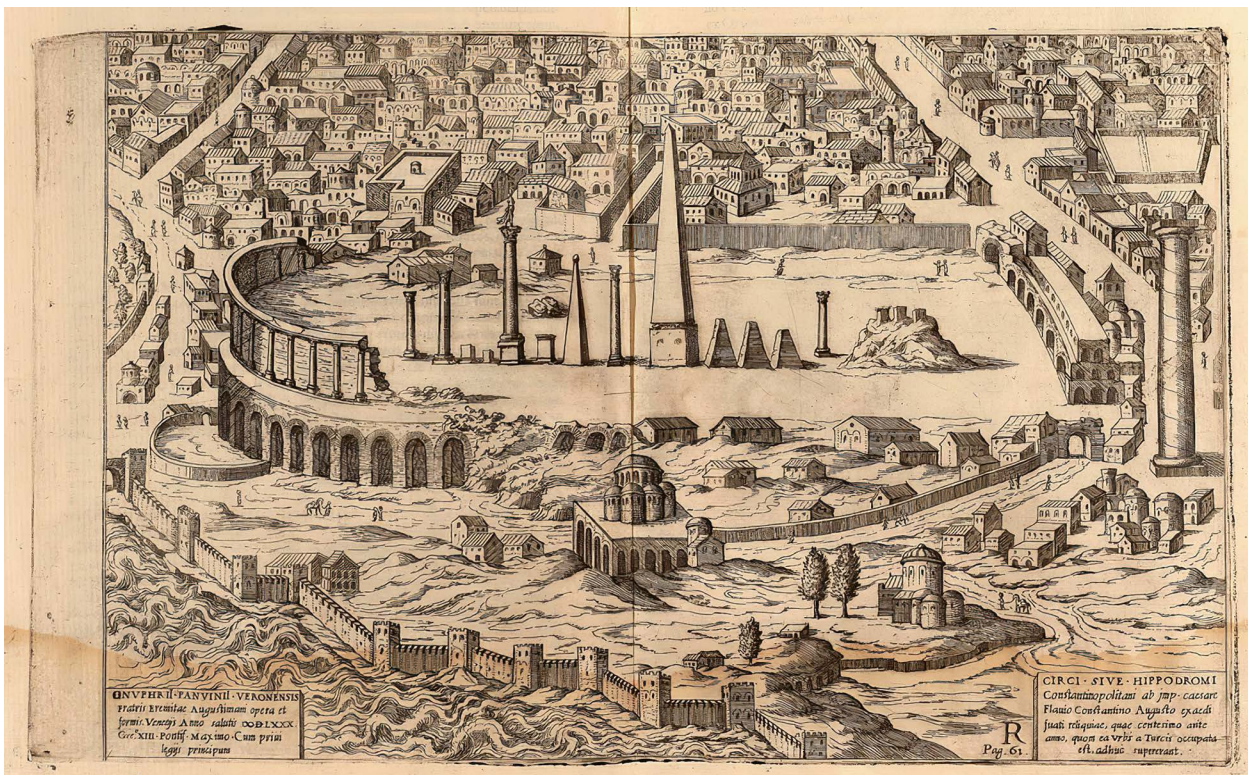

Ил. 8. Печать Льва, диакона Великой церкви, канстрисия и человека деспины. XI в. М-4607.
Государственный Эрмитаж

нотрофий [4, р. 550–569]. Известны также печати герокомов, орфанотрофий и орфанотрофов, птохотрофов, ксенодохов – их сохранилось несколько десятков.

Наибольшей по численности группой являются печати и тессеры ксенона Святого Сампсона, широко известного бла-

готворительного учреждения Константинополя, просуществовавшего более тысячи лет. Он находился между храмами Св.Софии и Св.Ирины. В его состав входили странноприимный дом и многопрофильная больница – среди отделений определённы были хирургическое и оф-

Ил. 9. Развалины ипподрома и Большого дворца, на переднем плане Новая церковь. Гравюра.
Onofrio Panvinio «De ludis circensibus». Venice, 1600

тальмологическое, о чём говорится в житии Святого Артемия. Легендарным основателем ксенона был святой Сампсон, чьё изображение помещалось на печатях и тессерах (жетонах для благотворительной раздачи) (ил. 11), все они относятся к раннему времени – VI–VII в.

В коллекции Эрмитажа также хранится печать Мануила (?), императорского веститора и ксенодоха Святого Сампсона. Веститор – невысокий придворный чин. [16, р. 296]. Как видим, и здесь благотворительную организацию возглавлял светский чиновник. Благодаря «Клеторологии» Филофея (899 г.) известно, что ксенодохи и герокомы находились под юрисдикцией государства [16, р. 121]. Привлечение и осмысление их печатей, в том числе и ксенодохов Святого Сампсона, позволяет по-иному посмотреть на проблему участия государства в благотворительной деятельности.

Другим знаменитым благотворительным учреждением Константинополя был лепрозорий Святого Зотика. Проказа – страшная болезнь, постепенно разрушающая организм человека, была настоящим бичом Средневековья. Для содержания прокажённых ещё в IV столетии в разных провинциях империи стали создавать особые благотворительные учреждения – лепрозории. С одной стороны, этими мерами больных старались изолировать от здоровых людей. С другой – к прокаже относились как к божественной болезни (в античности таковой считалась эпилепсия). Благодаря отцам Церкви Григорию Нисскому, Григорию Богослову, Иоанну Хрисостому был сформулирован новый взгляд на проказу как на путь спасения и для жертв болезни, чьи страдания очищали их для небес, и для здоровых людей, получивших реальную возможность для благотворительности [17].

Существует несколько версий создания столичного лепрозория, согласно одной из них он был основан священником Зотиком во времена императора Констанция (337–361). Лепрозорий просущество-

Ил. 10. Печать Василия, ректора и эконома Новой церкви. X в. М-6349. Государственный Эрмитаж

вал очень долго. Особое внимание ему уделяли византийские императоры, в том числе Иоанн Цимисхий (969–976), которые не только делали очень щедрые пожертвования, но и навещали больных, не гнушались врачевать, насколько это было возможно, их покрытые язвами и разрушенные недугом члены. Сохранилось несколько печатей XII в., очевидно, принадлежащих этому прославленному благотворительному учреждению. Три из них хранятся в эрмитажном собрании. На лицевой стороне изображён сам Святой Зотик в рост, в позе оранта. На обороте надпись в четыре строки: «Печать братьев Святого Зотика» (ил. 12). Надпись имеет двенадцатисложную метрическую форму. Кто называл себя братьями святого Зотика, остаётся неясным. Нам ничего не известно о структуре этого учреждения. Скорее всего, за-

Ил. 11. Печать ксенона Святого Сампсона. VII в.
М-5563. Государственный Эрмитаж

Ил. 12. Печать братьев Святого Зотика. XII в.
М-3079. Государственный Эрмитаж

казчиками этих печатей были медики (или монахи), ухаживавшие за больными [18].

В целом исследование данного сфрагистического материала в значительной степени пополняет научные представления об исторической, особенно церковной, географии Константинополя VI–XI в.,

об именном составе чиновников, в том числе церковных, выявляет отдельные особенности во взаимоотношениях церкви и государства в Византии на примере столичных церквей; позволяет проследить, как в исторической перспективе менялись печати константинопольских патриархов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Catalogue of Byzantine Seals at Dumbarton Oaks and in the Fogg Museum of Art / Ed. by J. Nesbitt and N. Oikonomides. Washington, 1991–2009. Vol. 1–6.
2. Jordanov I. Corpus of Byzantine Seals from Bulgaria, vol. 1. Byzantine Seals with Geographical Names. Sofia, 2003.
3. Janin R. Constantinople byzantine: développement urbain et repertoire topographique, 2nd ed. Paris, 1964.
4. Janin R. La Géographie ecclésiastique de l' Empire Byzantin. Ière Partie. Le siège de Constantinople et le patriarcat oecuménique. III. Les Églises et les monastères. Paris, 1969.
5. Византийская книга епарха / Вступ. ст., пер., коммент. М.Я. Сюзюмова. М., 1962.

6. Шандровская В.С. Эпархи Константинополя XI–XII вв. (по данным печатей) // АДСВ. Вып. 26. Барнаул, 1992. С. 62–77.
7. Степанова Е.В. Печати эпархов Константинополя VI–X вв. // ΧΕΡΣΟΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: империя и полис. XI Международный Византийский семинар. Материалы научной конференции. Севастополь–Балаклава, 3–7 июня 2019 г. Симферополь, 2019. С. 191–192.
8. Laurent V. Le Corpus des sceaux de l' Empire byzantin: L' Église. Paris, 1963. Vol. V, 1.
9. Лихачёв Н.П. Моливдовулы греческого Востока / Сост. и авт. коммент. В.С. Шандровская. М., 1991.
10. Cotsonis J. The Virgin and Justinian on Seals of the ekklesiokdikoi of Hagia Sophia // Dumbarton Oaks Papers. Washington, 2002. Vol. 56. Pp. 41–55.
11. Степанова Е.В. Лев — диакон Великой церкви и антропос деспины // ΧΕΡΣΟΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ. Вып. 2: Миры Византии. Симферополь, 2019. С. 287–300.
12. Степанова Е.В. Церковь и государство в Византии: один аспект взаимодействия // Труды Государственного Эрмитажа. Т. LXXXIX: Византия в контексте мировой культуры. СПб., 2017. С. 373–379.
13. Stepanova E. Le bullaire de l'église de la Néa // Mélanges Jean-Claude Cheynet. Travaux et Mémoires 21/1. Paris, 2017. P. 777–787.
14. Constantelos D. Byzantine Philanthropy and Social Welfare. Rutgers University Press, New Brunswick, N.J., 1968.
15. Miller T.S. The Birth of the Hospital in the Byzantine Empire. Baltimore, 1997.
16. Oikonomides N. Les listes de préséance byzantines des IXe et Xe siècles. Paris, 1972.
17. Miller T.S., Nesbitt J.W. Walking Corpses. Leprosy in Byzantium and the Medieval West. New York, 2014.
18. Степанова Е.В. Братство Святого Зотика // Труды Государственного Эрмитажа: Византия в контексте мировой культуры. СПб, 2019. Т. XCIX. С. 334–338.

ENGLISH

Constantinople Seals in the Collection of the State Hermitage Museum

Elena Vladimirovna Stepanova — Candidate of Science (History), the leading researcher at Oriental Department of the State Hermitage Museum, supervisor of the project “Constantinople Seals in the Collection of the State Hermitage Museum” (17-01-00228).

E-mail: stepanovaESPb@yandex.ru

The collection of Byzantine seals of the State Hermitage Museum includes over 12.5 thousand pieces. For the purpose of the paper the author distinguished seals, which legend indicates a toponym related to the capital of the Byzantine Empire, Constantinople. As a result, 122 seals, the majority of which were never made public before, were selected. Most of them date back to the 6–12th centuries and include the seals of Patriarchs of Constantinople, Hagia Sophia (Church of the Holy Wisdom), churches and monasteries of Constantinople: monasteries of Panagia Acheiropoietos, Panagia Peribleptos, Chalcostrateiois, Didim, Kosmidion, Lips Monastery, Myrelaion, the New Church, Monastery of Christ Philanthropos and others, as well as diaconica (St. Athansius, Dexiokratous, Eusebius), St. Zotikos Brotherhood, St. Sampson Hospital. However, the majority of the selected seals belong to civil servants: eparchs of the city, commerciaroi, curator of the Pigi Palace and Eleutheria. The discoveries made significantly added to the scientific understanding of historical and, above all, ecclesial geography of Constantinople between the 6th and the 11th centuries, as well as listed the names of the civil and ecclesial servants. The paper discovered several specifics of church-state relations in the

Byzantine Empire, exemplified by the churches of the capital city. The findings made allow to trace the historical changes in seals of Constantinople patriarchs.

Keywords: history of the Byzantine Empire, history of Constantinople, Byzantine sphragistics

REFERENCES

1. Catalogue of Byzantine Seals at Dumbarton Oaks and in the Fogg Museum of Art / Ed. by J. Nesbitt and N. Oikonomides. Washington, 1991–2009. Vol. 1–6.
2. Jordanov I. Corpus of Byzantine Seals from Bulgaria, vol. 1. Byzantine Seals with Geographical Names. Sofia, 2003.
3. Janin R. Constantinople byzantine: développement urbain et repertoire topographique, 2nd ed. Paris, 1964.
4. Janin R. La Géographie ecclésiastique de l' Empire Byzantin. Ière Partie. Le siège de Constantinople et le patriarcat oecuménique. III. Les Églises et les monastères. Paris, 1969.
5. Vizantiyskaya kniga eparkha / Vstup. st., per., komment. M.Ya. Syuzyumova. M., 1962 (in Russian).
6. Shandrovskaya B.C. Eparkhi Konstantinopolya XI–XII vv. (po dannym pechatey) // ADSV. Vyp. 26. Barnaul, 1992. S. 62–77 (in Russian).
7. Stepanova E.V. Pechati eparkhov Konstantinopolya VI–X vv. // ΧΕΡΣΟΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: imperiya i polis. XI Mezhdunarodnyy Vizantiyskiy seminar. Materialy nauchnoy konferentsii. Sevastopol'–Balaklava, 3–7 iyunya 2019 g. Simferopol', 2019 S. 191–192 (in Russian).
8. Laurent V. Le Corpus des sceaux de l' Empire byzantin: L'Église. Paris, 1963. Vol. V, 1.
9. Likhachyov N.P. Molivdovuly grecheskogo Vostoka / Sost. i avt. komment. V.S. Shandrovskaya. M., 1991 (in Russian).
10. Cotsonis J. The Virgin and Justinian on Seals of the ekklesiekdikoi of Hagia Sophia // Dumbarton Oaks Papers. Washington, 2002. Vol. 56. Pp. 41–55.
11. Stepanova E.V. Lev – diakon Velikoy tserkvi i antropos despiny // ΧΕΡΣΟΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ. Vyp. 2: Miry Vizantii. Simferopol', 2019. S. 287–300 (in Russian).
12. Stepanova E.V. Tserkov' i gosudarstvo v Vizantii: odin aspekt vzaimodeystviya // Trudy Gosudarstvennogo Ermitazha. T. LXXXIX: Vizantiya v kontekste mirovoy kul'tury. SPb., 2017. S. 373–379 (in Russian).
13. Stepanova E. Le bullaire de l'église de la Née // Mélanges Jean-Claude Cheynet. Travaux et Mémoires 21/1. Paris, 2017. P. 777–787.
14. Constantelos D. Byzantine Philanthropy and Social Welfare. Rutgers University Press, New Brunswick, N.J., 1968.
15. Miller T.S. The Birth of the Hospital in the Byzantine Empire. Baltimore, 1997.
16. Oikonomides N. Les listes de préséance byzantines des IXe et Xe siècles. Paris, 1972.
17. Miller T.S., Nesbitt J.W. Walking Corpses. Leprosy in Byzantium and the Medieval West. New York, 2014.
18. Stepanova E.V. Bratstvo Svyatogo Zotika // Trudy Gosudarstvennogo Ermitazha: Vizantiya v kontekste mirovoy kul'tury. SPb, 2019 T. XCIX. S. 334–338 (in Russian).

УДК 930.2
ГРНТИ 03-23; 03-81
DOI: 10.22204/2587-8956-2020-098-01-21-37

М.П. ЛЕПЕХИН*

Издательская деятельность Русского исторического общества

В статье рассказывается о создании в 1866 г. Русского исторического общества и его закрытии в 1920 г. путём самоликвидации. Инициатива группы лиц имела следствием издание «Сборника Русского исторического общества» (148 томов) и «Русского биографического словаря» (25 томов). За полвека издательской деятельности трудами немногих лиц РИО создало фундамент российской исторической науки.

Ключевые слова: Русское историческое общество, «Сборник РИО», «Русский биографический словарь»

Одной из самых славных страниц изучения прошлого России считается деятельность Русского исторического общества (РИО). За 55 лет существования Общество прославилось своё имя изданием «Сборника Русского исторического общества» и «Русского биографического словаря».

Датой основания Русского исторического общества принято считать 23 мая 1866 г., когда император Александр II утвердил его устав. Замысел РИО насчитывал к тому времени полтора года: он родился в беседах двух полных тёзок, страстных ревнителей отечественной истории — наследника цесаревича Александра Александровича и Александра Александровича Половцова, слу-

жившего в Сенате. Задумано ими Общество было для систематического издания значимых для российской истории документов, которые хранились в государственных, ведомственных и частных архивах.

Идея создания РИО встретила понимание государственных деятелей и историков. Они организовали небольшой кружок из 12 членов-основателей РИО, негласно возглавлявшийся «почётным покровителем» наследником цесаревичем Александром Александровичем.

Первое собрание РИО состоялось 19 октября 1866 г. Председателем был избран князь П.А.Вяземский; также было принято решение об издании «Сборника Русского исторического общества». Пер-

* **Лепехин Михаил Пантелеевич** — старший научный сотрудник Библиотеки Российской академии наук, руководитель исследовательского проекта «Издательская деятельность Русского исторического общества» (17-01-50146).
E-mail: mpl2612@yandex.ru

вые тома не имели чётко выраженной структуры и были *сборными*; в дальнейшем «Сборник» стал публиковать тематические подборки документов, зачастую многотомные. За полвека (1867–1916) свет увидели 148 томов «Сборника Императорского Русского исторического общества».

5 марта 1876 г. на собрании РИО впервые обсуждалась идея «Русского биографического словаря». Неровность комментария к «Сборникам РИО» обращала на себя внимание. Сводный биобиблиографический справочник по русской истории отсутствовал. РИО восполнило лакуну. За два с небольшим десятилетия (1896–1918) в свет вышли 25 томов «Русского биографического словаря»; ещё пять ранее подготовленных томов были изданы в 1997–2000 гг. при переиздании свода РБС, осуществлённого издательством «Аспект Пресс» и автором статьи в 1992–2000 гг. при содействии Российского гуманитарного научного фонда [1].

Обществу покровительствовали три самодержца. Император Александр II утвердил Устав РИО, в 1873 г. взяв его под Высочайшее покровительство. Император Александр III в бытность наследником цесаревичем сам явился одним из инициаторов создания Общества, а будучи императором не только активно участвовал в трудах РИО, но и их направлял. Император Николай II взял на себя обеспечение деятельности Общества из личных средств.

За 55 лет существования РИО в числе его почётных председателей, председателей, членов-основателей и действительных членов состояли ровно 100 лиц. Ещё 17 человек были поименованы в составе почётных членов и членов-корреспондентов РИО. Более 30 лиц, не бывших членами Общества, принимали деятельное участие в его трудах как составители и редакторы «Сборника РИО» и «Русского биографического словаря». Несмотря на достаточно замкнутый характер деятельности РИО, полторы сотни основных

деятели сделали его первенствующим по значению среди всех объединений историков Российской империи.

Исключительно велика роль РИО в сплочении ведущих научных сил России. Союз историков-профессионалов и неравнодушных к отечественной истории лиц, занимавших важные административные посты, был основан на совместном бескорыстном служении русской исторической науке. Всё то, что удалось сделать за полвека, до сих пор никаким последующим научно-исследовательским историческим учреждением не превзойдено.

За 55 лет в составе РИО сменились два поколения его членов. Старший член-основатель Общества князь П.А.Вяземский родился в царствование Екатерины Великой. Один из самых молодых членов РИО барон М.А.Таубе скончался в правление Н.С.Хрущёва. Период от рождения первого (1792) до кончины последнего (1961) охватывает двенадцать различных царствований и правлений — в пяти Обществе существовало в монолитной целостности. Самораспустилось РИО ввиду невозможности существования в условиях Петрограда 1920 г. Самороспуск стал вынужденной тактической мерой: предполагалось продолжение деятельности РИО в Российской академии наук. Инициатором их сближения был С.Ф.Платонов, чьё первенствующее положение в русской исторической науке того времени было очевидным.

Сближения не произошло, развитие отечественной исторической науки пошло в ином направлении, и деятельность РИО, несмотря на объём всего им сделанного, надолго выпала из поля зрения исследователей. До настоящего времени наиболее обстоятельным исследованием издательской деятельности РИО оставался составленный П.Н.Жуковичем по материалам В.И.Сайтова исторический очерк, помещённый в юбилейном сборнике РИО [1, с. 43–112].

Рассмотрение в хронологической последовательности деталей процесса под-

готовки «Сборника РИО» и РБС, их выхода в свет и восприятия в учёной среде составляет суть исследовательского проекта.

Несмотря на исключительную роль обоих изданий для исторической науки, «образованному обществу» они оказались чуждыми из-за отсутствия в них сиюминутной потребности. Чтобы данное утверждение не показалось голословным, укажем, что даже М.О.Меньшиков, пристально следивший за всем, что издавалось на пространстве Российской империи, узнал о самом факте существования «Русского биографического словаря» лишь в 1907 г., т. е. 11 лет спустя после выхода в свет первого тома. (Как только прочёл — пришёл в восхищение от грандиозности замысла, затем разразился гневной тирадой о ненужности подобного издания; об этом будет сказано далее).

Разделение «учёной среды» и «образованного общества» (а с 1860-х гг. — едва ли не противостояние) и привело в начале XX в. к общегосударственному мировоззренческому кризису. То, что сейчас принято называть «Великой Российской революцией», явилось одним из путей выхода из этого тупика. Прежние методологические ориентиры исторической науки (позитивизм, объективизм, патриотизм) новая власть стала воспринимать в качестве «буржуазных пережитков», а новая формация учёных показала, что при классовом подходе к изучению исторических процессов едва ли не вся продукция полувекковой деятельности Русского исторического общества представляет ценность в лучшем случае для вспомогательных изысканий...

Время расставило всё по местам. В настоящее время историография даёт объективную оценку вершинам и падениям как дореволюционной, так и советской исторической науки. Изучение прошлого стало необходимым для понимания настоящего и предвидения будущего. В 2012 г. было создано Российское историческое общество, которое воспринимается продолжателем традиций Импе-

раторского Русского исторического общества, чьё 150-летие было торжественно отмечено на государственном уровне. Изучение истории той немногочисленной учёной корпорации, по которой в 1910-е гг. судили об уровне развития российской исторической науки, — предмет весьма нужный для понимания логики научных исследований в столь замкнутом социуме, как крайне узкий круг историков, которых ежегодно принимал император, чтобы услышать отчёт об их трудах.

«Наука и власть» — одна из самых востребованных тем постсоветской историографии. Как правило, основным сюжетом являются либо гонения со стороны большевиков на то или иное научное направление, на отдельные учреждения или репрессии в отношении конкретных исследователей. В последние годы стал не менее востребован и положительный пример, как то руководящая роль советской власти в развитии фундаментальной науки, по преимуществу имеющей прикладное (прежде всего военное) применение.

«Власть и история» стала в последнее десятилетие одной из наиболее обсуждаемых тем не только в исторической науке, но и в сознании общества. Одним из положительных примеров является деятельность Императорского Русского исторического общества, на ежегодных Общих собраниях которого самодержец и высшие сановники Российской империи обсуждали наиболее важные вопросы отечественной истории в общении с самыми выдающимися деятелями российской исторической науки.

В данной статье сообщается о судьбе двух изданий, по которым судят о деятельности Императорского Русского исторического общества, а также об истории его возникновения и кончины.

Создание РИО и начало его деятельности

Любовь к России и склонность к познанию национального начала у великого

Ил. 1. Портрет великого князя Александра Александровича

князя Александра Александровича (ил. 1) сформировались ещё в детские годы под влиянием деда – императора Николая I. Стремлением самодержца к упорядочению всех сторон жизни России будет отмечено его царствование.

Увлечение русской историей проследживается у Александра III с 1851 г., когда он присутствовал на торжествах в Гатчине, посвящённых открытию памятника его прадеду – императору Павлу I. В августе 1851 г. состоялась его первая поездка в Москву, позволившая прикоснуться к русской истории, запечатлённой в московской старине.

Познания в русской истории начали приводиться в строгую систему, когда учителем к нему был приглашён Я.К. Грот. В конце 1855 г. на экзамене по русской истории, проходившем в присутствии императора Александра II и его супруги, великий князь Александр Александрович, которому было всего 10 лет, без ошибок изложил последовательность правителей Руси удельного периода. В 1856 г. настав-

ником к великому князю был определён В.П. Титов, объяснивший ученику место России в кругу великих держав и сложность их взаимоотношений. Сочетание взаимодополняющих доктрин самобытности России и враждебного внешнего окружения во многом сформировали образ национальной исключительности, определивший политику Александра III.

К 14-ти годам у великого князя Александра Александровича увлечение русской историей уже оформилось в достаточно строгую систему знаний. В ежегодных поездках в Москву его знакомили с древностями И.М. Снегирёв и М.П. Погодин. Великий князь побывал в кремлёвском архиве, сделав для себя выписки из неизданных бумаг императора Петра Великого.

Период учения великого князя Александра Александровича совпал с пробуждением в русском обществе интереса к старине – в такой степени, что его можно назвать массовым увлечением второй половины 1850-х – 1870-х гг. В те годы были созданы сочинения, составившие славу отечественной историографии. Почти в одно время увидели свет труды С.М. Соловьёва, Н.Г. Устрялова, П.П. Пекарского, Н.И. Костомарова, К.Н. Бестужева-Рюмина – все они были прочтены любознательным юношей.

В 1864 г. преподавание русской истории великому князю Александру Александровичу было поручено К.Н. Бестужеву-Рюмину, а через год его сменил С.М. Соловьёв, который перешёл от последовательного изложения фактов и их отражения в научной литературе к объяснению сути основных исторических событий и их значения для России. Именно К.Н. Бестужеву-Рюмину и С.М. Соловьёву принадлежит заслуга в том, что накопленная великим князем Александром Александровичем к 19 годам совокупность сведений по русской истории преобразовалась в понимание исторической науки. В 21 год образование завершилось беседами с С.М. Соловьёвым о внутреннем смысле русской истории.

Тысячелетняя история России, как существовавшая до его восшествия на престол, так и творимая им самим, для императора Александра III воплощалась в конкретных личностях с присущими им достоинствами и недостатками, совокупность которых и была той определяющей движением державы силой, указать нужное направление которой было предначертано ему самому. Отсюда его внимание к личностному началу и тех деятелей, которые встретились на его жизненном пути, и тех, которые в той или иной мере смогли определить общий фон царствования его предшественников. С детства вся русская история была предельно строго персонифицирована в его сознании. То, что в России не было сводного биографического справочника, с помощью которого можно было бы навести необходимые справки о любом историческом деятеле, представлялось недостатком отечественной науки.

В достаточной степени произвольно и без какой-либо строгой системы публиковались исторические документы. Огромное их количество хранилось в государственных, ведомственных и частных архивах, но они не использовались историками, так как доступ в архивы был затруднён по ряду причин формального характера.

Недоумение и недовольство подобным положением дел великий князь Александр Александрович высказывал не только знакомым ему историкам, но и иным лицам. Одним из сочувствующе внимавших оказался чиновник Правительствующего Сената действительный статский советник Александр Александрович Половцов (ил. 2). Общность взглядов двух полных тезок на сильные и слабые стороны современной им русской исторической науки привела к созданию Русского исторического общества.

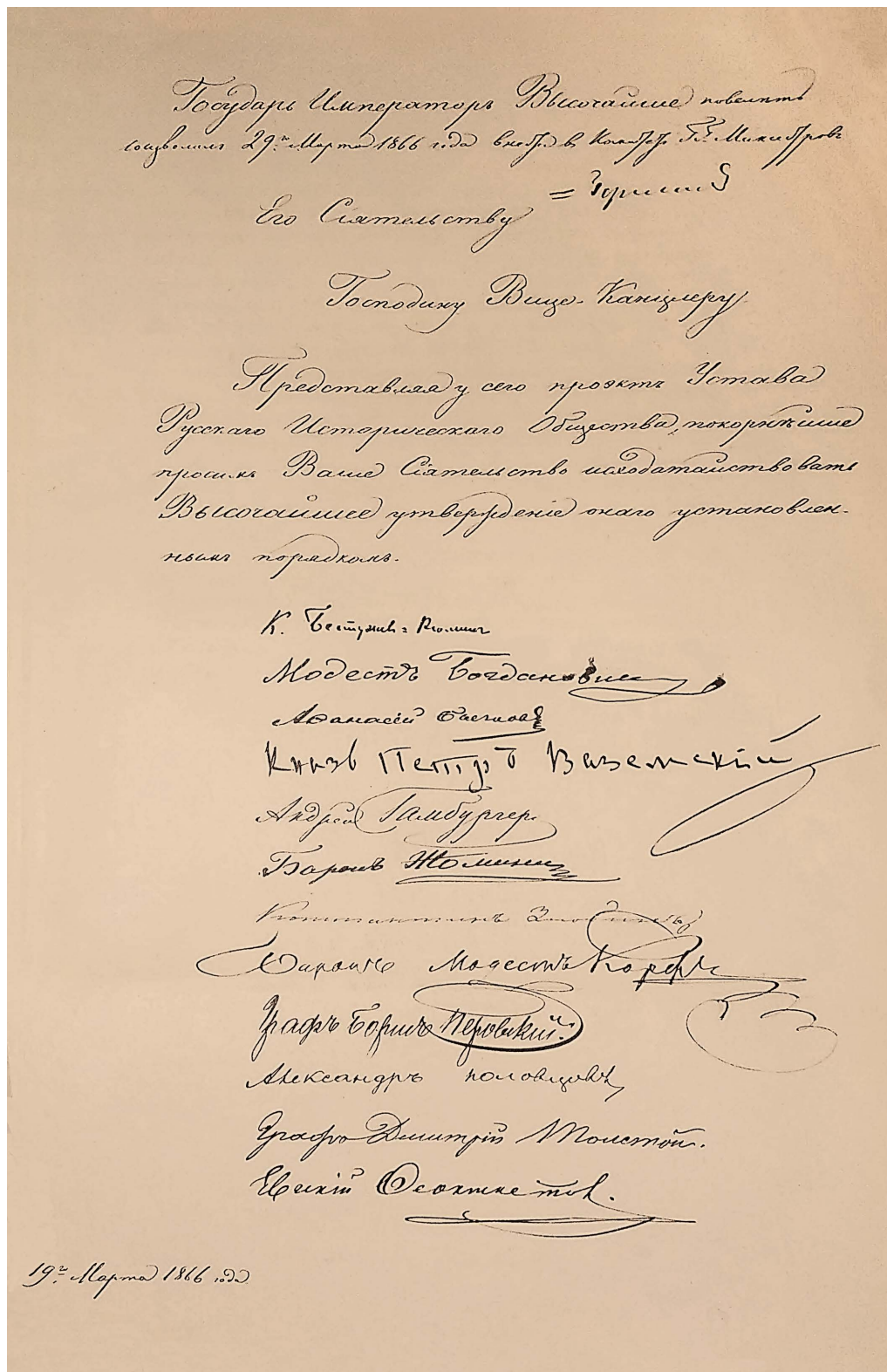
Исключительно одарённый, трудолюбивый А.А.Половцов (1832–1909) совершил блестящую карьеру. Женитьба в 1861 г. на внебрачной дочери великого князя

Ил. 2. Портрет А.А. Половцова

Михаила Павловича Н.М.Июневой, воспитаннице барона А.Л.Штиглица, одного из самых состоятельных лиц Российской империи, сделала А.А.Половцова материально независимым. С молодых лет у него было ощущение собственной сопричастности историческому процессу, и он пунктуально вёл дневник, предназначенный профессиональному историку будущего. До конца жизни императора Александра III он пользовался полным доверием, а братья самодержца великие князья Владимир и Алексей входили в круг ближайших друзей А.А.Половцова.

Именно беседы А.А.Половцова с наследником престола в 1865–1866 гг. привели к созданию Русского исторического общества (ил. 3). Членами-основателями, помимо Половцова («почётный покровитель» наследник-цесаревич формально в РИО не входил по соображениям этикета), были также князь П.А.Вяземский, граф М.А.Корф, М.И.Богданович, К.К.Злобин, граф Б.А.Перовский, А.Г.Жомини, А.Ф.Бычков, А.Ф.Гамбургер, граф

Ил. 3. Прошение членов-учредителей РИО

Д.А.Толстой, Е.М.Феоктистов и К.Н.Бестужев-Рюмин. По возрасту Половцов был самым младшим, а К.Н.Бестужев-Рюмин являлся единственным профессиональным

историком. Всех их сближали искренний интерес к российской истории и желание лично принести максимальную пользу в её изучении. По замыслу членов-осно-

вателей, задачей РИО предполагалось издание документов не старше конца XVIII в.

При создании РИО ещё не имелось ни общего плана действий, ни даже предположений о направлении развития Общества — было только намерение в меру сил и возможностей способствовать развитию исторической науки. В марте 1866 г. члены-основатели РИО подписали окончательную редакцию устава и 19 марта обратились к вице-канцлеру князю А.М.Горчакову с ходатайством об официальном утверждении. Император Александр II 29 марта 1866 г. повелел внести проект устава РИО на рассмотрение Комитета министров, сопроводив резолюцией «нужное». В его ближайшем заседании по докладу министра народного просвещения А.В.Головнина проект устава РИО был одобрен. 23 мая 1866 г. император Александр II в Царском Селе утвердил устав РИО. С этой даты (4 июня н. ст.) принято отсчитывать начало существования Русского исторического общества.

Согласно уставу РИО, «Общество составляют: а) члены действительные; б) члены почётные, в) члены-соревнователи. Лица, положившие основание Обществу, именуются основателями. Общество имеет также иностранных почётных членов и членов-корреспондентов. Делами Общества управляет Совет, состоящий из председателя, помощника его, трёх членов, секретаря и казначея. Кроме председателя, Общество может иметь почётного председателя, если кто-либо из членов Императорской Фамилии удостоит Общество принятием на себя этого звания».

Первое общее собрание РИО состоялось 19 октября 1866 г. в квартире обер-прокурора Святейшего Синода графа Д.А.Толстого. Председателем Общества был избран князь П.А.Вяземский при секретаре А.А.Половцове. 24 октября 1866 г. в квартире А.Ф.Гамбургера (в здании Министерства иностранных дел) состоялось заседание Совета РИО. Признанием заслуг ве-

ликих князей Александра Александровича и Владимира Александровича в создании РИО стало их избрание почётными членами.

Темой заседания явилось издание «Сборника Русского исторического общества». Возник спор: публиковать ли одновременно с историческими документами научные исследования? Постановили принимать решение по каждому конкретному случаю отдельно. Состав первого тома «Сборника» обсуждался и на втором заседании 11 декабря 1866 г. В основу «Сборника» были положены письма Екатерины II к графу А.Г.Орлову, предоставленные князем Н.А.Орловым, ещё не бывшим членом РИО. Тем самым с первого «Сборника» Общество стало открытым для сотрудничества сторонних лиц. Все расходы по изданию принял на свой счёт А.А.Половцов. Через два месяца не подлежащий предварительной цензуре том был сдан в типографию. Лишь после этого члены-основатели РИО посчитали себя вправе обратиться к наследнику цесаревичу Александру Александровичу с просьбой о принятии на себя звания Почётного председателя Русского исторического общества.

7 февраля 1867 г. Совет РИО был принят в Аничковом дворце (ил. 4), где наследник цесаревич изъявил согласие на ходатайство Общества и обещал ему содействие в его замыслах. Аничков дворец был предоставлен РИО для ежегодных общих собраний, первое из которых состоялось 28 февраля 1867 г. Речь Председателя РИО 75-летнего князя П.А.Вяземского объясняла суть посвящения его старшим другом Н.М.Карамзиным «Истории государства Российского» императору Александру I: «История народа принадлежит Царю», — на что 22-летний Почётный председатель РИО ответил: «Благодарю вас за любезно возлагаемые на меня надежды. Сделаю, что могу».

14 декабря 1867 г. состоялось второе общее собрание РИО, на котором Почётному председателю был поднесён свежизданный 1-й «Сборник РИО». На за-

Ил. 4. Аничков дворец

седании был высказан замысел публикации в «Сборнике» материалов Комиссии по составлению проекта нового Уложения 1767 г. и переписки барона Ф.-М. Гримма с Екатериной II. Устав РИО главной его целью устанавливал издание «Сборника», который определялся как «выходящий в свет без определённых сроков и заключающий материалы в том виде, в каком они находятся в архивах и у частных лиц, с объяснениями, примечаниями, комментариями, которые признаны будут Советом Общества необходимыми», причём «документы и акты, писанные на иностранных языках, печатаются в подлинном тексте с переводом на русский язык». Рассмотрение материалов «Сборника» стало главной повесткой ежегодных общих собраний, проходивших в Аничковом дворце под председательством наследника цесаревича Александра Александровича.

Наиболее значимым событием в истории РИО того времени явилось торжественное заседание 25 ноября 1873 г. па-

мяти Екатерины Великой — после открытия памятника работы М.О.Микешина. Император Александр II Высочайшим рескриптом на имя Почётного председателя РИО наследника цесаревича Александра Александровича пожаловал Обществу наименование «Императорского». Подчёркивались труды, которые РИО предприняло для «сохранения и обнародования актов достохвальных её деяний, клонившихся к благосостоянию и славе России». В отличие от общих собраний РИО, это торжественное заседание было открыто для публики — ввиду значительного количества приглашённых оно состоялось в зале Императорского Русского географического общества.

Именование РИО «Императорским» подчеркнуло: глава Российской империи взял Общество под личное своё покровительство, а председатель РИО имеет право в установленном порядке обращаться к императору, минуя министра народного просвещения, которому был формально подчинён.

Исключительно важным было общее собрание РИО 5 марта 1876 г., где впервые обсуждалась идея создания «Русского биографического словаря». Замысел этот относился ещё к моменту создания Общества, идея его витала в воздухе, однако впервые озвучена она была лишь десять лет спустя после создания РИО. Первые «Сборники РИО» отмечены были явной неровностью комментария. Пространственный в одних случаях и почти отсутствующий в других, причём зачастую именно там, где он был совершенно необходим, нередко дававший разночтения в написании имён, отчеств и фамилий при несовпадавших датах. Почётный председатель РИО обратил на то внимание.

Согласно А.А.Половцову, неровность комментария «Сборника» была следствием отсутствия биобиблиографического справочника по русской истории, причём достаточно совершенного в отношении как полноты словника персоналий, так и точности сведений. Предложенная идея создания словаря кулуарно обсуждалась, и на заседании Совета РИО 25 ноября 1875 г. князь А.Б.Лобанов-Ростовский выступил с развёрнутым изложением его программы. Предложенный им план действий ни у кого не вызвал возражений, однако Я.К.Грот высказал пожелание, чтобы во главе издания стоял некто, лично ответственный за судьбу столь важного труда, ибо коллективное руководство, пагубное уже само по себе, особый вред причиняет в деле составления словарей и энциклопедий. Сам князь А.Б.Лобанов-Ростовский, доложив членам Совета программу словаря, сообщил, что не может возложить на себя руководство его составлением, но готов всячески содействовать утверждённому Обществом для этой цели лицу передачей имеющихся рукописных и печатных материалов. Также, ввиду служебных занятий и секретарства в РИО, отказался возложить на себя бремя подготовки словаря А.А.Половцов. В итоге Совет РИО признал наиболее разумным обратиться ко всем русским учёным с запро-

сом, не найдёт ли кто из них время и силы для того, чтобы всецело посвятить себя составлению словаря? В течение пяти лет Совет РИО не смог найти того, кто согласился бы взвалить на себя тяжкую ношу.

Тем не менее Совет РИО сразу согласился с предложением князя А.Б.Лобанова-Ростовского и обратился к нему с просьбой представить к общему собранию письменную программу словаря, где ответить на главный вопрос о критерии отбора имён для него (в первую очередь – определить хронологические границы словника). Также члены Совета желали узнать сроки подготовки, общий объём издания, размер издержек и возможные способы их покрытия – всё это было князем А.Б.Лобановым-Ростовским исполнено. На общем собрании РИО 5 марта 1876 г. обсуждался «Русский биографический словарь» (далее – РБС). В спорах живое участие принял Почётный председатель РИО наследник цесаревич Александр Александрович. По его предложению была образована комиссия из пяти членов РИО (князя А.Б.Лобанова-Ростовского, А.Ф.Бычкова, Н.В.Калачова, К.К.Злобина и Ф.Ф.Веселаго), которая год спустя доложила Обществу итоговые выводы. Так, если ранее РБС предполагался изданием предельно кратким и справочного характера, с общим объёмом в 6 томов (+ том указателя), на его подготовку и издание отводилось пять лет – то на собрании РИО 17 марта 1877 г. комиссия доложила о выводах совершенно противоположных за год до того высказанным. РБС признавался делом исключительной важности, в котором не должно было быть места ни поспешности, ни пропуску имён в словнике, ни неточностей. Словарь должен был включать сведения о всех лицах, которые с начала русской истории оставили о себе след как в хорошем, так и в худом отношении, не исключая и связанных с Россией иностранцев. Словарь должен был давать точные сведения и указания на источники. Авторы должны отказаться от вынесения каких-либо оценочных суждений или оценок личного характера. Определять объём словаря и срок окончания работы было сочтено преждевременным, однако

было признано необходимым создать редакционный комитет из ответственного редактора и главных сотрудников.

Предложение это было встречено сочувственно, однако до конкретных действий по работе над словарем дело всё же не дошло. Общее собрание передало решение этого вопроса на рассмотрение Совета совместно с комиссией по составлению словаря – на том дело и замерло на два года.

Главным делом РИО продолжало оставаться составление «Сборника РИО». За первые 13 лет свет увидели 26 томов, из них десять «Сборников» являлись сборными в буквальном смысле слова – после 1877 г. от этой практики было решено отказаться и сборники стали тематическими. Начало было положено двумя подборками материалов, которые публиковались на протяжении многих лет.

Д.В.Поленов предпринял издание «Материалов Екатерининской законодательной комиссии», а П.П.Пекарский приступил к публикации «Бумаг императрицы Екатерины II, хранящихся в Государственном Архиве Министерства иностранных дел». (Издание было продолжено и завершено Я.К.Гротом.) Был полностью осуществлён замысел Я.К.Грота, изложенный в речи 1873 г. «Екатерина II в своей литературной переписке» – свет увидели тома «Переписка императрицы Екатерины II с Фальконетом» и «Письма императрицы Екатерины II барону Мельхиору Гримму».

Была начата привлекая внимание европейских историков публикация служебной переписки аккредитованных при российском дворе послов Англии, Пруссии и Австрии, относящейся к XVIII в., а также донесений посла Нидерландов более раннего периода. Издание дипломатической корреспонденции растянулось более чем на 40 лет – оно было осуществлено под наблюдением А.А.Половцова, Г.Ф.Штендмана и А.Х.Бека.

В 1878 г. граф С.Д.Шереметев приступил к изданию материалов родового архива: Н.И.Григорович подготовил матери-

алы Петровской эпохи («Документы, относящиеся к деятельности фельдмаршала графа Бориса Петровича Шереметева за 1704–1722 гг.»). В дальнейшем семейные бумаги граф С.Д.Шереметев публиковал самостоятельно, помимо Общества, с помощью А.П.Барсукова. Что касается Н.И.Григоровича, то он подготовил исследование «Канцлер князь Александр Андреевич Безбородко в связи с событиями его времени» (ч. I–II). Н.И.Костомаров опубликовал «Бумаги князя Н.В.Репнина за время управления его Литвою (1794–1796 гг.)».

Издание «Сборника РИО» А.А.Половцов осуществлял на свои средства. Примерно 300 экземпляров бесплатно рассылались в библиотеки высших и средних учебных заведений Российской империи. (Рассылка осуществлялась канцеляриями попечителей учебных округов.) Подборки «Сборника» в конце XIX в. составляли принадлежность почти каждой гимназической и университетской библиотеки, оттого два поколения русских историков выросли на их чтении. За пределами Российской империи «Сборник РИО» наглядно показывал уровень исторической науки.

Расцвет РИО

После кончины князя П.А.Вяземского на общем собрании Общества 26 марта 1879 г. его председателем был избран А.А.Половцов и в этом звании находился до смерти в 1909 г. Секретарём РИО был избран Г.Ф.Штендман – в этой должности он пребывал до кончины в 1903 г., сделав исключительно много для устройства Общества в административном, научном, финансовом, издательском и хозяйственном отношении. Под его наблюдением велись работы по подготовке РБС и изданию 33 томов «Сборника».

Почётный председатель РИО наследник цесаревич великий князь Александр Александрович в 1881 г. взошёл на Всероссийский престол. На протяжении четверти века деятельность РИО входила

в сферу важнейших интересов императора Александра III, и последнюю треть XIX в. следует считать эпохой высшего расцвета Общества.

Главным направлением деятельности Общества под председательством А.А.Половцова являлось издание «Сборника»: интенсивность издания возросла в 3,5 раза! Продолжен был выпуск тематических томов, причём тематика исследований значительно расширилась.

Событием в русской исторической науке стал выход в свет двух томов материалов по экономической истории России за две трети века — с 1760-х по середину 1820-х гг. «Финансовые документы царствования императрицы Екатерины II» и «Финансовые документы царствования императоров Павла I и Александра I» обратили на составителя А.Н.Куломзина внимание Почётного председателя РИО. Служебная карьера публикатора завершилась 1 января 1917 г. в должности Председателя Государственного совета. (А.Н.Куломзин был старейшим по времени пребывания членом РИО (49 лет) — будучи избран в 1871 г., он на 4 года пережил Общество и скончался в Марселе в 1924 г. в возрасте 85 лет.)

Деятельность императрицы Екатерины Великой с момента основания РИО находилась в центре исследовательских интересов Общества.

Продолжалось издание «Материалов Екатерининской законодательной комиссии». Была завершена публикация «Бумаг императрицы Екатерины II, хранящихся в Государственном Архиве Министерства иностранных дел», дополнением к которым послужили «Письма и записки императрицы Екатерины II к разным лицам». Были опубликованы «Письма барона Мельхиора Гримма к императрице Екатерине II (1764–1796 гг.) и к вице-канцлеру князю А.Н.Голицыну (1764–1765 гг.), Письма Эрнеста-Иоганна Бирона посланнику графу Герману Кейзерлингу (1734–1737 гг.), Письма Дидро к императри-

це Екатерине II (1774–1781 гг.)», причём «Письма Гримма к императрице Екатерине II (1764–1796 гг.)» через пять лет были переизданы Я.К.Гротом вторым, значительно дополненным изданием. Было предпринято издание «Политической переписки императрицы Екатерины II (1764–1796 гг.)».

Была продолжена публикация документов о внешней политике России.

Увидели свет 12 томов «Дипломатической переписки английских послов и посланников при русском дворе». В связи с кончиной Г.Ф.Штендмана издание было прекращено. Невосполнимая утрата главного сподвижника А.А.Половцова имела следствием преждевременное окончание ещё трёх серий документов: «Дипломатическая переписка австрийских послов и посланников при русском дворе», «Дипломатическая переписка прусских послов и посланников при русском дворе» и «Дипломатическая переписка французских послов и посланников при русском дворе».

Первоначально в центре интересов РИО находилась Екатерининская эпоха, затем и XVIII в. в целом. Публикацию документов о международных отношениях России более раннего периода, начатую К.Н.Бестужевым-Рюминым, успешно продолжил Г.Ф.Карпов.

К.Н.Бестужев-Рюмин опубликовал 1-й том «Памятников дипломатических сношений Московского государства с Англией» (за период 1581–1604 гг.) и вскоре скончался. Серия документов о русско-английских отношениях XVII в. продолжения не имела. Международные связи России XV–XVI вв. были рассмотрены Г.Ф.Карповым, за 8 лет опубликовавшим свод документов о взаимоотношениях Московского царства с Западом и Востоком, как то 2 тома «Памятников дипломатических сношений Московского государства с Крымскою и Ногайскою ордами и с Турцией» (за 1474–1521 гг.) и 3 тома «Памятников дипломатических сношений Мо-

сковского государства с Польско-Литовским государством» (за 1487–1571 гг.). 1-й том имел большой читательский успех у историков Царства Польского, его тираж оказался раскупленным, и в 1892 г. свет увидело 2-е издание – случай в анналах РИО единственный. Г.Ф. Карпов подготовил и «Памятники дипломатических сношений Московского государства с Немецким Орденом в Пруссии 1516–1520 гг.».

Повышенным вниманием членов РИО пользовалась дипломатическая история конца XVIII – начала XIX в.

Выдающийся знаток международного права Ф.Ф. Мартенс подготовил «Дипломатические акты из архива князя Н.В. Репнина, относящиеся до Тешенского конгресса 1779 г.». О постоянной сложности взаимных отношений России, Польши и Турции свидетельствует том «Бумаги русского посланника в Константинополе Я.И. Булгакова с 1779 по 1798 г.; Дела Польши».

Российско-французские отношения до и после Отечественной войны 1812 года не могли привлечь внимания исследователей, особенно после того, как благодаря члену РИО российскому послу в Париже князю Н.А. Орлову Общество получило доступ в архив Министерства иностранных дел Франции. Беспрепятственный допуск к дипломатической переписке страны, бывшей в начале XIX в. в весьма непростых отношениях с Россией, прецедента не создал, однако с 1870-х гг. образовались устойчивые связи на личном и профессиональном уровне ведущих российских и французских историков – в их создании и упрочении исключительную роль сыграло РИО. Результатом сотрудничества явились 4 тома «Дипломатических сношений России с Францией в эпоху Наполеона I», продолженные двумя сборниками: «Политическая переписка генерала Савари во время пребывания его в Санкт-Петербурге в 1807 г.; Акты Тильзитского мира; Переписка императора Александра I с Наполеоном с июля 1807 г. по январь 1808 г.» и «Посольство графа П.А. Толстого в Пари-

же в 1807 и 1808 гг. – От Тильзита до Эрфурта». Завершали этот проект 3 тома «Донесений французских представителей при русском дворе и русских представителей при французском дворе» и том «Донесения посланников Соединённых Нидерландов при русском дворе».

Внутренней политике в «Сборнике РИО» было уделено не меньшее внимание, чем внешней.

Для изучения послепетровского времени были важны «Протоколы, журналы и указы Верховного Тайного Совета 1726–1730 гг.» (8 томов) и «Бумаги Кабинета министров императрицы Анны Иоанновны 1731–1740 гг.» (10 томов). Постичь Николаевскую эпоху помогают «Журнал Комитета, учреждённого Высочайшим рескриптом 6 декабря 1826 г.» (2 тома), «Материалы и чертёты к биографии Николая I и к истории его царствования» и «Материалы для истории Православной Церкви в царствование императора Николая I». Хронологическим продолжением были два тома «Годы учения Его Императорского Высочества Наследника Цесаревича Александра Николаевича, ныне благополучно царствующего Государя Императора 1826–1838 гг.», изданные в 1880 г. Единственный раз в истории РИО было подготовлено издание о правителе самодержце – Общество пожелало выразить благодарность за Высочайшее покровительство. Предполагалось торжественно вручить оба тома императору Александру II во время общего собрания, однако бомба И. Гриневецкого сделала то намерение неосуществимым. В убитом народовольцами монархе РИО потеряло неизменно откликавшегося на все его упования августейшего помощника, а Почётный председатель Общества – любимого отца.

Продолжалась публикация материалов частных и государственных архивов, посвящённая видным историческим деятелям.

Были осуществлены издания «Канцлер князь Александр Андреевич Безбородко в связи с событиями его времени» и «Герцог Арман-Эммануил Ришельё: Документы и бумаги о его жизни и деятельности. 1766–1822 гг.». Были опубликованы «Бумаги графа Арсения Андреевича Закревского» (2 тома) и «Архив князя А.И. Чернышёва» (2 тома).

Одним из важнейших событий в жизни РИО явился выход в свет двух томов «Азбучного указателя имён русских деятелей для Русского Биографического Словаря» (тома 60 и 62 «Сборника РИО»; 1887–1888 гг.). Подготовленный Г.Ф.Штендманом словник позволил Совету РИО обсудить кандидатуры приглашённых редакторов (как правило, не бывших членами Общества) и распределить между ними объём РБС в пределах первоначально намеченных ономастических границ тома или группы томов. Десятилетние предварительные труды по написанию корпуса биографий ознаменовались в 1896 г. выходом в свет первого тома РБС «Аарон – император Александр II», показавшим полное его отличие от существовавших к тому времени в России энциклопедических и биобиблиографических словарей.

История создания и издания РБС уже рассматривалась автором данной статьи как в целом, так и применительно к судьбе отдельных неизданных томов [2; 3; 4; 5]. Упомянем лишь, что первый том был подготовлен еще в 1892 г., но ввиду того, что написанная С.С.Татищевым биография Александра II не единожды редактировалась лично А.А.Половцовым, том вышел с большим опозданием. На рубеже веков произошла смена редакторов ряда томов, и с 1900 г. главенствующую после Г.Ф.Штендмана роль в создании РБС начал играть приглашённый им Б.Л.Модзалевский. Угасание А.А.Половцова не самым благоприятным образом сказалось на издании РБС – настолько, что Б.Л.Модзалевский даже задумывался о прекращении своего участия в этом предпри-

ятии, бывшим для него самым существенным источником заработка. Напротив, А.А.Половцову на протяжении свыше сорока лет издательская деятельность РИО приносила одни убытки – на эту затею он издержал свыше 190 000 руб., к концу жизни расстроив состояние.

Как отмечалось выше, РБС не входил в круг чтения «образованного сословия». Замысел дать «свод биографий о лицах, оставивших свой след в истории в хорошем или дурном отношении» без морализаторства любых оттенков, оказался чужд идеологизированной российской интеллигенции. Согласно М.О.Меньшикову, «Русский биографический словарь должен быть не некрополем, а пантеоном, он должен вмещать лишь аристократию русской расы – от великих крестьян до великого царя» [6, с. 4]. Излишне говорить, что с задачами РИО пропагандно-патриотический подход не сочетался.

Последнее десятилетие РИО

После кончины А.А.Половцова 9 сентября 1909 г. Обществом руководил Совет. На общем собрании членам РИО 2 апреля 1910 г. Почётный председатель император Николай II представил назначенного им 1 января 1910 г. Председателя Общества великого князя Николая Михайловича (ил. 5), избранного почётным членом РИО в 1899 г. и принимавшего активное участие в его деятельности. К этому времени он уже возглавлял Императорское Русское географическое общество и пользовался европейской известностью как путешественник, энтолог и как автор ряда монументальных трудов об императоре Александре I и его эпохе.

За свои труды по истории русско-французских отношений того времени великий князь Николай Михайлович был избран членом Французского Института, а за труды по русской истории – почётным доктором Императорского Московского университета. Под его покровительством

Ил. 5. Портрет великого князя Николая Михайловича

А.Н.Бенуа и С.П.Дягилев провели в Таврическом дворце в 1906–1907 гг. выставку «Русские портреты XVIII и XIX веков», опубликовав изображения с обстоятельными биографическими очерками. Великий князь Николай Михайлович был знатоком некрополистики, под его надзором Б.Л.Модзалевский (ил. 6) и В.И.Сайтов составили «Санкт-Петербургский некрополь» и «Московский некрополь»; была начата работа по составлению «Русского провинциального некрополя» и «Русского некрополя в чужих краях».

Председатель РИО упорядочил финансовое положение Общества: он добился финансирования всех работ, связанных с подготовкой и изданием трудов РИО, за счёт средств императора – на эти цели Общество ежегодно стало получать из Кабинета Е.И.В. по 15 тыс. рублей. (Сумма шла прежде всего на оплату авторской и редакторской работы, а также на издание РБС – вне общего бюджета РИО.) Великий князь Николай Михайлович не был склонен вникать в содер-

жание тома: за подготовкой следили редакторы, чей труд начал весьма достойно оплачиваться. Ключевой фигурой издания стал редактор, лично за том ответственный и выступавший связующим звеном между авторами и Советом РИО. Была создана московская редакция во главе с Н.П.Чулковым: два тома увидели свет в Москве, а один остался в вёрстке. Рациональная организация труда позволяла максимально экономить время.

Одним из приоритетных направлений деятельности РИО оставалось издание «Сборников». Завершилась публикация «Бумаг Кабинета министров императрицы Анны Иоанновны 1731–1740 гг.» (2 тома). Было возобновлено издание «Материалов Екатерининской законодательной комиссии» (3 тома) и «Политической переписки императрицы Екатерины II (1764–1796 гг.)» (2 тома); оба издания остались незавершёнными. Была продолжена публикация «Памятников дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским государством» (2 тома). Началось издание «Памятников дипломатических сношений Московского государства с Шведским государством».

Продолжалась публикация материалов о международных связях России XVIII в.: «Дипломатической переписки английских послов и посланников при русском дворе». Была начата новая серия «Дипломатическая переписка французских представителей при дворе императрицы Екатерины II» (3 тома).

На юбилей Отечественной войны 1812 года Общество откликнулось «Актами, документами и материалами для политической и бытовой истории 1812 г.» (3 тома). «Переписка императора Николая Павловича с великим князем цесаревичем Константином Павловичем» (2 тома) предоставила драгоценный материал для истории Царства Польского 1825–1831 гг.

Издания РИО – как «Сборник», так и РБС – принесли Обществу славу: за рубежом по ним судили об уровне российской науки и оценили его столь высо-

ко, что в 1912 г. было принято решение о проведении международного исторического конгресса в 1918 г. в Санкт-Петербурге. Организацию этого мероприятия император Николай II возложил на РИО и Академию наук, однако последующие события внутренней жизни Российской империи не способствовали исполнению данного распоряжения.

Деятельность РИО за 50 лет нашла отражение в сборнике «Императорское Русское историческое общество. 1866–1916» (ил. 7). К концу 1916 г. издательская деятельность РИО de facto прекратилась в связи с кризисом типографского дела в Петрограде. Несколько томов РБС и «Сборника РИО», находившиеся в разной стадии подготовки, уже не смогли быть напечатанными. Научным подвигом следует считать издание Б.Л.Модзалевским в обезлюдевшем Петрограде 1918 г. тома «Романова — Рясковский». (Печатать огромный том согласилась лишь небольшая еврейская типография «Кадима».) Условия повседневной жизни «Северной Коммуны» не позволили из-за отсутствия транспорта вывезти тираж на склад изданий РИО в Ново-Михайловский дворец, и он застрял на складе Академии наук.

11 мая 1917 г. великий князь Николай Михайлович был избран Общим собранием РИО на пост Председателя. (Общество с учётом вновь принятых членов состояло из сорока человек.) Из-за реалий того времени научная деятельность РИО прекратилась почти полностью — Б.Л.Модзалевский являл собою исключение из общего правила. Связи историков были прерваны: уже 26 января 1918 г. москвич Н.П.Чулков спрашивал Б.Л.Модзалевского: «А что слышно о Русском историческом обществе и его Председателе?.. Я совсем потерял надежду, что удастся когда-либо зажечь нормальной жизнью. Что будет ещё хуже, в этом я несколько не сомневаюсь, улучшения же не жду» [7]. Предчувствие не обмануло архивиста: ровно через год во дворе Петропавловской крепости Председа-

Ил. 6. Портрет Б.Л. Модзалевского

тель РИО великий князь Николай Михайлович был расстрелян «в порядке мести за убийство Карла Либкнехта и Розы Люксембург». «Революция не нуждается в историках» — так, по преданию, ответил В.И.Ленин Максиму Горькому, обратившемуся к нему с ходатайством о помиловании.

К августу 1920 г. в опустевшем Петрограде оставалось семь членов РИО. По инициативе С.Ф.Платонова было принято решение о самороспуске Общества — с тем, чтобы активы, прежде всего архивы и неопубликованные материалы, передать Российской Академии наук. Попытка С.Ф.Платонова в рамках академической и университетской жизни продолжить исследования РИО успехом не увенчалась: Б.Л.Модзалевский отнёсся к тому скептически. Уже к середине 1920-х гг. РИО воспринималось в СССР как что-то архаическое, а после разгрома традиционной историографии в ходе так называемого Академического дела Общество перестало упоминаться в трудах

Ил. 7. Юбилейный сборник
«Императорское Русское историческое общество. 1866–1916»

советских учёных. Вновь интерес к его деятельности возник только в 1990-х гг. в связи с изданием «Русского биографического словаря». С созданием в 2012 г. Рос-

сийского исторического общества изучение судьбы предшественника стало одним из направлений исследовательской деятельности [5].

ЛИТЕРАТУРА

1. Императорское Русское историческое общество, 1866–1916 / Сост. А.А. Гоздаво-Голомбиевский, В.И. Сайтов. Авт.: П.Н. Жукович, А.С. Лаппо-Данилевский. Пг.: Экспедиция заготовления государственных бумаг, 1916.
2. Лепехин М.П. Великий князь Николай Михайлович и издание «Русского биографического словаря» // Книга в России: [Вып. 19:] Проблемы источниковедения и историографии: Сб. науч. тр. / БАН. Л.: БАН, 1991. С. 31–40.
3. Лепехин М.П. Предисловие // Русский биографический словарь: Неизданные материалы / Подг. М.П. Лепехин. М.: Аспект Пресс», 1997–2000. а) Том «Вавила — Витгенштейн». 2000. С. 3–10; б) Том «Гоголь — Гюне». 1997. С. 3–10; в) Том «Маак — Мятлева». 1999. С. 3–6; г) Том «Николай I — Новиков» 1998. С. 3–4; д) Том «Тобизен — Тургенев». 1999. С. 3–5.

4. Лепехин М.П. «Русский биографический словарь»: на пути к завершению 130-летнего исследовательского и издательского замысла // Вестник РГНФ. 2005. № 1 (38). С. 5–15.
5. Лепехин М.П. Русское историческое общество, 1866–1920 // Юбилейный сборник Российского исторического общества: 150 лет со дня основания Русского исторического общества / Под ред. и с предисл. С.Е. Нарышкина. М.: Кучково поле, 2016. С. 9–64.
6. Меньшиков М.О. Письма к ближним // Новое время. 1907. № 11396. С. 4.
7. РО ИРЛИ. Ф. 184 (Архив Б.Л. Модзалевского; до настоящего времени не обработан).

ENGLISH

Publishing of the Russian Historical Society

Mikhail Panteleevich Lepekhn – Senior Researcher at the Library of the Russian Academy of Sciences, supervisor of the research project “Publishing of the Russian Historical Society” (17-01-50146).
E-mail: mpl2612@yandex.ru

The paper is dedicated to the establishment of the Russian Historical Society in 1866 and its voluntary dissolution in 1920. A group of persons initiated the publishing of the “Collection of the Russian Historical Society” in 148 volumes and the “Russian Biographical Dictionary” in 25 volumes. In half a century of publishing efforts of a few persons, the Society has laid the foundation of Russian historical science.

Keywords: the Russian Historical Society, “Collection of the Russian Historical Society”, “Russian Biographical Dictionary”

REFERENCES

1. Imperatorskoe Russkoe istoricheskoe obshchestvo, 1866–1916 / Sost. A.A. Gozdavo-Golombievskiy, V.I. Saitov. Avt.: P.N. Zhukovich, A.S. Lappo-Danilevskiy. Pg.: Ekspeditsiya zagotovleniya gosudarstvennykh bumag, 1916 (in Russian).
2. Lepekhn M.P. Velikiy knyaz' Nikolay Mikhailovich i izdanie «Russkogo biograficheskogo slovarya» // Kniga v Rossii: [Vyp. 19:] Problemy istochnikovedeniya i istoriografii: Sb. nauch. tr. / BAN. L.: BAN, 1991. S. 31–40 (in Russian).
3. Lepekhn M.P. Predislovie // Russkiy biograficheskiy slovar': Neizdannye materialy / Podg. M.P. Lepekhn. M.: Aspekt Press», 1997–2000. a) Tom «Vavila – Vitgenshteyn». 2000. S. 3–10; b) Tom «Gogol' – Gyune». 1997. S. 3–10; v) Tom «Maak – Myatleva». 1999. S. 3–6; g) Tom «Nikolay I – Novikov» 1998. S. 3–4; d) Tom «Tobizen – Turgenev». 1999. S. 3–5 (in Russian).
4. Lepekhn M.P. «Russkiy biograficheskiy slovar'»: na puti k zaversheniyu 130-letnego issledovatel'skogo i izdatel'skogo zamysla // Vestnik RGNF. 2005. № 1 (38). S. 5–15 (in Russian).
5. Lepekhn M.P. Russkoe istoricheskoe obshchestvo, 1866–1920 // Yubileynyy sbornik Rossiyskogo istoricheskogo obshchestva: 150 let so dnya osnovaniya Russkogo istoricheskogo obshchestva / Pod red. i s predisl. S.E. Naryshkina. M.: Kuchkovo pole, 2016. S. 9–64 (in Russian).
6. Men'shikov M.O. Pis'ma k blizhnim // Novoe vremya. 1907. № 11396. S. 4 (in Russian).
7. RO IRLI. F. 184 (Arkhiv B.L. Modzalevskogo; do nastoyashchego vremeni ne obrabotan) (in Russian).

ФИЛОСОФИЯ. СОЦИОЛОГИЯ. ПОЛИТОЛОГИЯ. ПРАВОВЕДЕНИЕ

УДК 316.2

ГРНТИ 04.11

DOI: 10.22204/2587-8956-2020-098-01-38-47

**Р.Н. АБРАМОВ,
А.В. БЫКОВ***

Социологическое понимание профессиональной и организационной этики

В статье проблематизируется значимость изучения профессиональной этики с использованием теорий и подходов социологии профессий, социологии морали и современной социологической теории. Ставится вопрос о соотношении индивидуальной моральной позиции и требований профессиональной этики. Кратко характеризуются ключевые противоречия, возникающие в практике работы профессионалов – в частности, ситуации, когда возникают этические дилеммы, продиктованные внешними организационными обстоятельствами и менеджериалистской логикой управления. Отдельное внимание уделяется случаю этических напряжений в университетской системе в отношениях между академическими профессионалами и административным персоналом. Обсуждаются проблемы профессиональной этики сообществ, находящихся в процессе становления, а также характеризуется практика корпоративного волонтерства. Намечаются перспективные направления изучения профессиональной этики, включающие необходимость эмпирического изучения токсичных моральных решений в профессиональной практике и манипулятивных рисков применения формальных кодов этики для завоевания властного доминирования в профессиональном контексте.

Ключевые слова: этика, мораль, профессия, менеджериализм, функционализм, теоретическая социология, административный персонал, корпоративное волонтерство

* **Абрамов Роман Николаевич** — доктор социологических наук, профессор департамента социологии факультета социальных наук Национального исследовательского университета Высшая школа экономики (НИУ ВШЭ), старший научный сотрудник ФНИСЦ РАН, руководитель проекта «Трансформации этики современных профессиональных сообществ: перспективы социологической реконцептуализации и возможности изучения в российском контексте» (18-011-00257).

E-mail: rabramov@hse.ru

Быков Андрей Вячеславович — кандидат социологических наук, старший преподаватель департамента социологии факультета социальных наук Национального исследовательского университета Высшая школа экономики (НИУ ВШЭ), научный сотрудник ФНИСЦ РАН, исполнитель того же проекта.

E-mail: a.bykov@hse.ru

Введение

Профессиональная этика является предметом исследовательского интереса для целого ряда теоретических и прикладных дисциплин, в первую очередь имеющих отношение к философии [1], медицине [2], праву [3], а также к изучению бизнеса и организаций [4]. Такое внимание вполне понятно и обосновано: в современном быстро меняющемся мире деятельность профессионалов зачастую происходит либо в условиях нормативного вакуума и отсутствия чётких регламентаций действий при осуществлении морально-го выбора, либо в ситуации пересечения нормативных требований различного институционального генеза, что порождает у специалистов чувство неуверенности и приводит к состоянию перманентного «морального стресса» [5].

Подобная ситуация требует как теоретического осмысления, так и (что, возможно, даже более важно) разработки практических решений, направленных на снижение уровня противоречивости и нормативной неопределённости принципов принятия морально релевантных решений в профессиональном и организационном контекстах. Однако собственно социологическая интерпретация профессиональной этики до сих пор носит достаточно проблематичный характер: с одной стороны, классики дисциплины предпринимали заметные попытки наиболее общей концептуализации профессиональной этики как специфически социологического проблемного поля, а с другой — к настоящему времени едва ли можно говорить о формировании относительно конвенционального теоретико-методологического подхода к пониманию данного феномена (см. подробнее в [6]).

Вместе с тем в последние годы в социальных науках возрос интерес к изучению морали как многоуровневого явления, связанного как с индивидуальными этическими диспозициями и идентичностью, так и выступающего в качестве

производного масштабных социальных и культурных систем [7, 8]. Профессиональная этика — на что указывал ещё Э. Дюркгейм, социолог, одним из первых обративший на неё пристальное внимание [9], — в аналитическом смысле занимает промежуточное место, связанное с нормативным регулированием деятельности профессиональных объединений различного масштаба, от небольших офисов и организаций до глобальных ассоциаций и потенциально незамкнутых «воображаемых» профессиональных сообществ. В этих условиях необходимость разработки комплексного социологического подхода к изучению профессиональной этики приобретет особое значение как с точки зрения внутренней логики развития «новой» социологии морали, так и в связи с активно ведущимися в последние десятилетия дискуссиями о кризисе традиционного профессионализма в условиях повсеместного распространения неолиберальной экономической модели [10] и более общими попытками социологического осмысления связанных с этим явлений и процессов.

В данной статье мы в сжатой форме обозначаем основные проблемные области исследовательского интереса в рамках социологических исследований профессиональной и организационной этики. Не претендуя на исчерпывающий характер, данный обзор, тем не менее, позволяет составить общее представление о перспективах и аналитических вызовах развития исследований профессиональной этики в социологии.

Профессиональная этика в современном обществе

На теоретическом уровне в социологии профессиональная этика, как правило, увязывается со структурными характеристиками соответствующего профессионального сообщества и рассматривается в связи с некоторым функциональным обособлением профессиональных групп от более широкого социального контек-

ста. Ещё Э. Дюркгейм указывал на то, что профессиональная этика определяется весьма специфическим характером норм и санкций, применяющихся в случае их нарушения и имеющих относительно локальный характер по сравнению с санкциями за преступления и другие нарушения социетальных моральных норм [9]. В этом отношении профессиональную этику едва ли можно свести к совокупности формальных кодифицированных правил. Впрочем, Дюркгейм обращал особое внимание на важность гильдий, а также профессиональных союзов и организаций как своего рода моральных сообществ, основанных не на чисто экономическом сотрудничестве, но, скорее, на нормативной интеграции [11]. Развитие же формальных кодексов этики, с одной стороны, является знаком дальнейшей институционализации профессионального сообщества, которое получает инструмент регулирования поведения своих членов и принятия решений в сложных ситуациях на основе прозрачных и эксплицитных нормативных принципов. В этом случае профессиональная этика, по мысли Дюркгейма, должна действовать как реститутивное право, способствующее повышению групповой солидарности членов профессионального сообщества.

С другой стороны, в ситуации институциональной слабости профессионального сообщества (характерной сегодня для многих профессиональных групп) появление сильного центра этического регулирования создаёт риски подмены этики, основанной на солидарности и имплицитно разделяемых нормах поведения, административной властью и контролем со стороны органа (даже если он всего лишь профильный комитет внутри профессиональной ассоциации), который отвечает за поддержание и развитие этических стандартов. В этом случае профессиональная этика расщепляется на фор-

мализованные процедуры, придерживаясь которых заставляет не внутреннее убеждение, а страх квазибюрократических санкций, и собственно практическую этику, базирующуюся на более широкой «общей» этике и узких локальных нормах. Последние интегрированы в столь же локальные профессиональные субкультуры и организационные среды, часто не выходящие за пределы одного отделения больницы, университетского факультета или юридической фирмы.

Другой важной особенностью сферы профессиональной этики, также напрямую связанной с современным кризисом профессионализма, является существование выраженного противоречия между нормативными представлениями профессионалов, основанными на «незаинтересованном» следовании ценностным идеалам, и менеджериальной логикой увеличения формальных показателей эффективности профессиональной деятельности, характерной для современной неолиберальной экономики. И хотя подобное напряжение характерно, в первую очередь, для таких областей, как медицина, наука и образование (исторически соответствующих узкому пониманию «профессий»), ряд исследований показывает, что даже в условиях коммерческих организаций попытки менеджеров навязать формальные стандарты оценки деятельности, сводящиеся к экономической эффективности и требованию выполнения KPI¹, зачастую встречают активное сопротивление среди работников, стремящихся к содержательной деятельности и поддержанию более человеческих взаимоотношений [12]. Весь этот комплекс напряжений заслуживает всестороннего социологического анализа, направленного на выявление особенностей этического измерения современного профессионализма и, в частности, борьбы за автономию перед лицом уве-

¹ Key Performance Indicators — на русский принято переводить как «ключевые показатели эффективности».

личения бюрократического и управленческого контроля.

Профессиональная автономия vs. менеджеральный контроль

Профессиональные роли представляют собой взаимосвязь специфических технических компетенций и соответствующих нормативных ожиданий, регламентирующих деятельность профессионалов по отношению к различным индивидуальным и институциональным акторам, включая коллег и клиентов, а также, что характерно для классического понимания профессий, ориентацию на идеал общественного служения и выполнение важных с этой точки зрения функций [11]. Фундаментальной характеристикой профессионального сообщества традиционно считается известная степень автономии и самоуправления. Например, в том, что касается определения ключевых ценностных ориентаций и распределения символических вознаграждений за достижение соответствующих целей [13].

В этом смысле академическая профессия является излюбленным предметом социологического анализа. В частности, Т. Парсонс ещё в середине прошлого века сформулировал классическое функционалистское представление об американском университете (ставшем сегодня своего рода глобальной моделью) как институте, деятельность которого сопряжена с ценностью «когнитивной рациональности» и основана на соответствующем этическом коде, легитимирующем коллегиальное управление и значительную автономию академического сообщества в вопросах распределения ресурсов и оценки результатов научной деятельности, в том числе за счёт системы пожизненного контракта [14]. Тем не менее, в современных университетах наблюдается дезавуирование подобных принципов организации академического сообщества в пользу менеджерального подхода к управлению и применения формально-бюрократических механизмов оценивания результатов

исследовательской и преподавательской работы, что приводит если и не к масштабной «культурной войне», то ко вполне осязаемому сопротивлению со стороны академического сообщества [15].

В исследовании А.В.Колычевой, посвящённом борьбе за профессиональную юрисдикцию и власть между академическими и административными университетскими работниками в современных российских реалиях [16], специальным образом анализируются профессионально-этические аспекты данного процесса, связанные с попытками учёных и преподавателей отстаивать собственную автономию. Несомненный социологический интерес представляют как объективные эффекты трансформации университета и академического этоса, так и субъективное восприятие представителями академического сообщества менеджеральных принципов оценки эффективности научной и образовательной деятельности. В частности, особую важность представляют случаи совмещения одними и теми же сотрудниками академических и управленческих должностей и связанный с этим конфликт идентичностей, который в принципе может иметь далеко идущие социально-психологические последствия. В целом проведение сфокусированных эмпирических исследований морально-этических аспектов конфликта профессионалов и управленцев, вероятно, позволит разработать общую модель, описывающую данный процесс применительно к более широкому кругу профессий — в частности, врачей (см. [17]).

Вместе с тем было бы ошибочно сводить всё многообразие этически-мотивированных действий в профессиональном и организационном контекстах исключительно к борьбе профессионалов с менеджерами и бюрократами. В рамках управленческого дискурса всё чаще слышатся призывы к использованию моральных ценностей в качестве инструмента повышения вовлечённости в организационные процессы и важного элемента

трудоустрой мотивации, в предельном случае выражающегося, в частности, в проекте «позитивной организационной этики» [18]. В связи с этим одним из наиболее интересных проблемных полей для социологии являются исследования корпоративного волонтерства, отличительная особенность которого – организованная благотворительная деятельность работников организаций.

Этика и организационный контекст: корпоративное волонтерство

Существует довольно много исследований корпоративного волонтерства на стыке социальной психологии и менеджмента, в то время как собственно социологическая концептуализация этого явления, как нам представляется, разработана недостаточно – в особенности в том, что касается возможного вклада подобных исследований в социологию морали и социологию организаций. Тем не менее в целом исследования корпоративного волонтерства весьма разнообразны: так, авторы одного из недавних обзоров [19], среди прочего, отмечают такие перспективные направления, как изучение влияния практик корпоративного волонтерства на личностное самочувствие волонтеров, реакцию их коллег, а также на результаты деятельности компаний, развивающих подобные программы.

Среди российских исследований корпоративного волонтерства можно выделить работы И.А.Климова, подготовленные вместе с И.И.Краснопольской и С.Г.Климовой, и носящие в том числе прикладной характер. Что касается общих эффектов участия в программах корпоративного волонтерства, то, в частности, выясняется, что сотрудники организации, вовлеченные в данную деятельность, оказываются в большей степени включены в гражданскую активность, а также сообщают о более высоком уровне счастья и удовлетворенности различными сторонами своей жизни по сравнению с теми

сотрудниками, кто не участвует в корпоративном волонтерстве [20].

Рассматривая этические аспекты корпоративного волонтерства и сравнивая их с практиками советского «шефства», И.А.Климов и С.Г.Климова характеризуют дилеммы альтруизма и прагматичности у участников движений в обоих случаях добровольчества и подчёркивают, что нередко прагматические мотивы или желание не выглядеть «белой вороной» в трудовом коллективе являются более важными стимулами вовлечения в корпоративное волонтерство сейчас и шефство – в СССР. Социальная вынужденность добровольчества на поздних этапах советского движения шефской помощи и в современном контексте корпоративного волонтерства влечёт за собой риски этических перекосов – имитацию эмпатии и вовлечённости, подмену бескорыстия латентными прагматическими целями [21].

Важность обращения к тематике корпоративного волонтерства в рамках изучения профессиональной и организационной этики обусловлена, помимо прочего, тем, что это может позволить сделать важные выводы о принципах трансформации организационной культуры через прояснение механизмов нормативной динамики на мезоуровне социальной организации – что едва ли было возможным в рамках классического функционалистского подхода. Другими словами, изучение факторов участия в корпоративном волонтерстве и различных эффектов вовлечённости в подобные практики будет способствовать пониманию изменения локальных организационных норм – от отсутствия в организации такой практики в принципе до её широкого распространения в коллективе и связанного с этим нормативного одобрения (или неодобрения, в случае наличия оппозиции) – что, в свою очередь, может иметь позитивные последствия и с точки зрения развития более общей социологической теории организаций.

Заключение: перспективы социологических исследований профессиональной этики

В данной статье намечены некоторые проблемные поля изучения профессиональной этики в социальных науках. К этим проблемным полям можно отнести, во-первых, вопросы соотношения разных уровней нормативных систем в практике работы профессионалов, поскольку помимо норм «общей морали» и формальных кодексов этики имеют место непроговариваемые, но подразумеваемые принципы и руководства к действию, принятые на локальном уровне, а также требования организации, где трудится профессионал. Во-вторых, меняющаяся экология труда и занятости ведёт к появлению конкурирующих нормативных принципов, как в случае административного персонала современных университетов, который активно профессионализируется и вырабатывает собственный нормативный комплекс, часто вступающий в конфликт со сложившимся этосом академического поля. В-третьих, случай корпоративного волонтерства как формы институционального изоморфизма в области благотворительности и некоммерческого сектора демонстрирует сложность формирования новой нормативности, когда привнесённые извне стандарты этики сталкиваются с укоренёнными нормативными системами и локальным организационным контекстом, приводя к непредвиденным социокультурным изменениям.

Наряду с этим имеются значительные возможности для развития соответствующего концептуального поля и проведения эмпирических исследований. Анализируя практики реализации профессиональной этики, можно говорить о различных типах ситуаций, в которых происходит актуализация этических норм в форме эксплицитной рефлексии внутри узкой группы или более широкой части профессионального сообщества. К таким ситуациям, в частности, относятся

«токсичные моральные ситуации», влекущие за собой «токсичные моральные решения». Эти ситуации подразумевают наличие моральной дилеммы: конфликта или напряжения между различными этическими или институциональными системами при выборе того или иного решения. Токсичные моральные решения, которые принимаются профессионалами, потенциально обладают рисками нарушения профессиональной этики или вынуждают других участников ситуации нарушать её принципы. К примеру, в медицинской профессии токсичные моральные решения встречаются довольно часто: это может быть отказ в дорогостоящем обследовании или помощи, потому что у пациента данные услуги не включены в страховку, либо вопрос о том, следует ли сообщать смертельный диагноз пациенту и когда именно это нужно делать. Предполагается, что профессиональная этика — это универсальная и глобальная категория, и её нормы действуют одинаковым образом в разных институциональных и культурных обстоятельствах. В этом случае в расчёт не берётся различное устройство «моральной инфраструктуры», характерной для разных социальных групп. Конечно, в данном случае возникает сложность с тем, как избежать риска культурного релятивизма [22], однако также появляется риск подмены сложившихся практических норм профессиональной этики внешними по отношению к сообществу кодами этики, которые будут носить скорее принудительный характер, а не интернационально разделяемый моральный императив. Кроме того, этика может легко вырождаться в орудие власти, когда начинает реализовываться отдельной группой профессионалов, взявших на себя функции моральных судей, легитимируя своё положение статусным превосходством над остальным профессиональным сообществом — например, интегрированностью в глобальное профессиональное сообщество. Иными словами, профессионал с точки зрения

самопровозглашённых моральных экспертов обладает заведомой презумпцией моральной виновности – предполагается, что не внутренние этические нормы руководят профессионалом в его поступках, но страх претерпеть санкции от сообщества за нарушение этических норм, тогда как сам профессионал исходно склонен к моральной девиации. Так, иногда в критических ситуациях врачи не начинают оказывать помощь пациентам, поскольку остаётся не урегулированным какой-нибудь вопрос на пересечении права, этики и организационных требований госпиталя или страховой компании.

Наконец, публичные апелляции к этическим нормам в отношении поведения коллег по сообществу продуцируют моральную стратификацию, ставя одних в позицию моральных судей, а других – в положение обвиняемых, вынуждают сно-

ва и снова подтверждать собственный статус, что разрушительно сказывается на репутации. При этом происходит приватизация институтов этического регулирования поведения профессионалов: самоназванные моральные эксперты нередко формируют и возглавляют комитеты по этике, выпускают манифесты и трактуют этические нормы, исходя из своей перспективы видения или удобства.

Итак, можно говорить о том, что профессиональные этики сегодня – это множественное явление, которое представляет собой сложный комплекс регулятивных норм, встроенный в более широкий социальный и культурный контекст, что, в условиях быстро меняющегося мира и образа профессионала в нем, порождает массу исследовательских вопросов для эмпирической и для теоретической социологии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Kuçuradi I. Philosophical ethics and professional ethics. Introduction // Ethics of the Professions: Medicine, Business, Media, Law. Studies in Economic Ethics and Philosophy / Kuçuradi I., Yavlal-Gedik N. (eds). Springer, Berlin, Heidelberg, 1999. P. 1–15.
2. Rasoal D., Skovdahl K., Gifford M., Kihlgren A. Clinical ethics support for healthcare personnel: An Integrative literature review // HEC Forum. 2017. 29 (4). P. 313–346.
3. Robertson M., Tranter K. Grounding legal ethics learning in social scientific studies of lawyers at work // Legal Ethics. 2006. Vol. 9. P. 211–228.
4. Goel M., Ramanathan P.E. Business ethics and corporate social responsibility – Is there a dividing line? // Procedia Economics and Finance. 2014. Vol. 11. P. 49–59.
5. Reynolds S.J., Owens B.P., Rubenstein A.L. Moral stress: considering the nature and effects of managerial moral uncertainty // Journal of Business Ethics. 2012, Vol. 106 (4). P. 491–502.
6. Абрамов Р.Н., Быков А.В. Профессиональная этика как объект социологического исследования: между социологией морали и социологией профессий // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2018. Т. 18. № 4. С. 747–764.
7. Hitlin S., Vaisey, S. The new sociology of morality // Annual Review of Sociology. 2013. 39. P. 51–68.
8. Bykov A. Rediscovering the moral: The ‘Old’ and ‘new’ sociology of morality in the context of the behavioural sciences // Sociology. 2019. Vol. 53. No. 1. P. 192–207.
9. Durkheim E. Professional ethics and civic morals. London–New York, 2003.
10. Hanlon G. Professionalism as enterprise: service class politics and the redefinition of professionalism // Sociology. 1998. 32. P. 43–63.
11. Абрамов Р.Н. Социология профессий и занятий: очерки истории и ключевые концепции дисциплинарной области. М.: Вариант, 2016.

12. Misra J., Walters K. All fun and cool clothes? Youth workers' consumer identity in clothing retail // *Work and Occupations*. 2016. 43 (3). P. 294–325.
13. Parsons T. Professions // *International Encyclopedia of the Social Sciences*. The Macmillan Company & The Free Press, 1968. P. 530–540.
14. Parsons T., Platt G.M. *The American university*. Cambridge: Harvard University Press, 1973.
15. Кулешова А.В., Подвойский Д.Г. Парадоксы публикационной активности в поле современной российской науки: генезис, диагноз, тренды // *Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены*. 2018. № 4. С. 169–210.
16. Колычева А.В. Противостояние академических сотрудников и административно-управленческого персонала в современном университете // *Alma mater. Вестник высшей школы*. 2019. 1. 76–79.
17. Correia T. Doctors' reflexivity in hospital organisations: The nexus between institutional and behavioural dynamics in the sociology of professions // *Current Sociology*. 2017. 65 (7). P. 1050–1069.
18. Sekerka L.E., Comer D.R., Godwin L.N. Positive organizational ethics: Cultivating and sustaining moral Performance // *Journal of Business Ethics*. 2014. Vol. 119 (4). P. 435–444.
19. Rodell J.B., Breitsohl H., Schröder M., Keating D.J. Employee Volunteering // *Journal of Management*. 2015. 42 (1). P. 55–84.
20. Krasnopolskaya I. Corporate Volunteering And Its Influence On Employee Civil Engagement In Russia / NRU Higher School of Economics. Series SOC «Sociology». 2014. URL: <https://www.hse.ru/data/2014/04/16/1319502505/39SOC2014.pdf> (дата обращения: 01.07.2019).
21. Климов И.А., Климова С.Г. Идеи эффективности и солидарности в моделях советского шефства и современных практиках корпоративного волонтерства // *Россия трансформирующаяся*. М.: ФНИСЦ РАН, 2019 (*в печати*).
22. Девятко И.Ф. Источники норм, множественность нормативных систем и моральный релятивизм: объяснительные ресурсы социологической теории // *Вестник Российского фонда фундаментальных исследований. Гуманитарные и общественные науки*. 2018. № 3. С. 72–81.

ENGLISH

Sociological Understanding of Professional and Institutional Ethics

Roman Nikolaevich Abramov – Doctor of Science (Sociology), Professor at the Department of Sociology, Faculty of Social Sciences, Higher School of Economics National Research University (HSE), Senior Researcher at the Federal Research and Development Centre of Sociology Russian Academy of Sciences, supervisor of the project “Transformations of the Ethics of Modern Professional Communities: Prospects of Sociological Reconceptualization and Opportunities for Studies in the Russian Context” (18-011-00257).
E-mail: rabramov@hse.ru

Andrey Vyacheslavovich Bykov – Candidate of Science (Sociology), Senior Teacher at the Department of Sociology, Faculty of Social Sciences, Higher School of Economics National Research University (HSE), Researcher at the Federal Research and Development Centre of Sociology, Russian Academy of Sciences, researcher in mentioned project.
E-mail: a.bykov@hse.ru

The paper studies the issue of the importance of studying professional ethics with the help of theories and approaches of sociology of professions, sociology of morality and modern sociological theory. It raises the question of the ratio of individual moral standing to the require-

ments of professional ethics. The paper also outlines the key features of the conflicts arising in professional environment, such as in the situations provoking ethical dilemma conditioned by external institutional factors and the logic of managerialism. The authors focus on the ethical stress in the academia regarding the relationship between academic professionals and administrative staff. The paper raises the question of professional ethics in maturing communities, and describes the corporate volunteering practices. Prospects for studying professional ethics, including the need for empirical study of toxic moral choices in professional area and the manipulative risks of applying formal codes of ethics in order to gain power in professional environment, are outlined.

Keywords: ethics, morality, profession, managerialism, functionalism, theoretical sociology, administrative staff, corporate volunteering

REFERENCES

1. Kuçuradi I. Philosophical ethics and professional ethics. Introduction // Ethics of the Professions: Medicine, Business, Media, Law. Studies in Economic Ethics and Philosophy / Kuçuradi I., Yavval-Gedik N. (eds). Springer, Berlin, Heidelberg, 1999. P. 1–15.
2. Rasoal D., Skovdahl K., Gifford M., Kihlgren A. Clinical ethics support for healthcare personnel: An Integrative literature review // HEC Forum. 2017. 29 (4). P. 313–346.
3. Robertson M., Tranter K. Grounding legal ethics learning in social scientific studies of lawyers at work // Legal Ethics. 2006. Vol. 9. P. 211–228.
4. Goel M., Ramanathan P.E. Business ethics and corporate social responsibility – Is there a dividing line? // Procedia Economics and Finance. 2014. Vol. 11. P. 49–59.
5. Reynolds S.J., Owens B.P., Rubenstein A.L. Moral stress: considering the nature and effects of managerial moral uncertainty // Journal of Business Ethics. 2012, Vol. 106 (4). P. 491–502.
6. Abramov R.N., Bykov A.V. Professional'naya etika kak ob"ekt sotsiologicheskogo issledovaniya: mezhdru sotsiologiyey morali i sotsiologiyey professiy // Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Sotsiologiya. 2018. T. 18. № 4. S. 747–764 (in Russian).
7. Hitlin S., Vaisey, S. The new sociology of morality // Annual Review of Sociology. 2013. 39. P. 51–68.
8. Bykov A. Rediscovering the moral: The 'Old' and 'new' sociology of morality in the context of the behavioural sciences // Sociology. 2019. Vol. 53. No. 1. P. 192–207.
9. Durkheim E. Professional ethics and civic morals. London–New York, 2003.
10. Hanlon G. Professionalism as enterprise: service class politics and the redefinition of professionalism // Sociology. 1998. 32. P. 43–63.
11. Abramov R.N. Sotsiologiya professiy i zanyatyy: ocherki istorii i klyuchevye kontseptsii distsiplinarnoy oblasti. M.: Variant, 2016 (in Russian).
12. Misra J., Walters K. All fun and cool clothes? Youth workers' consumer identity in clothing retail // Work and Occupations. 2016. 43 (3). P. 294–325.
13. Parsons T. Professions // International Encyclopedia of the Social Sciences. The Macmillan Company & The Free Press, 1968. P. 530–540.
14. Parsons T., Platt G.M. The American university. Cambridge: Harvard University Press, 1973.
15. Kuleshova A.V., Podvoyskiy D.G. Paradoksy publikatsionnoy aktivnosti v pole sovremennoy rossiyskoy nauki: genezis, diagnoz, trendy // Monitoring obshchestvennogo mneniya: Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny. 2018. № 4. S. 169–210 (in Russian).

16. Kolycheva A.V. Protivostoyanie akademicheskikh sotrudnikov i administrativno-upravlencheskogo personala v sovremennom universitete // Alma mater. Vestnik vysshey shkoly. 2019. 1. 76–79 (in Russian).
17. Correia T. Doctors' reflexivity in hospital organisations: The nexus between institutional and behavioural dynamics in the sociology of professions // Current Sociology. 2017. 65 (7). P. 1050–1069.
18. Sekerka L.E., Comer D.R., Godwin L.N. Positive organizational ethics: Cultivating and sustaining moral Performance // Journal of Business Ethics. 2014. Vol. 119 (4). P. 435–444.
19. Rodell J.B., Breitsohl H., Schröder M., Keating D.J. Employee Volunteering // Journal of Management. 2015. 42 (1). P. 55–84.
20. Krasnopolskaya I. Corporate Volunteering And Its Influence On Employee Civil Engagement In Russia / NRU Higher School of Economics. Series SOC «Sociology». 2014. URL: <https://www.hse.ru/data/2014/04/16/1319502505/39SOC2014.pdf> (data obrashcheniya: 01.07.2019).
21. Klimov I.A., Klimova S.G. Idei effektivnosti i solidarnosti v modelyakh sovetskogo shefstva i sovremennykh praktikakh korporativnogo volontyorstva // Rossiya transformiruyushchayasya. M.: FNISTS RAN, 2019 (v pechati) (in Russian).
22. Devyatko I.F. Istochniki norm, mnozhestvennost' normativnykh sistem i moral'nyy relyativizm: ob'yasnitel'nye resursy sotsiologicheskoy teorii // Vestnik Rossiyskogo fonda fundamental'nykh issledovaniy. Gumanitarnye i obshchestvennye nauki. 2018. № 3. S. 72–81 (in Russian).

УДК 342

ГРНТИ 10.17.47, 10.07.45

DOI: 10.22204/2587-8956-2020-098-01-48-56

А.Н. ДЕМЕНТЬЕВ*

Проблемные аспекты экономико-правовой экспертизы нормативных правовых актов

Представлены некоторые итоговые результаты реализации научно-исследовательского проекта «Исследование процедур и принципов экономико-правовой экспертизы нормативных правовых актов в сфере реализации промышленной политики в Российской Федерации». Предложены методы разрешения противоречий законодательных положений в сфере реализации промышленной политики и экспертных экономических оценок на основе конституционных положений о правовом и социальном государстве. Обоснована гипотеза о необходимости формирования научных основ общей экспертологии.

Ключевые слова: экономико-правовая экспертиза, конституционные положения, правовое, социальное государство, экспертология, критерии и принципы

Введение

Несмотря на широкое распространение экспертной работы в деятельности законодательной (представительной) и исполнительной власти, экспертиза как правовой институт не получила своего теоретического обоснования в системе организации публичной власти, за исключением судебной экспертизы (судебной экспертологии). Результаты экспертизы являются одновременно и превентивным фактором, который в разной степени учитывается законодательным или нормотворческим органом, и долгосрочным прогнозом возможных нега-

тивных и позитивных последствий принятия и действия нормативного правового акта. Эти устойчивые тенденции объективно формируют запрос перед юридической наукой на комплексное теоретическое исследование института экспертизы и формирование на этой основе юридической теории института экспертизы нормативных правовых актов.

Анализ основных правовых актов, направленных на нормативную правовую реализацию государственной промышленной политики, на этапе подготовки исследовательского проекта и на последующих этапах его реализации показал

* **Демет'ев Александр Николаевич** — доктор юридических наук, советник государственной службы II класса, руководитель проекта «Исследование процедур и принципов экономико-правовой экспертизы нормативных правовых актов в сфере реализации промышленной политики в Российской Федерации» (17-03-00181a).

E-mail: dahalex@mail.ru

противоречивость и несогласованность их положений [2]. Во многих из них отсутствуют критерии и принципы, на основе которых должны проводиться оценка финансово-экономического обоснования¹, устанавливаться показатели достижения результатов [3]. Приоритеты промышленной политики до сих пор не нашли чёткого нормативного оформления на государственном уровне. Этот вывод согласуется с выводами министра промышленности и торговли Российской Федерации Д.В.Мантурова [5–7].

Такое положение естественно обусловлено многими факторами. В научных публикациях экономистов обращается внимание на политические факторы [12] и отсутствие в законодательстве надлежащего нормативного, соответствующего уровню развития экономики Российской Федерации понятия «промышленная политика» [14]. В то же время экономическая и правовая экспертиза нормативных правовых актов различного уровня и их проектов в настоящее время всё больше становится одним из значимых факторов, влияющих на качество законодательного регулирования общественных отношений. Результаты экспертизы могут существенно повлиять на юридическое, социальное и экономическое качество нормативного правового акта, а также явиться долгосрочным прогнозом возможных негативных и позитивных последствий в результате принятия законодательных решений.

Экономический анализ права в экспертной деятельности

Одной из основных проблем института экономико-правовой экспертизы является проблема нахождения и теоретического обоснования способов разрешения конкуренции законодательных положений и экспертных экономических оценок [21].

Более того, среди некоторых юристов и экономистов в последние годы стала популярной теория экономического анализа права, которая оказала и оказывает существенное воздействие на формирование научных позиций юристов и экономистов по вопросам соотношения права и экономики [1, 16–18].

Как показали проведённые исследования, достоинством теории экономического анализа права, которое представляется необходимым облекать в юридические термины, является введение в научно-практический оборот учёными и практиками экономистами таких понятий, как общественное богатство или благосостояние (максимизация общественного благосостояния), минимизация общественных издержек обеспечения действия законодательной нормы, экономическая оптимизация детализации нормативного регулирования, оптимизация общественных и социальных издержек действия нормы, закона, группы специальных интересов, соотношение «выгоды—издержки» применения нормы, анализ соотношения «затраты—эффективность» и др. [11].

В экономической науке обращается внимание на проблемные аспекты применения в странах континентального права методов экономического анализа права в законотворческой и нормотворческой деятельности. Выделим наиболее значимые из них для сферы экономико-правовой экспертизы нормативных правовых актов.

Во-первых, возникновение науки экономического анализа права исходит из практики судебной деятельности стран общего прецедентного права, преимущественно США, в которых практика решения судебных органов является важнейшим фактором и приоритетным источником формирования законодательства. Такая право-

¹ Заключение Счётной палаты Российской Федерации от 30 октября 2015 г. № ЗСП-232/16-10 на проект федерального закона «О Федеральном бюджете на 2016 год» (Утверждено Коллегией Счётной палаты Российской Федерации (протокол от 30 октября 2015 г. № 47 К (1058)). Заключение Счётной палаты Российской Федерации на отчёт об исполнении федерального бюджета за 2015 год от 31 августа 2016 г. № ЗСП - 166/16-09 (Утверждено Коллегией Счётной палаты Российской Федерации (протокол от 26 августа 2016 г. № 43К (1118))).

вая традиция, ставшая устойчивым обычаем, законодательно обеспечиваемая практикой и исторически сложившимся высоким профессиональным уровнем в судебной системе, характерна для стран англо-саксонской системы права.

Во-вторых, существование проблем в экономическом анализе права, разделяемых самими сторонниками и теоретиками этого научного направления экономического знания, настолько значимо для юристов [1], что не позволяет с высокой степенью достоверности использовать полученные результаты в качестве всесторонне обоснованных критериев в сфере правотворческой и законодательной деятельности.

Приведём в кратком изложении содержание этих проблем.

Первое: недостаточное внимание теории экономического анализа права к вопросам честности и справедливости, что выражается и в недостаточном внимании в теории и в ещё большей степени в практических приложениях экономического анализа права вопросам справедливого распределения доходов [11, 17, с. 187, 188].

Второе: сложности использования на практике критерия Парето-улучшений, Парето-эффективности.

Третье: постулирование тезиса об эффективности закона как закона, соответствующего интересам индивида, с помощью которого создаётся дополнительное богатство, распределяемое тем или иным способом между индивидами, а также тезиса о результатах действия механизма конкуренции, представляемых как появление «избытка», «излишков» потребителя, означающего повышение уровня достигаемого благосостояния.

Четвёртое: отсутствие в реальной экономике соответствия фактических цен при анализе «затраты—эффективность» равновесным ценам, что ставит под сомнение возможность расчётного, теоретического способа экономического анализа законопроектов [18].

Этот перечень проблем следует дополнить, имея в виду их значимость для теоретического обоснования принципов, методов и процедур проведения экономико-правовой экспертизы нормативных правовых актов и их проектов. Анализ научных публикаций, содержащих результаты экономического анализа федеральных законов и некоторых подзаконных нормативных правовых актов, показывает, что, во-первых, многие авторы таких публикаций изначально опираются на ошибочные выводы толкования и понимания правового содержания юридических текстов.

При заявленном экономическом анализе законодательной деятельности и законов часто экономический анализ подменяется политологическим анализом влияния групп специальных интересов на законодательный процесс, в большей части ориентированным на зарубежную практику и мало применимым в современной действительности нашей страны. [18, с. 83–90].

В-третьих, большинство представленных в литературе результатов экономического анализа нормативных актов в зарубежной практике, а также федеральных законов и нормативных правовых актов и их проектов в российской практике содержат только упрощённые качественные, как правило, спорные словесные обоснования, оценки и аргументацию, основанные на предпочтениях исследователя или постулируемых утверждениях других авторов (в большинстве случаев зарубежных, анализирующих условия других стран). Отсутствие количественных оценок в результате проведения такого экономического анализа права является, как представляется, одним из важных сдерживающих факторов его введения в сферу законопроектной деятельности и нормотворчества в целом.

В-четвёртых, результаты практического приложения экономического анализа права в целом и экономического анализа нормативных правовых актов в част-

ности в большинстве случаев представленных в литературе, относятся к сфере частного права [16].

Таким образом, представляется целесообразным сформулировать задачи экономического анализа при проведении экономико-правовой экспертизы следующим образом.

1. Задача экономического анализа права в рамках теоретического обоснования экономико-правовой экспертизы нормативных правовых актов состоит в том, чтобы на основе постулируемых экономических подходов представить варианты достижения декларируемой цели в правовом акте. Выбор же наилучшего варианта должен и может осуществляться на основе других критериев (общественно-политической полезности, социальной приемлемости и т.п.). В данном случае верховенство закона может рассматриваться в качестве основного критерия экономической оптимальности [22, с. 61, 62].
2. Экономическая экспертиза в рамках проведения экономико-правовой экспертизы может предоставить наилучший вариант в пределах существующих правовых решений, определенных на основе правового анализа, с точки зрения увеличения «общественного благосостояния».
3. На основе проведённого экономического анализа в рамках экономико-правовой экспертизы действующих нормативных предписаний могут быть выявлены экономически неэффективные варианты с точки зрения увеличения «общественного благосостояния» и с точки зрения достижения формализованных в правовом акте целей.

Значение социально-экономических критериев в экономико-правовой экспертизе нормативных правовых актов

Выделение приоритета конституционных принципов при конкуренции экономических и правовых позволяет предло-

жить такие противоречия также разрешать на основе вовлечения в экспертный анализ принципов социального государства, основываясь на теоретических доктринальных и конституционных положениях о правовом и социальном государстве [20].

Важнейшим приложением теории социального государства является практическое нахождение наиболее эффективных экономических и общественных механизмов достижения целей социального государства, содержащихся в Конституции Российской Федерации и международных документах. Анализ конституционных положений позволяет сформулировать две цели, принципиально различающиеся по механизмам их реализации в системе государственного управления и экономическим способам их достижения.

Первая цель – оказание различных видов помощи (материальной, медицинской, образовательной и др.) нуждающимся в ней гражданам. Априори можно утверждать, что достижение этой цели связано с перераспределением небольшой доли национального дохода главным образом через механизмы бюджетного регулирования в пользу нуждающихся граждан.

Вторая цель – обеспечение государством условий справедливого распределения национального дохода пропорционально затраченному труду. В более детализированном виде эта цель может быть сформулирована как защита труда, обеспечение справедливости путём регулирования трудовых отношений, возникающих между заказчиком (работодателем) и наёмным работником (исполнителем).

Принципиальным условием достижения этой цели является не только справедливая оценка труда (материальная, моральная, статусная, административная, общественная и др.), но и то, что при этом достигается и ещё одна немаловажная экономическая цель. Эта цель, как убеди-

тельно обосновывают экономисты, заключается в том, что именно «вложения» в человека и являются наиболее эффективным направлением использования общественных ресурсов. А в такой постановке достижение второй цели будет способствовать по существу естественным образом сужению сферы социального вспоможения. Такое перераспределение, очевидно, приведёт и к тому, что целая индустрия социальной помощи (дотации, субсидии, льготы, выплаты и пр.), связанные с этой системой законодательное регулирование, система государственного и муниципального управления окажутся в значительной степени не нужными.

В долгосрочной перспективе именно «вложения» в человека могут явиться если не единственным, то ключевым способом обеспечения инновационного прорыва. В настоящее время проектная техническая и научная деятельность, требующая высокой квалификации работника, всё больше «вытесняет» материальное производство, которое становится сферой машинного производства, а не сферой деятельности человека. Поэтому создание побудительных механизмов «вложения» в человеческий капитал должно являться приоритетным направлением деятельности социального государства [8–10].

Вот почему, обоснованно критикуя направления государственной социальной политики, признанные научные авторитеты и специалисты обращают внимание на то, что достижение целей опережающего экономического развития страны возможно лишь при определённой доле заработной платы в ВВП страны [4, с. 9]. И это одна из ключевых проблем формирования действительно социального государства и обеспечения экономического развития страны не только за счёт использования сырьевых богатств, но и, прежде всего, модернизации промышленного производства на основе современных

информационных («цифровых») технологий и в целом новых, инновационных технологий, технических средств, материалов, биопродуктов и пр. На самом высоком правительственном уровне чётко осознаётся будущая глобальная международная конкуренция за человеческий капитал, «который является наиболее важным и одновременно наиболее динамичным фактором современного развития. Эта конкуренция будет очень жёсткой, поскольку в мире сформировалось отчётливое понимание: лидирующие позиции будут занимать те страны, которые смогут стать наиболее привлекательными для образованных и энергичных людей» [8].

Исследователи отмечают, что в России в последнее время размер заработка или возможность продвижения по службе являются основными побудительными мотивами к труду у россиян. По этому показателю Россия занимает 1-е место (рейтинг 31%) по данным Европейского социального исследования среди 26 стран. Во многих европейских странах рейтинг данного варианта ответа не превышал 6% (от 1% в Дании до 6% в Великобритании) [13, с. 5–6]. Очевидно, что при таких побудительных мотивах уровень справедливой оплаты труда есть не только критерий, позволяющий оценивать социальное благополучие. Этот показатель может являться косвенным критерием оценки качества, квалификации и количества труда.

Обратим внимание на то, что регулирование оплаты труда на предприятиях и в организациях (независимо от формы собственности) характерно не только для сложившихся социальных государств с устойчивой экономической системой, но и использовалось, например, в странах в период их кризисного развития.

В США в эпоху социальных реформ «нового курса» президента Рузвельта в за-

кон 1936 г. Уолша-Хилли (Walsh-Healey Act)¹ о публичных контрактах были внесены изменения, которые позволили его именовать как закон о справедливых трудовых нормах. В этот закон неоднократно вносились поправки. Законом предписывается довольно жёстко регулировать систему оплаты труда различных классов работников и служащих, в том числе обслуживающих, вспомогательных, квалифицированных работников при заключении государственных контрактов. Закон наделяет контрактного чиновника федеральной контрактной системы США полномочиями для контроля соблюдения трудовых условий контрактов.

Как полагают известные исследователи Федеральной контрактной системы США [19, с. 470–473], регулирование оплаты труда, взаимоотношений между работодателем и работником в рамках государственного заказа позволило, в том числе наряду с другими мерами, привлечь в научно-технические отрасли экономики США квалифицированные кадры и обеспечить в значительной мере лидирующие позиции этой страны в научно-техническом развитии. В исследовании авторы обосновывают необходимость введения в законодательство

критерия «уровень оплаты труда» наряду с используемым критерием «производительность труда».

Заключение

В заключение отметим, что, по мнению авторов проведённого исследования, значимым научным результатом реализации проекта [2] являются обоснование направлений дальнейших теоретических исследований, необходимость проведения которых не прогнозировалась на начальном этапе постановки целей и задач проекта. Так, теоретически была обоснована гипотеза о необходимости формирования научных основ общей экспертологии (по аналогии с судебной экспертологией) с учётом систематизации и классификации сложившихся практик экспертной деятельности в системе законодательной (представительной) и исполнительной власти на основе прагматического подхода и положений общей теории права о механизмах и стадиях правового регулирования.

Концептуальные основы общей экспертологии должны включать в себя, как это обосновывается в общей теории права, прежде всего, основополагающие принципы и предмет науки, а затем систему и функции.

ЛИТЕРАТУРА

1. Антонов М.В. О некоторых теоретических проблемах применения экономического анализа права в России // Право. 2011. № 3. С. 10–25.
2. Дементьев А.Н. Экспертиза нормативных правовых актов в сфере реализации промышленной политики в Российской Федерации / А.Н. Дементьев, О.А. Дементьева, В.Н. Бондарь; Под ред. А.Н. Дементьева. М.: Норма, 2020.
3. Еферица Т.В., Кочкина Н.Н., Лизунова В.О., Просянюк Д.В. Системные барьеры развития инновационного бизнеса в России // Вопросы государственного и муниципального управления. 2016. № 2. С. 49–69.
4. Львов Д.С. Россия: рамки реальности и контуры будущего. М.: Институт экономических стратегий, 2007.

¹ <https://www.gpo.gov/fdsys/search/pagedetails.action?packageId=USCODE-2009-title41&granuleId=USCODE-2009-title41-chap1-sec35>.

5. Мантуров Д.В. Государственное регулирование промышленности в течение 25 лет. Ч. 1: Промышленность в 1990-х гг. // Вопросы государственного и муниципального управления. 2016. № 3. С. 31–43.
6. Мантуров Д.В. Государственное регулирование промышленности в течение 25 лет. Промышленность в 2000–2009 гг. // Там же. 2016. № 4. С. 99–111.
7. Мантуров Д.В., Никитин Г.С., Осьмаков В.С. Государственное регулирование промышленности в 2010 гг. // Там же. 2017. № 1. С. 50–65.
8. Медведев Д. Новая реальность: Россия и глобальные вызовы // Вопросы экономики. 2015. № 10 (октябрь). С. 5–29.
9. Медведев Д. Социально-экономическое развитие России: обретение новой динамики // Там же. 2016. № 10. С. 5–23.
10. Медведев Д.А. Россия–2024: Стратегия социально-экономического развития // Там же. 2018. № 10. С. 5–28.
11. Познер Р. Экономический анализ права. Т. 1 / Пер. с англ. Р. Познер. СПб.: Эконом. шк., 2004.
12. Полтерович В.М. Разработка стратегий социально-экономического развития: наука vs идеология // ВТЭ. № 1. 2017. С. 55–65.
13. Попов А.В. Проблемы развития трудовой активности российских работников // Теория и практика современной науки. 2017. № 1 (19). С. 1–20. (www.modern-j.ru).
14. Промышленная политика в условиях новой индустриализации / Авт. колл.: Андрианов К.Н. и др.; Под ред. С.А. Толкачева. М.: МАКС Пресс, 2015.
15. Райков А.Н. Инновационное саморазвитие сетевой экспертной среды // Организация саморазвивающихся инновационных сред / Под ред. В.Е. Ленского. М.: Когито-Центр. 2012. С. 120–139.
16. Степанов Д.И. Экономический анализ корпоративного права // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2016. № 9. С. 104–167.
17. Тамбовцев В.Л. Право и экономическая теория: Учебное пособие. М.: Проспект, 2016.
18. Тамбовцев В.Л. Экономический анализа нормативных актов. М.: Экономический факультет МГУ, ТЕИС, 2001.
19. Федорович В.А. США: Федеральная контрактная система и экономика: механизмы регулирования / В.А. Федорович, А.П. Патрон, В.П. Заварухин; Ин-т США и Канады. М.: Наука, 2010.
20. Хабриева Т.Я. Конституционная реформа в современном мире. М., 2016.
21. Хабриева Т.Я. Экономико-правовой анализ: методологический подход // Журнал российского права. 2010. № 12. С. 5–26.
22. Эффективность законодательства в экономической сфере: научно-практическое исследование / Отв. ред. Ю.А. Тихомиров. М.: Вотерс Клувер, 2010.

ENGLISH

Areas of Concern in Legal and Economic Expert Evaluation of Laws and Regulations

Aleksandr Nikolaevich Dementyev – Doctor of Juridical Science, Civil Service Adviser, 2nd class, supervisor of the project “Study of Procedures and Principles of Legal and Economic Expert Evaluation of Laws and Regulations in Implementing Industrial Policy in the Russian Federation” (17-03-00181a).

E-mail: dahalex@mail.ru

The paper presents certain results of the implementation of scientific and educational project “Study of Procedures and Principles of Legal and Economic Expert Evaluation of Laws and Regulations in Implementing Industrial Policy in the Russian Federation”. It suggests the methods of overcoming conflicts of legal provisions in the industrial policy implementation and expert economic evaluation based on constitutional provisions on the state governed by the rules of law and social welfare.

Keywords: legal and economic expert evaluation, constitutional provisions, a state governed by the rules of law and social welfare, expertology, criteria and principles

REFERENCES

1. Antonov M.V. O nekotorykh teoreticheskikh problemakh primeneniya ekonomicheskogo analiza prava v Rossii // Pravo. 2011. № 3. S. 10–25 (in Russian).
2. Dement'ev A.N. Ekspertiza normativnykh pravovykh aktov v sfere realizatsii promyshlennoy politiki v Rossiyskoy Federatsii / A.N. Dement'ev, O.A. Dement'eva, V.N. Bondar'; Pod red. A.N. Dement'eva. M.: Norma, 2020 (in Russian).
3. Eferina T.V., Kochkina N.N., Lizunova V.O., Prosyanyuk D.V. Sistemnye bar'ery razvitiya innovatsionnogo biznesa v Rossii // Voprosy gosudarstvennogo i munitsipal'nogo upravleniya. 2016. № 2. S. 49–69 (in Russian).
4. L'vov D.S. Rossiya: ramki real'nosti i kontury budushchego. M.: Institut ekonomicheskikh strategiy, 2007.
5. Manturov D.V. Gosudarstvennoe regulirovanie promyshlennosti v techenie 25 let. Ch. 1: Promyshlennost' v 1990-kh gg. // Voprosy gosudarstvennogo i munitsipal'nogo upravleniya. 2016. № 3. S. 31–43 (in Russian).
6. Manturov D.V. Gosudarstvennoe regulirovanie promyshlennosti v techenie 25 let. Promyshlennost' v 2000–2009 gg. // Tam zhe. 2016. № 4. S. 99–111 (in Russian).
7. Manturov D.V., Nikitin G.S., Os'makov V.S. Gosudarstvennoe regulirovanie promyshlennosti v 2010 gg. // Tam zhe. 2017. № 1. S. 50–65 (in Russian).
8. Medvedev D. Novaya real'nost': Rossiya i global'nye vyzovy // Voprosy ekonomiki. 2015. № 10 (oktyabr'). S. 5–29 (in Russian).
9. Medvedev D. Sotsial'no-ekonomicheskoe razvitie Rossii: obretenie novoy dinamiki // Tam zhe. 2016. № 10. S. 5–23 (in Russian).
10. Medvedev D.A. Rossiya–2024: Strategiya sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya // Tam zhe. 2018. № 10. S. 5–28 (in Russian).
11. Pozner R. Ekonomicheskii analiz prava. T. 1 / Per. s angl. R. Pozner. SPb.: Ekonom. shk., 2004 (in Russian).
12. Polterovich V.M. Razrabotka strategiy sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya: nauka vs ideologiya // VTE. № 1. 2017. S. 55–65 (in Russian).
13. Popov A.V. Problemy razvitiya trudovoy aktivnosti rossiyskikh rabotnikov // Teoriya i praktika sovremennoy nauki. 2017. № 1 (19). S. 1–20. (www.modern-j.ru) (in Russian).
14. Promyshlennaya politika v usloviyakh novoy industrializatsii / Avt. koll.: Andrianov K.N. i dr.; Pod red. S.A. Tolkacheva. M.: MAKS Press, 2015 (in Russian).
15. Raykov A.N. Innovatsionnoe samorazvitie setevoy ekspertnoy sredy // Organizatsiya samorazvivayushchikhsya innovatsionnykh sred / Pod red. V.E. Lenskogo. M.: Kogito-Tsentr. 2012. S. 120–139 (in Russian).

16. Stepanov D.I. Ekonomicheskiy analiz korporativnogo prava // Vestnik ekonomicheskogo pravosudiya Rossiyskoy Federatsii. 2016. № 9. S. 104–167 (in Russian).
17. Tambovtsev V.L. Pravo i ekonomicheskaya teoriya: Uchebnoe posobie. M.: Prospekt, 2016.
18. Tambovtsev V.L. Ekonomicheskiy analiz normativnykh aktov. M.: Ekonomicheskiy fakul'tet MGU, TEIS, 2001 (in Russian).
19. Fedorovich V.A. SSHA: Federal'naya kontrakt'naya sistema i ekonomika: mekhanizmy regulirovaniya / V.A. Fedorovich, A.P. Patron, V.P. Zavarukhin; In-t SSHA i Kanady. M.: Nauka, 2010 (in Russian).
20. Khabrieva T.Ya. Konstitutsionnaya reforma v sovremennom mire. M., 2016 (in Russian).
21. Khabrieva T.Ya. Ekonomiko-pravovoy analiz: metodologicheskiy podkhod // Zhurnal rossiyskogo prava. 2010. № 12. S. 5–26 (in Russian).
22. Effektivnost' zakonodatel'stva v ekonomicheskoy sfere: nauchno-prakticheskoe issledovanie / Otv. red. Yu.A. Tikhomirov. M.: Voters Kluver, 2010 (in Russian).

ФИЛОЛОГИЯ. ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ

Д.А. РОМАНОВ*

Лингвопоэтика Л.Н. Толстого в научном ракурсе начала XXI века

УДК 811.161.1
ГРНТИ 16.21.55
DOI: 10.22204/2587-8956-2020-098-01-57-70

Результаты исследования лингвопоэтики произведений Л.Н. Толстого рассматриваются в ракурсе трёх аспектов фундаментальной научной задачи: 1) введение в филологический оборот слабо изученных текстов; 2) исследование уже изученных текстов в новых аспектах; 3) интерпретация текстов в расчёте на их современного читателя.

В качестве научной иллюстрации первого аспекта приводится анализ «Записки об отрицательных сторонах русского солдата и офицера». В языке «Записки...» прослеживаются основные направления лексических сдвигов, характерных для русского литературного языка середины XIX в. Речь идёт об увеличении в литературном языке количества отвлечённой лексики, о приобретении многими лексемами значений нравственно-этических категорий, об использовании в литературном языке научной терминологии, о добавлении слову общественно-политического содержания, об актуализации смысла посредством придания слову публицистического характера и риторического звучания в тексте.

Второй аспект освещается посредством анализа языкового и стилистического своеобразия текстов Толстого как оригинальных авторских произведений. Исследуются преимущественно новации автора лексического, стилистического и композиционно организующего текст характера. У писателя отмечаются явления окказионального словотворчества (расширение семантики лексем, придание новой стилистической функции или оценочности) и словотворчество фиксирующего типа (закрепление в тексте ещё не усвоенного языком лексического приёма и добавление ему новых граней). Рассматривается также моделирование Толстым прямой речи персонажей, и типологизируются развитые им композиционные виды диалогов: психологический, идеологический и этикетный.

В третьем аспекте лингвопоэтической проблематики представляется текстологическая работа по подготовке к изданию произведений Толстого, снабжённых корпусами комментариев. Внутритекстовые, затекстовые и самостоятельные словарные комментарии создаются по результатам экспериментального изучения лакун читательского восприятия.

* **Романов Дмитрий Анатольевич** — доктор филологических наук, директор Центра русского языка и региональных лингвистических исследований Тульского государственного педагогического университета им. Л.Н. Толстого, руководитель проекта «Лингвопоэтика произведений Л.Н. Толстого» (18-012-00008).
E-mail: kafirus@rambler.ru

Ключевые слова: текст, лингвопоэтика, идиостиль, лексика, семантика, смысловое расширение, стилистическая трансформация, новации, композиция, восприятие текста, комментарий

Введение

Лев Николаевич Толстой (1828–1910) – один из величайших русских писателей и мыслителей (ил. 1). Его художественная проза и публицистика, будучи высочайшим достижением мировой культуры, представляют собой уникальное явление и с точки зрения лингвистической стилистики и поэтики.

Проект «Лингвопоэтика произведений Л.Н.Толстого» носит комплексный характер и предполагает решение фундаментальной научной задачи, включающей три аспекта: 1) введение в филологический оборот слабо изученных текстов Л.Н.Толстого; 2) рассмотрение уже изученных текстов в новых аспектах; 3) интерпретация текстов Л.Н.Толстого в расчёте на современного читателя.

Теоретической базой проекта является подход к произведениям Л.Н.Толстого с точки зрения лингвистической поэтики и лингвистической стилистики, выявляющих языковое и стилистическое своеобразие классических текстов как оригинальных авторских произведений (внутренняя система) и как звена в развитии русского литературного языка (внешняя система). По возможности отобранные для изучения произведения Толстого рассматриваются также в их проекции на развитие лексической и стилистической системы русского литературного языка второй половины XIX в. и последующего времени. В каждом из этих произведений определяются значительные (наиболее показательные) черты авторского языка, очерчивается круг композиционно организующих, семантических и стилистических новаций Л.Н.Толстого. В прикладном аспекте лингвопоэтической проблематики осуществляется текстологическая работа по подготовке к изданию произве-

дений классика, наиболее актуальных для современного молодого читателя. Подготовленные тексты снабжаются корпусом комментариев лингвистического, лингвокультурологического и исторического характера, создаваемым по результатам экспериментального изучения лакун читательского восприятия.

Представим основные результаты исследования в соответствии с названными выше тремя аспектами фундаментальной научной задачи.

«Севастопольские материалы» в наследии А.Н. Толстого: их значение для идиостиля писателя и развития русского литературного языка

«Севастопольскими материалами» в нашем исследовании называются незавершенные работы публицистического, официально-делового и эпистолярного характера, созданные Л.Н.Толстым в конце 1854–1855 г., в период Крымской кампании (ил. 2, 3) и примыкающие к трём известным «Севастопольским рассказам». В начале 1930-х гг. в Полном собрании сочинений Л.Н.Толстого «Севастопольские материалы» были отредактированы В.И.Срезневским, сделавшим ряд ценных (в том числе и филологических) замечаний по их содержанию [1] (ил. 4). С этого периода они практически не упоминались в исследовательских работах, оказавшись отнесёнными к разряду черновых заметок писателя.

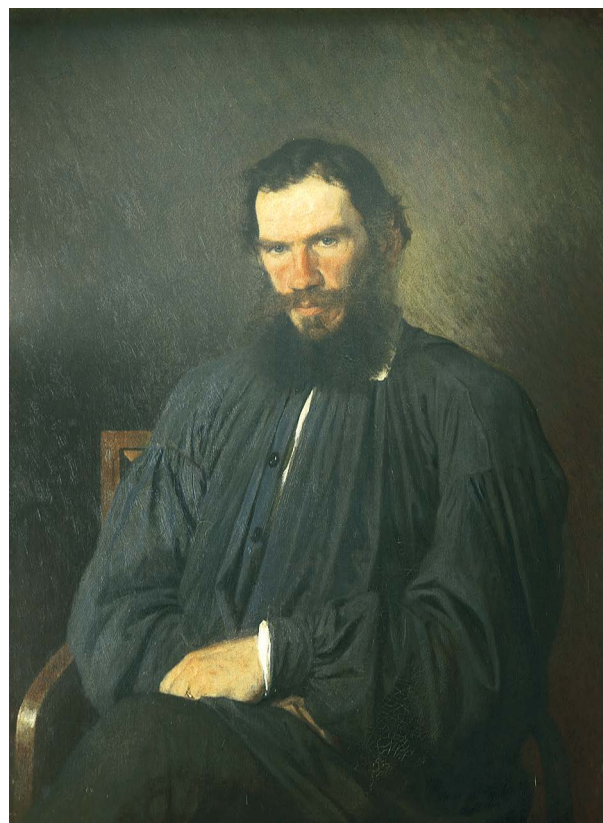
Их введение в активный научный филологический оборот необходимо по нескольким причинам. Во-первых, они существенно уточняют мировоззренческую сторону толстовского творчества: из содержания «Севастопольских материалов» становится очевидным, что негативное отношение Л.Н.Толстого к событиям

Крымской войны сформировалось через отталкивания от первоначального патристического настроения. Следовательно, идеи Л.Н.Толстого представляют собой вполне осмысленное осуждение того распада «начальствующей силы», которое выявил неудачный исход войны.

Во-вторых, «Севастопольские материалы» отражают важный этап становления определённого типа стилистической системы, которая характерна для публицистики Толстого и оказывает влияние на стилистическое развитие русского литературного языка второй половины XIX в. «Севастопольские материалы» носят отчётливый полемический характер по отношению к официальной публицистике, освещавшей ход Крымской войны. В их языке прослеживаются основные направления лексических сдвигов, характерных для русского литературного языка этого периода (в концепции Ю.С.Сорокина [2]). Именно на этих вопросах мы в первую очередь и сосредоточиваем своё исследовательское внимание.

В «Севастопольские материалы» мы включаем восемь текстов: 1) «Проект журнала “Солдатский вестник”», 2) «Заметка по поводу журнала “Солдатский вестник”», 3) две редакции «Записки об отрицательных сторонах русского солдата и офицера», 4) «Отрывок из дневника штабс-капитана А.», 5) «Запись солдатских разговоров», 6) «Донесение о последней бомбардировке Севастополя», 7) «Докладная записка командующему Крымской армией князю М.Д.Горчакову» и 8) «Песня про сражение на реке Чёрной». Из этих текстов в лингвопоэтическом отношении наиболее интересна «Записка об отрицательных сторонах русского солдата и офицера».

Несмотря на то, что ни одна из двух редакций «Записки...» не закончена, обе они представляют собой достаточно обширные публицистические тексты, выделяющиеся из «Севастопольских материалов» ярким эмоциональным отношением

Ил. 1. Толстой в эпоху создания своих крупных художественных произведений. 1873 г. Портрет работы И.Н. Крамского

автора к сообщаемому, чёткой логикой развития мысли, прозрачной рациональной композицией и как следствие – напряжённым поиском точной словесной оболочки для излагаемых идей.

Лексика «Записки...» представлена широкими пластами отвлечённых слов, которые условно можно сгруппировать в три семантических зоны. Первая из них – обозначение качеств людей и особенностей индивидуального поведения: *вера, честь, отвага, преданность, терпение* и т.п. Вторую группу составляют отвлечённые существительные, обозначающие преимущественно общественные процессы, формы их осуществления, описания, контроля и т.п.: *ропот, упадок, угнетение, образование, благосостояние, злоупотребление* и т.п. В третью группу входят лексемы, возведенные автором в ранг материальных и морально-этических мерил бытия: *голод, холод, благо, добро, зло, не-любовь* и т.п.

Ил. 2. Стела на месте Четвёртого бастиона Севастопольской обороны 1854–1855 гг.

Доминирующая лексика толстовской «Записки...» наглядно отражает результат широкого распространения в русском литературном языке слов отвлечённой семантики, начавшегося в 30–40-е гг. XIX в. Такая лексика объединяет терминологию, обозначающую различные понятия общественной жизни, культуры, идеологии, явлений психического мира. К 1870-м гг. корпус такой лексики в русском литературном языке практически складывается: слова этого типа приобретают чёткую семантику и ясное носителям языка стилевое распределение.

Одним из самых частотных языковых элементов в тексте записки является слово *лихоимство*. Это слово активно употреблялось ещё в древнерусском языке. За длительный период функционирования оно обросло дополнительными коннотациями и оттенками значения, которые подробнее всего излагает В.И. Даль: «*Лихоимствовать, лихоимничать* — брать взятки, вымогать подарки, принижения, по исправлению службы, должности своей; пускаться в незаконные по-

боры, мздоимничать, быть подкупным служителем» [3]. Однако даже такое пространное толкование не вполне адекватно отражает смысл, который стоит за этим словом в «Записке...» Л.Н. Толстого. Автор имеет в виду не столько взяточничество и мздоимство, сколько воровство, казнокрадство, ограбление подчинённых. Л.Н. Толстой явно расширяет семантику слова, что отражает в целом практику его употребления в русском языке второй половины XIX в., хотя максимально близкий по времени академический словарь («Словарь церковнославянского и русского и языка» 1847 г.) подобное расширение не фиксирует: «*Лихоимство* — то же, что *лихоимание*: Церк. Взимание лихвы. Мздоимство, взятки» [4, Т. 2, с. 258]. В таком же значении слово зафиксировано всеми академическими словарями XX в., находившимися в плену этимологической связи *лихва* → *лихоимство, лихоимец*.

Реальная языковая ситуация, которую воспроизводит Л.Н. Толстой в своей «Записке...», показывает явное семантическое наращение данного слова. Лишь третье издание Большого академического словаря уже в XXI в. фиксирует эту семантическую подвижку: «*Лихоимец* — тот, кто обогащается нечестным, незаконным способом (обычно путём поборов, взяток и т.п.)» [5]. Таким образом, то, что Толстой использовал в своей публицистической практике в середине XIX в., попало в толковый словарь лишь в начале XXI в. Это ещё раз доказывает важность для науки изучения языка писателя, который оказывается более гибким, динамичным, восприимчивым к семантическим сдвигам в сравнении с лексикографической фиксацией.

«Записка...» Л.Н. Толстого отражает переход многих слов, обозначающих отвлечённые понятия, в разряд общественно-политических и развитие у лексики нравственно-этического содержания риторических, публицистических значений. Так, другим её ключевым словом

является лексема *погибель*, особенно часто встречающаяся в первой редакции. Это слово также, как слово *лихоимство*, встречается уже в старославянских памятниках со значением столь же эмоционально окрашенным – ‘тибель, разрушение’ [6]. Лексема распространена во всех славянских языках и представляет собой, по мнению авторитетных этимологов, реализацию индоевропейского корня **gub-* со значением ‘гнуть, искривлять’ [7]. Во время Крымской войны слово ещё не имело политического содержания. По данным Академического словаря 1847 г., оно могло выступать в двух значениях отвлечённого характера: «Погибель. 1. Беда, напасть, пагуба. 2. Смерть» [4, Т. 3, с. 244]. Произведения Л.Н.Толстого Севастопольского периода (в том числе и рассказы) сделали это слово символическим, знаменующим общественно-политическое положение России (как внешнее, так и внутреннее) в конце николаевского правления (ил. 5).

Эпоха 40–70-х гг. XIX в. стала временем «создания «метафизического языка», т.е. национальной системы отвлечённой, философской, научной и публицистической лексики» [8]. Так, слово *зло* в «Записке...» Л.Н.Толстого приобретает философское общественно-политическое звучание. В таком употреблении слово *зло* противопоставлено слову *благо*, они образуют антитетическую риторическую пару, проходящую через весь текст второй редакции толстовской «Записки...». Оба слова, являясь по основной семантике нравственно-этическими категориями, приобретают явные публицистические значения, характерные их использованию в литературе второй половины XIX в.

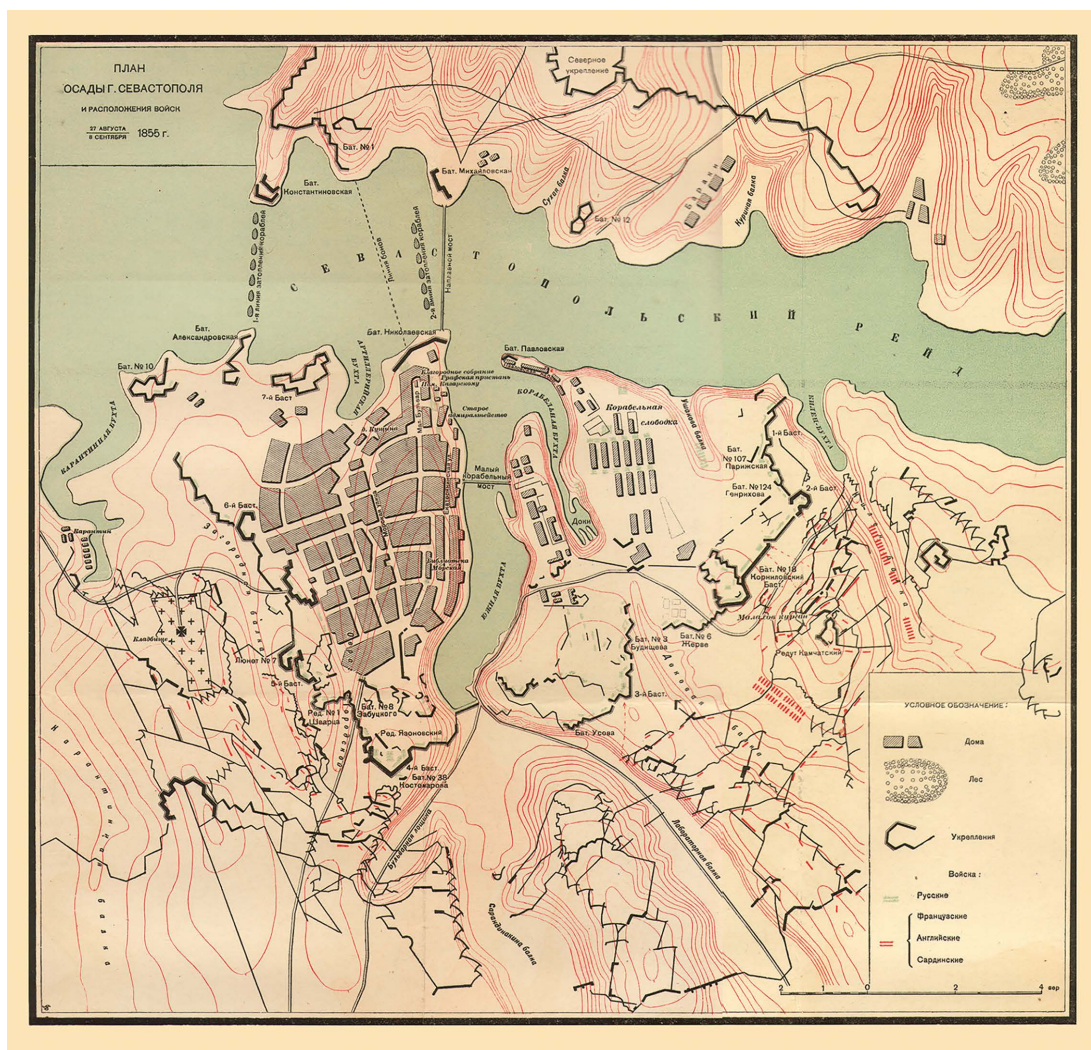
Многие слова, уже приобретшие (или актуализировавшие) к 1850-м гг. переносное социальное значение, иллюстрируют его в тексте «Записки...». Например, приобретавшее в это время всё большее распространение слово *среда* в значениях: 1. ‘совокупность природных или социальных условий, в которых протекает разви-

Ил. 3. Памятный знак о том, что на Четвёртом бастионе воевал Л.Н. Толстой

тие и деятельность человека; окружающие условия; социально-бытовая обстановка»; 2. ‘совокупность людей, связанных общностью социально-бытовой обстановки, социальных условий’. Об изменении в 30–40-х гг. XIX в. семантики слова *среда* писал академик В.В.Виноградов [9]. В социальном значении использовано Толстым и слово *сфера*. Такое употребление в тексте «Записки...» многократно: *в солдатской сфере; в сфере, где оно бесполезно; попавшие в сферу военной службы; в сфере лишений, трудов и отсутствия образования*. Академический словарь 1847 г. вообще не фиксирует у слова *сфера* социального значения ‘общественное окружение, среда, обстановка’; у В.И.Даля такое значение намечено в самом общем виде. Следовательно, становление этой семантики приходится именно на 1850-е гг., что отражено в «Записке...» Толстого.

Из области научной терминологии приходит в публицистику Толстого слово *энергия*, приобретающее значение ‘деятельная сила, настойчивость, решимость в достижении поставленной цели’ (*люди*

Ил. 4. Карта с указанием важнейших топографических деталей Севастопольской обороны, составленная В.И. Срезневским

без ума, образования, энергии). «Записка...» Толстого отражает вхождение в языковой обиход русской публицистики таких оборотов, как: *по мере увеличения чего-либо, войти в ряды чего-либо, носить звание, средства противодействия.*

Семантические и стилистические трансформации лексики в «Севастопольских материалах» показывают, что уже в раннем творчестве Л.Н.Толстого начала складываться его особая манера работы со словом, состоящая в смысловом расширении, добавлении слову общественно-политического содержания, актуализации (акцентировании) смысла посредством придания слову публицистического характера и риторического звучания в тексте.

Лексические языковые новации в лингвопоэтике Л.Н. Толстого

Постановка проблемы новаций применительно к творческой деятельности Л.Н.Толстого помогает определить ряд важных особенностей лингвопоэтики его произведений.

Лексем-неологизмов в традиционном их понимании у Толстого почти нет. Исключения составляют отдельные производные слова, которые могли быть впервые употреблены писателем или же которые он вместе с другими авторами-современниками одним из первых зафиксировал в своих произведениях (например, существительное *непротивление*, прилагательные *комильфотный*, *капуйский*, му-

равейный). Результатом словотворчества Толстого становились некоторые сложные лексемы (вроде существительного свободолегкомыслие или ряда дефисных прилагательных: сверхъестественно-утончённый, сверхъестественно-прекрасный, тюлево-лентно-кружевно-цветная толпа на балу, петербургски-свежее лицо и т.п.). Как отмечают исследователи лексической динамики языка, с 1840-х гг. в русской художественной прозе и публицистике особое место стали занимать сложные прилагательные и наречия, обозначающие характеристики человека, предметов, явлений природы и т.д. По данным отечественных лексикографов, тенденция появления новых многокорневых адъективных и адвербиальных лексем достигла своего пика к 1870-м гг. [10].

На протяжении всего творческого пути писатель создавал контекстуально обусловленные выразительные сложные слова (преимущественно прилагательные). Есть они в «Севастопольских рассказах», «Войне и мире», «Крейцеровой сонате», «Отце Сергии» и др. Эти авторские новообразования, конечно, не вошли в словарь языка, однако они показывают, насколько Толстой своим творчеством представляет и определяет основные языковые тенденции второй половины XIX в.

Языковые новации классика состоят главным образом в семантической трансформации лексем, т.е. в развитии у них переносной семантики (*изюминка*, *субординация*, *куражный* и др.). Отдельную группу в этом плане составляют деонимизированные лексемы, т.е. имена собственные, переведённые в разряд нарицательных с метафорическим значением: *кунктатор* – ‘вдумчивый, неторопливый, медлительный человек’, *магдалина* (применительно к лицам обоего пола) – ‘грешник, думающий о раскаянии и надеющийся на прощение’.

Таким образом, в произведениях Толстого употребляются главным образом семантические неологизмы, т.е. происходит смысловое расширение слова путём

придания ему нового, не отмеченного у него ранее значения. Подобные семантические расширения можно условно разделить на две группы: образные (тропеические) и сугубо номинирующие (нетропеические), – хотя в основе семантического переноса всё равно лежат метафора и метонимия, но в первом случае они создают образность, во втором – носят «стёртый» характер.

Окказиональное образное расширение семантики слов свойственно многим произведениям Толстого. Вот характерный пример:

Свиной – ‘животный, низменный в крайней степени, физиологичный’. Естественно, что такое значение толковыми словарями не зафиксировано. Это семантический неологизм повести «Крейцера соната», где названное значение фиксируется триж-

Ил. 5. Бюст Л.Н. Толстого на здании Панорамы обороны Севастополя

ды. Показательно смысловое отличие толстовского семантического неологизма *свиной* от узуальных прилагательных *свиной* и *свинский*.

Подобных примеров достаточно много: — *Понял!* — *откусил Данила* (повесть «Дьявол»). *Откусил* — ‘коротко, быстро и резко ответил’. Метафора осталась в сфере толстовской лингвопоэтики, не получив узуального распространения. Не исключено, что здесь присутствует аналогия с переносом значения глагола *отрезать*, вошедшим в широкую узуальную практику;

Я не докурил папироски, как меня схватил и повалил сон (повесть «Крейцера соната»). Сочетание *свалил (повалил) сон* находится в русле узуальных традиций: *свалить* — ‘овладеть кем-либо, одолеть кого-либо (о сне, болезни)’ [11]. А сочетание *схватил сон* является метафорически новаторским;

Он приглядывался к девушкам..., прикидывал себя к ним...» (повесть «Дьявол»). В данном случае *прикидывал* — ‘примеривал’ по отношению к лицу, человеку. Узуальное *прикидывать* имеет одно из значений такого характера — *Разг.* ‘Прикладывая что-либо, примерять’ [5, Т. 20, с. 243]. Однако оно относится к неодушевленным предметам, чаще всего — одежде. Вполне очевидно, что Толстой построил свою метафору на этой параллели. В его употреблении возникло новое значение.

Большое количество слов в произведениях Толстого становилось объектом творческого переосмысления. Как правило, оно включало в себя иронию или появление негативного смысла у нейтральных или традиционно позитивных лексем (*приличный, порядочный, приятный, светский, знаменитый* и др.).

Семантические расширения сугубо номинирующего (нетропеического) характера включают переносные значения отдельных лексем, оказавшиеся впервые зафиксированными (или уникально зафиксированными) в произведениях Толстого и не несущими печати литературной образности. Писатель, скорее всего, не яв-

ляется творцом этих значений, но становится самым чутким из всех современников, кто отразил редкие, необычные или не совсем обычные для широкого узуала значения. Например: *гуртовой* — ‘*метаф.* множественный, многочисленный, массовый’, *коновязь* — ‘*метоним.* лошади, связанные верёвкой’, *гулянье* — ‘*метоним.* общественное место для прогулок’, *подъём* — ‘*метаф.* энтузиазм, прилив энергии, воодушевление’. У иноязычных лексем Толстой нередко актуализировал их первичные (корневые) значения, уступившие в русском использовании место иным значениям: *консилиум* — ‘совещание, собрание по важному вопросу’ (от лат. *consilium* — ‘совещание, обсуждение’), *рампа* — ‘верхняя часть барьера, отделяющего ложу от остального зрительного зала’ (от фр. *rampe* — ‘перила, поручни’).

Толстой был чуток к фразеологизации и часто фиксировал обороты, начинавшие принимать в языке устойчивый характер. Часть из них пришла в новый, XX век, часть осталась в веке XIX, получив в истории русского языка «полуфразеологический» статус. Например, выражение *делать дружбу*, по происхождению представляющее собой кальку с французского оригинала. На русской почве перед нами реализация сильной валентности глагола *сделать*, который «в сочетании с существительным в винительном падеже обозначает совершение того, что выражено этим существительным» [12]. Национальный корпус русского языка (НКРЯ) на сочетание *сделай дружбу* даёт 8 вхождений в 7 документах, и все они относятся к позапрошлому веку [13]. Сочетание было устойчиво в середине XIX в. (контексты от 1825 до 1881 г.): Н.И.Греч, И.А.Гончаров, А.Ф.Писемский, А.А.Фет и др.

Отдельные просторечные и диалектные слова (или значения) Толстой приносил в литературный язык с целью определения каких-либо социальных понятий (например, глагол *усетиться* — ‘окончательно решить для себя; твёрдо увериться в чём-либо’), в том числе в негатив-

ной трактовке (например, существительное *иллюрик* – ‘престарелый завсегдаятай светских мероприятий; потасканный аристократ-ловелас’). На страницы повести «Крейцерова соната» Толстой ввёл диалектный глагол *гваздаться* (‘мараться, грязниться, пачкаться’ [14]). Он иллюстрирует традиционный толстовский лексический приём: диалектное слово используется для более выразительного обозначения общественно негативного явления.

В толстовском повествовании регулярно встречаются лексемы, по форме или по значению несколько отличающиеся от узуальных и носящие отпечаток индивидуального языкового стиля автора. Видимо, эти слова – из речевого обихода толстовской семьи, из повседневной речи обитателей Ясной Поляны, из детства Толстого и т.д. Подобная лексика создаёт специфическое языковое пространство именно толстовского текста. Примером может служить форма *спотыкнуться* вместо литературной *споткнуться* (в «Севастопольских рассказах» и в романе «Анна Каренина»).

Таким способом Толстой демократизировал лексическую систему литературного языка и способствовал проникновению в него многих «свободных» элементов, которые теперь воспринимаются вполне органично.

Сфере лексических новаций писателя принадлежат также впервые сделанные им русские транскрипции и транслитерации отдельных, преимущественно французских, слов, которые были впервые употреблены в кириллическом написании именно Толстым (*тортью, камэ, элукбратици* и др.).

Некоторые лексемы в силу их частотного использования Толстым приобрели в русском языке своеобразную «печать» его творчества, отражающуюся в коннотативном и прагматическом компонентах их значения. НКРЯ даёт на такие лексемы множественные «толстовские вхождения», а наиболее авторитетные и подкреплённые хорошей картотечной традицией толко-

вые словари обязательно содержат применительно к этим лексемам иллюстрации из произведений Л.Н. Толстого (например, *искания, ложный, официантский*).

Композиционно-речевые новации А.Н. Толстого

В.Б. Шкловский предупреждал: «Не надо отделять сюжетно-событийную структуру произведения от структуры языковой, они не совпадают», но принципиально соотнесены [15]. Именно поэтому одна из задач осуществляемого нами исследования – отметить наиболее значительные достижения толстовского творческого метода, повлиявшие на дальнейшее развитие русской литературы, языка русского художественного текста и русского литературного языка в целом.

Толстой укоренил в русском художественном тексте многообразие типов его построения. Постоянно умножавшиеся и усложнявшиеся художественные задачи не позволяли ограничиваться только диалогами (взаимными репликами в разговоре) героев в сочетании с сугубо повествовательным (событийным) авторским нарративом. Толстой значительно расширил возможности диалога и нарратива: он создал и использовал разные их типы, разнообразно перераспределив между ними функции повествования (событийного развертывания), сосредоточения смысла, выражения эмоций, чувств и переживаний, вуалирования истины или её раскрытия, воплощения проспективных и ретроспективных движений мысли и т.д.

Академик В.В. Виноградов, автор одной из первых в филологии целостных и глубоко разработанных концепций языка и стиля Л.Н. Толстого, отмечал его особые приёмы сближения авторского нарратива («образа автора») с «внутренней речью» и «внутренними монологами» персонажей. И эти приёмы в разные периоды творчества у Толстого различны; они являются «категорией толстовского стиля и характеризуют его историческое движение» [16].

На протяжении всего своего творчества Толстой исследовал прямую и внутреннюю речь своих персонажей. «Толстовский переворот в понимании и изображении человека был и переворотом в изображении его слова» [17]. Именно у Толстого произошло «освобождение прямой речи от обязательной фабульной и характерообразующей зависимости». Толстой впервые изобразил то, что А.П.Скафтымов назвал «тонусом среднедневного состояния человека» [18]. В одном из ранних прозаических набросков «История вчерашнего дня» (1851) Толстой начал разработку типологии диалогов в реальных ситуациях человеческого общения, которые переходят в художественное произведение: он выделил «разговор о себе», «разговор о том, что занимает», «разговор оттого, что неприлично было бы не говорить». Здесь в свёрнутом виде содержатся развитые Толстым в дальнейшем творчестве композиционные виды диалогов: психологический, идеологический и этикетный. Они, подобно другим изобразительным блокам, выстраивают композиционную структуру толстовских произведений, создают их сложную многокомпонентную архитектуру. Каждый из этих типов диалога можно десятки раз встретить во всех романах Толстого. В уже разработанном виде они были усвоены последующей литературной традицией конца XIX – XX в.

Творчество Толстого и Чехова стало своеобразным «водоразделом» между двумя этапами бытования диалога в русской литературе. Если до названных авторов диалог носил информационно-психологический характер, объединял и продвигал вперёд сюжет, то в их творчестве и после них диалог стал частью системы мира, представленной в произведении. И эта часть стала обладать весьма разнообразными характеристиками: она получила возможность быть событийно насыщенной или событийно опустошённой, психологически нагруженной и поверхностно проходной, фабульно информативной и несущей под-

текстовую или затекстовую информацию. Диалог в произведении получил возможность повторять бытовые шаблоны «рефлекторной» речи, о которых в своё время писал Л.П.Якубинский [19].

Подготовка изданий толстовских текстов, обращённых к современному молодому читателю

Среди различных направлений проекта важное место занимает лингвистическое комментирование классического толстовского текста, призванное сделать его доступным современному молодому читателю. Нами разработаны принципы внутритекстового, затекстового и частнословарного (в виде учебного словаря к отдельному тексту) комментирования. Объём и состав комментируемых единиц определяется экспериментально. Референтными группами выступают школьники старших классов и студенты. Лексический комментарий включает лингвистическую (семантическую, грамматическую, в отдельных случаях этимологическую), культурологическую и историческую информацию, источниками которой служат авторитетные издания разных типов (ил. 6).

Подготовка современного издания произведений русской классики требует ориентирования его справочного аппарата на уровень речевой культуры человека первой четверти XXI в. В этой связи целесообразно взаимодействие филологической науки, традиционно изучающей лингвостилистические и лингвопоэтические особенности литературных произведений и готовящей комментарии к нему, с практикой дидактического процесса, которая способна существенно скорректировать названную работу, сделав её полезной молодому читателю. По нашему замыслу, образовательные учреждения выступают в данном случае как экспериментальные площадки для изучения восприятия классического текста современным юным поколением, а наш Центр русского языка и региональных лингвистических исследований – как творческие лаборато-

Архалу́к, -а, м. Легкий кафтан из цветной шерстяной или шелковой ткани, собранный у талии [БАС I, т. 1, 196]. *Направо от двери, около кривого сального стола, на котором стояло два самовара с позеленелой кое-где медью и разложен был сахар в разных бумагах, сидела главная группа: молодой безусый офицер в новом стеганом **архалуке**, наверное, сделанном из женского капота, доливал чайник; человека четыре таких же молоденьких офицеров находились в разных углах комнаты: один из них, подложив под голову какую-то шубу, спал на диване; другой, стоя у стола, резал жареную баранину безрукому офицеру, сидевшему у стола [Сев. в авг.].*

Пласту́н, -а, м. Казак особой пехотной команды или части Черноморского и Кубанского казачьих войск, комплектовавшихся в XIX – нач. XX в. из числа охотников-разведчиков [БАС I, т. 9, 1329]. Пластуны совершали разведывательно-диверсионные операции, отличались особой смелостью и выдержкой. *По улице встречаете вы и обгоняете команды солдат, **пластун**ов, офицеров; изредка встречаются женщина или ребенок, но женщина уже не в шляпке, а матроска в старой шубейке и в солдатских сапогах [Сев. в дек.].*

Ту́р, -а, м. Плетеная корзина без дна, наполняемая землей и служившая в старину для устройства укрытий от пуль и снарядов [БАС I, т. 15, 1145]. *Вы подходите к пристани — особенный запах каменного угля, навоза, сырости и говядины поражает вас; тысячи разнородных предметов — дрова, мясо, **туры**, мука, железо и т.п. — кучей лежат около пристани; солдаты разных полков, с мешками и ружьями, без мешков и без ружей, толпятся тут, курят, бранятся, перетаскивают тяжести на пароход, который, дымясь, стоит около помоста; вольные ялики, наполненные всякого рода народом — солдатами, моряками, купцами, женщинами, — причаливают и отчаливают от пристани [Сев. в дек.].*

Ил. 6. Фрагменты лексического затекстового комментария к циклу «Севастопольские рассказы»

рии обработки и интерпретации полученных экспериментальных данных.

В.В. Морковкин предложил в своё время называть лексические единицы, непонятные носителям языка, агнонимами [20]. Он же выделил группы агнонимов, которые существенно помогают в применении методики языкового комментирования художественного текста.

Работа с такими словами (а это, как правило, архаизмы, историзмы, низкочастотная и специальная тематическая лексика) становится введением в «атмосферу текста», в историческую эпоху, которая в нём воспроизведена. В комментарии к рассказу Толстого «После бала» рассматриваются, например, лексемы такого рода: *камергер, дагерротип, предводитель (губернский), ломовой (извозчик)* и т.п. (ил. 7).

Кроме того, в справочном аппарате текстов задействуются лексемы, которые относятся к низкочастотной и специаль-

ной (профессиональной) сферам. К области специальной лексики в названном рассказе Л. Толстого относятся различного рода военные термины и так называемая гиппологическая лексика, т.е. слова, связанные с лошадьми (конские масти, виды движения лошади, типы и части упряжи и т.д.). В эпоху написания рассказа гиппологические слова были широко известны, а в настоящее время их можно считать атрибутами конезаводства. К профессиональным и низкочастотным словам примыкают обозначения частей бального ритуала, видов танца, отдельных танцевальных фигур и т.д.

В практике комментирования мы обращаем внимание на отдельные, не характерные современному русскому языку грамматические формы, которые в начале XX в. были общеупотребительными, а теперь стали атрибутами разговорной речи, известными далеко не каждому

37. Храп — нижняя, выдвинутая вперед часть головы животного (особенно лошади) с расположенными на ней ноздрями и ртом [БАС, т. 17: 450].

38. Закатиться — простореч. поехать, побежать быстро; помчаться [БАС, т. 4: 503].

39. Галунчик — золотая, серебряная или мишурная тесьма, нашиваемая на платье, шляпу и т.п. [БАС, т. 3: 28].

40. Сафьянные, т.е. сделанные из сафьяна. Сафьян — тонкая мягкая кожа разных цветов, выделяемая обычно из козих шкур [БАС, т. 13: 203].

41. Татарин в двух башмаках: одни легкие из тонкой кожи, сразу по ноге (как кожаные носки), другие — сверху, как настоящие плотные ботинки. Свидетельствует о богатстве, достатке.

42. Имеется в виду шапка, сшитая из шкуры белого барана.

43. Искаженное русское: Хорошо, русский! Хорошо, русский! (одобрение на ломаном русском языке).

Проехали потом на лошадях двое ребят к водопою. У лошадей **храп**³⁷ мокрый. Выбежали еще мальчишки бритые, в одних рубашках, без порток, собрались кучкой, подошли к сараю, взяли хворостину и суют в щелку. Жилин как ухнет на них: завизжали ребята, **закатились**³⁸ бежать прочь, только коленки голые блестят.

А Жилину пить хочется, в горле пересохло; думает — хоть бы пришли проведать. Слышит — отпирают сарай. Пришел красный татарин, а с ним другой, поменьше ростом, черноватенький. Глаза черные, светлые, румяный, борода маленькая, подстрижена; лицо веселое, всё смеется. Одет черноватый ещё лучше; бешмет шелковый синий, **галунчиком**³⁹ обшит. Кинжал на поясе большой, серебряный; башмачки красные, **сафьянные**⁴⁰, тоже серебром обшиты. А на тонких башмачках другие толстые **башмаки**⁴¹. Шапка высокая, **белого барашка**⁴².

Красный татарин вошел, проговорил что-то, точно ругается, и стал; облокотился на притолку, кинжалом пошевеливает, как волк, исподлобья косится на Жилина. А черноватый, — быстрый, живой, так весь на пружинах и ходит, — подошел прямо к Жилину, сел на корточки, оскаливается, потрепал его по плечу, что-то начал часто-часто по-своему лопотать, глазами подмигивает, языком прищелкивает, всё приговаривает: **«корошо урус! корошо урус!»**⁴³

Ничего не понял Жилин и говорит: «Пить, воды пить дайте!» Черный смеется. «Корош урус», — всё по-своему лопочет.

Ил. 7. Страница с внутритекстовыми лексическими комментариями к рассказу «После бала»

школьнику (*кабы* — ‘если’, *мазать* — ‘бить мимо’, *верно* — ‘наверное’).

Текстологически произведения писателя готовятся к изданию на основе вариантов, подготовленных для Полного собрания сочинений Л.Н.Толстого в 90 томах. Орфографическая и пунктуационная правка текстов осуществляется с учётом требований современных правил правописания.

В 2019 г. увидела свет книга «Л.Н.Толстой. Севастопольские рассказы. Комментированное издание», содержащая затекстовый справочный аппарат. В настоящее время ведётся подготовка комментария к роману-эпосе «Война и мир», который задуман как реализация третьего типа комментирования — словаря лингвистического толкового типа.

ЛИТЕРАТУРА

1. Срезневский В.И. Комментарии // Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений. В 90 т. Т. 4. М., Л.: ГИХЛ, 1932. С. 383–450.
2. Сорокин Ю.С. Развитие словарного состава русского литературного языка. 30–90-е годы XIX века. М.; Л.: Наука, 1965.
3. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. М.: Прогресс, 1994. (Репринт издания 1903–1909 гг.). Т. 2. С. 665.
4. Словарь церковнославянского и русского языка, составленный Вторым отделением Императорской Академии Наук. В 4 т. СПб., 1847.
5. Большой академический словарь русского языка. Т. 1–25. М.; СПб.: Наука, 2004–2019.
6. Старославянский словарь / Под ред. Р.М. Цейтлин. М.: Русский язык, 1999. С. 460.
7. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. В 4 т. Изд. 3-е. СПб.: Терра, 1996. Т. 1. С. 404.
8. Черкасова Е.Т. Введение // История лексики русского литературного языка конца XVII – начала XIX века. М.: Наука, 1981. С. 20.
9. Виноградов В.В. История слов. М.: ИРЯ РАН, 1999. С. 1016.

10. Эзериня С.А. Формирование разряда сложных наречий с сочинительной межкомпонентной связью в русском литературном языке XIX в. // «Единым письменным употреблением памяти подкрепляется вечность»: Сборник научных трудов. СПб.: Наука, 2007. С. 377–381.
11. Словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. А.П. Евгеньевой. Изд. 4-е. М.: Русский язык, 1999. Т. 4. С. 37.
12. Словарь современного русского литературного языка: В 17 т. М.; Л., 1948–1965. Т. 13. С. 529.
13. Национальный корпус русского языка. [Электронный ресурс]. Режим доступа: ruscorpora.ru. (Дата обращения: – 20.03.2019).
14. Словарь русских народных говоров. Вып. 1–44. М.; Л.; СПб.: Наука, 1965–2019. Вып. 6. С. 157.
15. Шкловский Б.В. Тетива. О несходстве сходного. М.: Советский писатель, 1970. С. 245.
16. Виноградов В.В. О языке художественной литературы. М.: ГИХЛ, 1959. С. 136.
17. Гинзбург Л.Я. О литературном герое // Гинзбург Л.Я. О психологической прозе. О литературном герое. СПб.: Азбука, 2016. С. 642.
18. Скафтымов А.П. Нравственные искания русских писателей. М.: Художественная литература, 1972. С. 414.
19. Якубинский Л.П. О диалогической речи // Якубинский Л.П. Язык и его функционирование. Избранные работы. М.: Наука, 1986. С. 22–112.
20. Морковкин В.В., Морковкина А.В. Русские агнонимы (слова, которые мы не знаем). М.: Ин-т рус. яз. им. А.С. Пушкина, 1997.

ENGLISH

Linguopoetics in Works of Leo Tolstoy from the Scientific Perspective in the Early 21st Century

Dmitry Anatolyevich Romanov – Doctor of Science (Philology), Head of the Centre of Russian Language and Regional Linguistic Studies, Tula State Leo Tolstoy Pedagogical University, supervisor of the project “Linguopoetics in Works of Leo Tolstoy” (18-012-00008).
E-mail: kafrus@rambler.ru

The findings of the study of linguopoetics in Leo Tolstoy’s works are considered from the perspective of three aspects of the fundamental scientific objective: 1) introduction to the philological rotation of understudied texts; 2) review of already studied texts from new perspectives; 3) interpretation of texts with the regard to the modern reader.

As a scientific example of the first aspect, the paper refers to the analysis of “Notes on Ill Traits of Russian Soldiers and Officers”. “Notes on...” demonstrate the main trends of lexical shifts typical for the Russian literary language of the mid-19th century. The author refers to an increase in the number of irrelevant vocabularies in the literary language, the fact that many lexical elements have gained the value of moral and ethical categories, the use of scientific terms in the literary language, the introduction of social and political connotations to words, the actualisation of the meaning by making the word more journalistic and rhetorical in the text.

As for the second aspect, the paper analyses the lexical and stylistic signature features of Tolstoy’s original works. The author studies Tolstoy’s innovations of lexical, stylistic and structural nature. Such as, there are the examples of occasional word creation: extension of semantics of lexical elements and attribution of new stylistic functions and values, as well as fixing word creation, when the text fixes yet not fully rooted lexical device and attributes it with novel features. The author also reviews how Tolstoy builds the quoted speech of his characters, as well as classifies the types of dialogues used by Tolstoy (psychological, ideological and etiquettical).

Regarding the third aspect, the paper focuses on the matter of linguopoetics. It includes the textual efforts to prepare Leo Tolstoy's works to be published with a number of comments. Lexical comments within the text, outside the text and the independent ones follow an experimental study of gaps in a reader's perception.

Keywords: text, linguopoetics, idiostyle, lexicon, semantics, semantic extension, stylistic transformation, innovation, composition, text perception, commentary

REFERENCES

1. Sreznevskiy V.I. Kommentarii // Tolstoy L.N. Polnoe sobranie sochineniy. V 90 t. T. 4. M., L.: GIKHL, 1932. S. 383–450 (in Russian).
2. Sorokin Yu.S. Razvitie slovarnogo sostava russkogo literaturnogo yazyka. 30–90-e gody XIX veka. M.; L.: Nauka, 1965 (in Russian).
3. Dal' V.I. Tolkovyy slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka. V 4 t. M.: Progress, 1994. (Reprint izdaniya 1903–1909 gg.). T. 2. S. 665 (in Russian).
4. Slovar' tserkovnoslavyanskogo i russkogo yazyka, sostavlennyy Vtorym otdeleniem Imperatorskoy Akademii Nauk. V 4 t. SPb., 1847 (in Russian).
5. Bol'shoy akademicheskyy slovar' russkogo yazyka. T. 1–25. M.; SPb.: Nauka, 2004–2019 (in Russian).
6. Staroslavianskiy slovar' / Pod red. R.M. Tseytlin. M.: Russkiy yazyk, 1999. S. 460 (in Russian).
7. Fasmer M. Etimologicheskyy slovar' russkogo yazyka. V 4 t. Izd. 3-e. SPb.: Terra, 1996. T. 1. S. 404 (in Russian).
8. Cherkasova E.T. Vvedenie // Istoriya leksiki russkogo literaturnogo yazyka kontsa XVII – nachala XIX veka. M.: Nauka, 1981. S. 20 (in Russian).
9. Vinogradov V.V. Istoriya slov. M.: IRYA RAN, 1999. S. 1016 (in Russian).
10. Ezerinya S.A. Formirovanie razryada slozhnykh narechiy s sochinitel'noy mezhkomponentnoy svyaz'yu v russkom literaturnom yazyke XIX v. // «Edinym pis'mennym upotrebleniem pamyati podkreplyaetsya vechnost'»: Sbornik nauchnykh trudov. SPb.: Nauka, 2007. S. 377–381 (in Russian).
11. Slovar' russkogo yazyka: V 4 t. / Pod red. A.P. Evgen'evoy. Izd. 4-e. M.: Russkiy yazyk, 1999. T. 4. S. 37 (in Russian).
12. Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka: V 17 t. M.; L., 1948–1965. T. 13. S. 529 (in Russian).
13. Natsional'nyy korpus russkogo yazyka. [Elektronnyy resurs]. Rezhim dostupa: ruscorpora.ru. (data obrashcheniya: 20.03.2019) (in Russian).
14. Slovar' russkikh narodnykh govorov. Vyp. 1–44. M.; L.; SPb.: Nauka, 1965–2019. Vyp. 6. S. 157.
15. Spklovskiy B.V. Tetiva. O neskhodstve skhodnogo. M.: Sovetskiy pisatel', 1970. S. 245 (in Russian).
16. Vinogradov V.V. O yazyke khudozhestvennoy literatury. M.: GIKHL, 1959. S. 136 (in Russian).
17. Ginzburg L.Ya. O literaturnom geroe // Ginzburg L.Ya. O psikhologicheskoy proze. O literaturnom geroe. SPb.: Azbuka, 2016. S. 642 (in Russian).
18. Skaftymov A.P. Nravstvennye iskaniya russkikh pisateley. M.: Khudozhestvennaya literatura, 1972. S. 414 (in Russian).
19. Yakubinskiy L.P. O dialogicheskoy rechi // Yakubinskiy L.P. Yazyk i ego funktsionirovanie. Izbrannyye raboty. M.: Nauka, 1986. S. 22–112 (in Russian).
20. Morkovkin V.V., Morkovkina A.V. Russkie agnonimy (slova, kotorye my ne znaem). M.: In-t rus. yaz. im. A.S. Pushkina, 1997 (in Russian).

УДК 821.581
ГРНТИ 17.09.91

DOI: 10.22204/2587-8956-2020-098-01-71-78

И.А. АЛИМОВ*

Заметки о сяошо: «Бао гуан лу»

Статья из серии «Заметки о сяошо» является частью большого продолжающегося исследования под общим названием «Краткая история китайской прозы сяошо I–XIII вв.», выдержанного в рамках единого шаблона, который принят автором для описания письменных памятников и использован в опубликованных монографиях «Сад удивительного: Краткая история китайской прозы сяошо I–VI вв.» (2014) и «Записи о сокровенных чудесах: краткая история китайской прозы сяошо VII–X вв.» (2017). Данная работа посвящена одному из малоизвестных сборников X в. «Бао гуан лу» (葆光錄 «Записи о потаённом свете») Чэнь Цзуаня (陳纂 X в.). В статье впервые на русском языке рассматривается история создания текста данного сборника, анализируется его состав, исследуется вопрос бытования «Бао гуан лу» начиная с первых изданий и заканчивая современными, анализируются состав и тематика сборника.

Ключевые слова: Китай, китайская литература, китайская проза сяошо, источниковедение, «Бао гуан лу»

История китайской прозы сяошо (小說 букв: «низкие речения») восходит к началу первого тысячелетия — к традиции собирания мелким чиновничеством бытующих в народе легенд и баек, которые представлялись правителям исключительно в утилитарных целях, чтобы те могли составить впечатление об умонасторениях широких масс подданных. С течением времени подобное собирательство оформилось в самостоятельное направление словесности,

правда, противопоставляемое словесности высокой — как недостойное внимания конфуцианского учёного мужа.

С момента своего возникновения и до X в. проза сяошо прошла большой путь — от простой письменной фиксации некоего события до появления зачатков художественного вымысла, а в дальнейшем и расцвета художественного начала, что столь ярко проявилось в так называемых новеллах чуаньци 傳奇, многие из которых по праву входят в золотой

* **Алимов Игорь Александрович** — доктор исторических наук, заведующий Отделом этнографии Восточной и Юго-Восточной Азии Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, руководитель проекта «История китайской прозы: рассказы об удивительном X–XIII вв.» (18-012-00094а).

E-mail: Igor.Alimov@kunstkamera.ru

фонд мировой литературы. От простого собирательства в духе Конфуция, который, как известно, ничего не сочинял, но лишь передавал то, что было до него, проза сяошо дошла до создания масштабных сборников, где заимствованные и частично переработанные отрывки древних сочинений соседствуют с текстами, являющимися авторским переложением народных преданий или фантазий на их темы или обработкой примечательных историй, изустно ходивших среди людей высшего общества. От сухого, лаконичного изложения в духе старых летописей проза сяошо продвинулась к насыщенным действием и диалогами многостраничным рассказам, написанным со значительным использованием художественных средств, и стала жанром, вполне осознаваемым современниками как целое направление словесности — с собственной специфической художественностью, рассчитанное среди прочего на познавательное, учительное, а то и назидательное чтение.

Современная наука в старой китайской прозе сяошо традиционно выделяет две главные тематические группы: чжигуай 志怪, т.е. об удивительном, и чжижэнь 志人, т.е. о людях (проза неволшебного характера). В ранних сяошо практически нет произведений типа чжижэнь — все сохранившиеся тексты так или иначе рассказывают о необычайном. При Вэй и Цзинь (220–420) сборники сяошо типа чжигуай составляют уже примерно две трети от общего числа сяошо, а количество чжижэнь сяошо постепенно увеличивается. Позднее возрастает число сборников об удивительном, ориентированных на буддизм, что объяснимо общим настроением, охватившим раздробленную страну. С объединением Китая при правлении династии Тан (618–907) происходит другой каче-

ственный скачок: художественный авторский вымысел становится осознанным приёмом и появляются новеллы. Параллельно продолжают сохраняться и сборники, выдержанные в прежнем, лаконичном и малохудожественном ключе, — это вообще характерно для старого Китая, весьма приверженного традициям.

К началу правления империи Сун (960–1279) неволшебная проза сяошо, определявшаяся ранее как чжижэнь, постепенно перекочёвывает в возникшую чуть ранее и расцветшую в сунское время новую форму организации текста — авторские сборники бицзи 筆記, не знающие ограничения ни в жанровом, ни в тематическом плане. И хотя чжижэнь сяошо не исчезают окончательно, применительно к данному времени мы можем говорить главным образом о прозе сяошо, посвящённой волшебному, необычайному и удивительному. Об одном таком сборнике и пойдёт речь ниже.

«Бао гуан лу» (葆光錄 «Записи о потаённом свете») — сборник, принадлежащий перу северосунского чиновника и литератора Чэнь Цзуаня (陳纂 X в.). Об авторе известно крайне мало: Чэнь Цзуань начал чиновничью карьеру при дворе царства Уюэ (907–978), а после присоединения его к Сун (960–1279), перешёл в 978 г. к ним на службу. Кроме «Бао гуан лу», никаких иных сочинений Чэнь Цзуаня до наших дней не дошло.

В «Чжи чжай шу лу цзе ти» (直齋書錄解題 «Аннотированная библиография книг из кабинета Чжи-чжая») Чэнь Чжэнь-суня (陳振孫 1190–1249) о «Бао гуан лу» сказано:

«Записи о потаённом свете», три цзюани. Автор — Чэнь Цзуань. Себя называл Симин-цзы 襲明子. В основном записаны истории о Уюэ, значит, жил в начале [нынешнего] правления [6, с. 339]¹.

¹ Ли Цзянь-го (李劍國 р. 1943) обращает внимание на то, что литературный псевдоним Чэнь Цзуаня восходит к «Дао дэ цзину» [2, с. 48], где в 27-м чжане сказано: «...Вот почему премудрый человек всегда спасает людей и никому не отказывает. Всё восполняет и ничего не отвергает. Вот что значит "сподобиться просветлённости" (си мин 襲明)» [1, с. 292]. Таким образом, псевдоним Симин-цзы следует переводить как «Муж, сподобившийся просветлённости».

Указание на текст в три цзюани (свитка) содержится и в официальной сунской истории (цз. 209). Частично «Бао гуан лу» были воспроизведены в собрании «Шо фу» (說郛 «Стена из речений») минского теоретика художественной словесности и весьма плодовитого литератора Тао Цзун-и (陶宗儀 1329–1412). Нужно отметить, что состав этого списка отличается в двух разных его изданиях: в одном из них всего шесть фрагментов, хотя присутствует примечание о полном тексте в три цзюани; в другом же — пятнадцать фрагментов, название сочинения записано как «Бао хуа лу» 葆化錄, число цзюаней не указано, а автором назван «танский Чэнь Цзин» 唐陳京 [5, с. 6283–6284]. Также в обоих изданиях имеются предисловия, текстуально не совпадающие.

В наиболее полном виде — в трёх цзюанях и с предисловием — «Бао гуан лу» были напечатаны ксилографическим способом в книжной серии «Гу ши вэнь фан сяо шо» (顧氏文房小說 «Рассказы из домашней библиотеки господина Гу») Гу Юань-цина, известного минского каллиграфа и библиофила (顧元慶 1487–1565)¹. В настоящее время это самый распространённый список сборника Чэнь Цзуаня, на нём основан и современный критический текст «Бао гуан лу»², который включает три цзюани из 89 фрагментов: 31 — в первой, 32 — во второй и 27 — в третьей цзюани, а также краткое предисловие. Ли Цзянь-го, основываясь на имеющихся в тексте «Бао гуан лу» прямых и косвенных датировках, полагает, что это сочинение появилось в начале прав-

ления сунского Чжэнь-цзуна, спустя примерно 20 лет после присоединения царства Уюэ к империи Сун (998) [2, с. 49].

В предисловии говорится:

В составленных Симин-цзы «Записях о потаённом свете» нет ни годов и месяцев, ни начала с концом. Едва [он] встречал странное или слышал необычайную историю, тут же записывал. Так и составил книгу, разделив на три цзюани. Потаённый же свет — это «добавляешь в него, но не переполняется, черпаешь из него, но не истощается» [5, с. 6286].

Является ли сам Чэнь Цзуань автором этого предисловия, нам доподлинно неизвестно, но отсюда мы узнаём, что «Бао гуан лу» составлялись без соблюдения хронологической последовательности записей («ни годов и месяцев») и без какого-либо плана («ни начала с концом»). Автор попросту фиксировал удивительное по мере того, как сталкивался с ним или слышал о нём, и заносил в рукопись. Помимо прочего, название сборника отсылает нас к другому даосскому тексту, а именно «Чжуан-цзы»: об этом свидетельствует почти точная цитата из данного памятника, разъясняющая, что есть такое «Сокрывший свет»³. Это, а равно литературный псевдоним Чэнь Цзуаня (Симин-цзы), недвусмысленно указывает на его приверженность к даосизму.

Сборник Чэнь Цзуаня состоит преимущественно из небольших фрагментов, в 150–200 с небольшим иероглифов; самый крупный фрагмент насчитывает почти 500 знаков, а самый маленький — всего 27.

¹ Это издание было воспроизведено в серии «Цун шу цзи чэн чу бянь» (叢書集成初編 «Полное собрание книжных серий. Выпуск первый»), вышедшей в 1935–1937 гг. в Шанхае.

² Критический текст был подготовлен Жань Сюем 冉旭 и вышел в составе десятого тома серии «Удай шишу хуэйбянь» (五代史書彙編 «Собрание исторических сочинений эпохи Пяти царств»). Он основан на списке Гу Юань-цина, учитывает оба издания «Шо фу», в том числе десять фрагментов из «Бао гуан лу», которые у Гу Юань-цина отсутствуют, хотя Жань Сюй высказывает опасение, что эти десять фрагментов, скорее всего, не входили в сборник Чэнь Цзуаня изначально, но были добавлены из других сочинений.

³ В переводе В.В. Малявина (р. 1950) соответствующий пассаж из «Чжуан-цзы» звучит так: «Знать, как остановиться на неизвестном, — это есть совершенство. Кто же знает бессловесное доказательство и неизъяснимый Путь? Вот что такое, если кто-нибудь способен это знать, Небесная кладовая. Добавляй в неё — и она не переполнится. Черпай из неё — и она не оскудеет, и неведомо, почему это так. Сие зовется потаённым светом» [3, с. 70].

В годы под девизом правления Бао-чжэн, когда подошло время сбора урожая, в некий день налетела тьма саранчи. Усу-ван провёл молебен об её уничтожении, и в Чжэцзяне [бедствие] остановилось, однако полностью победить [саранчу] не удалось [5, с. 6287].

Приведённый фрагмент — один из редких случаев прямой датировки в «Бао гуан лу», в сборнике действительно почти нет «годов и месяцев»; определить более или менее точное время действия того или иного фрагмента возможно в лишь косвенным путём, по описываемым событиям или же по именам действующих лиц. А это подчас затруднительно, ведь о многих персонажах сборника Чэнь Цзуаня мы не имеем никаких сведений: большинство из них (имена их названы) жили в царстве Уюэ, от которого дошло не так уж много биографических источников. Возможно, некоторые жизненные эпизоды, приведённые Чэнь Цзуанем, являются единственными свидетельствами об этих людях, что ценно ещё и тем, что Чэнь Цзуань зачастую сообщает не только откуда тот или иной человек был родом, но и какую должность занимал; бывает указано и второе имя.

Встречаются в «Бао гуан лу» и довольно известные лица, жившие в Уюэ, — например, знаменитый художник, мастер изображения пионов Ван Гэн (王耕 X в.). Среди героев сборника многочисленны отшельники, буддийские и даосские монахи; обычно они названы по именам или прозвищам — 歐陽迢處士 Отшельник Оуян Тяо, 道士王松年 Даос Ван Сун-нянь, 求嬰處士 Отшельник Цю-ин, 國清寺僧可證 Кэ-чжэн, буддийский монах из храма Гоцинсы, и пр.; присутствуют и знаменитости — такие, как отшельник-поэт Фан Гань (方干 809–888). Но бывают случаи, когда герой обозначен как 有僧 «один монах», а то и просто как 有人 «один человек». Вот, к примеру, фрагмент из второй цзюани «Бао гуан лу»:

Один человек на Фучуне причалил на ночь лодку к берегу.

Безмятежно светила луна. Вдруг он увидел на отмели человека, который читал нараспев:

*Уж тридцать лет течёт река,
И волны омывают кости.
А дома знать не знают, где
Им в жертву приносить вино!*

Человек с лодки спросил:

— Кто вы, сударь? Не назовёте ли ваше имя?

А в ответ — снова нараспев:

*Не спрашивайте, господин, про имя,
Ответом будет пустота.
Волна в песке холодном кости схоронила,
Душа тоскует под осенним ветром...*

Человек сошёл на берег, дабы приветствовать [собеседника], но тот пропал неизвестно куда [5, с. 6296]¹.

В нескольких фрагментах Чэнь Цзуань обращается к недавнему прошлому, где фигурируют некоторые позднетанские поэты — например, Лу Гуй-мэн (陸龜蒙 ?–881) и Ли Пинь (李頻 ?–876).

В 14 фрагментах сборника Чэнь Цзуаня обозначены информаторы, от которых он узнал ту или иную странную историю. Чэнь Цзуань даёт ссылку на информатора всегда в начале фрагмента, указывая имя / прозвище: 黃韞說 «Рассказал Хуан Юнь», 智鈞大師說 «Рассказал Великий наставник Чжи-юнь», 屈重彥者說 «Рассказал некто Цюй Чжун-янь», 徐庭實巡官說 «Рассказал надзиратель Сюй Тинши» и т.д. В конце первой цзюани «Бао гуан лу» говорится:

Рассказал Великий наставник Чжи-юнь.

В Аньци в годы под девизом правления Тянь-фу жила одна пожилая женщина, которая вела непритязательный образ жизни и стремилась делать добрые дела. [Она] ела исключительно

¹ Фучунь — здесь: река Фучуньцзян в современной провинции Чжэцзян, близ г. Ханчжоу.

растительную пищу, а если видела [пойманых] рыб, черепах, птиц и других животных, то выкупала их и отпускала на свободу.

Однажды после сильного ливня появилась черепаха — длиной в чи с небольшим, [она] вползла в дом через ворота. Женщина удивилась и велела сыну отнести черепаху к реке, протекавшей перед домом, и выпустить. Сын написал на черепашем панцире «отпущена на волю» и положил [черепаху] в воду, но та снова выбралась на берег и поползла обратно через грядки огорода. На пути случилась нора, глубиной не меньше двухтрёх чи, и черепаха вдруг соскользнула в неё.

— Мы хотели спасти тебе жизнь, а ты вон куда провалилась! — воскликнул сын той женщины и второпях полез доставать [черепаху], но её в норе не оказалось, зато нашлись два слитка серебра. Непонятно, откуда они там взялись [5, с. 6294]¹.

Основное содержание «Бао гуан лу» — лаконичные, без художественных изысков записи удивительных случаев и происшествий². Это истории о необычных даосах и буддийских монахах, случаи, свидетельства которых стали разные отшельники, описания явлений бессмертных и душ умерших, рассказы про необычайные способности, которыми обладают некоторые люди, а также примеры неизбежности воздаяния за хорошие и плохие поступки (одна из частых тем сборника).

Несмотря на то, что «Бао гуан лу» в первую очередь представляют интерес с точки зрения материалов, касающихся царства Уюэ, некоторые фрагменты могут быть полезны исследователям исто-

рической этнографии Чжэцзяна и простонародной религии сунского времени. Показателен такой фрагмент из третьей цзюани:

В Тайчжоу жил простолюдин по фамилии Ван, он всегда истово поклонялся духу отхожего места. Однажды он направился в уборную и застал там девушку, одетую в жёлтое.

— Ты что за человек? — спросил он.

— Я не человек, — был ответ. — Я дух отхожего места. Пришла отблагодарить вас, сударь, за столь почтительное ко мне отношение. Вы, сударь, слышали о языке муравьёв?

— Я человек неотёсанный, — отвечал простолюдин. — Ничего подобного никогда не слышал.

Тогда [девушка] достала из-за пазухи маленькую коробочку, набрала [из нее] на палец немного крема, подобного губной помаде, и помазала простолюдина за правым ухом.

— Как увидите муравьёв, повернитесь этим ухом — и непременно их услышите! — наказала она. А потом исчезла.

На другой день простолюдин увидел у основания колонны муравьёв, что сновали туда-сюда, вспомнил о том, что они разговаривают. Стал слушать и действительно начал разбирать голоса:

— Переносим жилище в другое, тёплое место!

Другой голос спросил, почему.

— Тут внизу зарыто сокровище, от него очень холодно, жить неуютно! — был ответ.

Проследив, откуда муравьи выбирают [на поверхность], простолюдин стал искать — и впрямь нашёл десять слитков серебра!

¹ Годы... Тянь-фу — позднецзиньский девиз правления (937–943). Аньцзи — уезд, располагавшийся на территории современной провинции Чжэцзян близ г. Хучжоу.

² По наблюдениям Ли Цзянь-го, в сборнике не так много оригинальных сюжетов, в основном это вариации уже известных историй (2, с. 49). Так, приведённая выше история о покойном, чьи кости без погребения лежат на речной отмели, в том или ином виде встречается в ряде сборников сяшо эпохи Тан (581–907), разве что стихи не достигают мастерства танских авторов.

Рис. Гадание Цзы-гу. Современное изображение

После того [муравьёв] он больше не слышал [5, с. 6307]¹.

Скудость языка изложения, к сожалению, превращает «Бао гуан лу» скорее

¹ Тайчжоу — область, располагавшаяся в центральной части современной провинции Чжэцзян. Дух отхожего места — Цзы-гу 紫姑, легенда о которой восходит к девушке, жившей при Тан во времена императрицы У Цзэ-тянь (на троне 684–705). Она попала служанкой в дом некоего Ли Цзина, а его жена стала всячески её изводить и довела до самоубийства. Происшествие случилось ночью пятнадцатого дня первого лунного месяца в отхожем месте. С тех пор этот день стал днём поклонения Цзы-гу, когда помимо прочего устраивались гадания — считалось, что если вознести Цзы-гу молитвы, то она может написать предсказание рукой молящегося палочкой на песке и так дать ответ; написанное потом истолковывалось (рис.). Культ Цзы-гу расцвёл в сунское время, именно в этот период упоминания о Цзы-гу стали особенно часты.

в набор конспектов странных происшествий, нежели в подлинно литературное произведение; в сборнике отсутствует даже намёк на авторскую оценку описанного. Ценность данного сочинения для китайского литературного процесса X–XIII вв. невелика, хотя некоторым спросом у литераторов последующих времён сборник всё-таки пользовался¹. Тем не менее в своём исследовании в ряду прочих

дошедших до нас памятников прозы сяшо я касаюсь «Бао гуан лу», поскольку своей задачей вижу создание последовательной истории сяшо с рассмотрением наибольшего числа сохранившихся памятников — ведь именно такая история даст возможность исследователям китайской традиционной словесности и смежных специальностей осмыслить закономерности развития старой китайской прозы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лао-цзы. Дао дэ цзин / Пер. и коммент. В.В. Малявина. М.: Феория, 2010.
2. Ли Цзянь-го. Сундай чжигуай чуаньци сюлу (李劍國。宋代志怪傳奇敘錄 Заметки о сяшо об удивительном и новеллах чуаньци эпохи Сун). Пекин: Чжунхуа шуцзюй, 2018.
3. Чжуан-цзы. Ле-цзы / Пер. с кит., вступ. ст., примеч. и указ. В.В. Малявина. М.: Мысль, 1995.
4. Чэн И-чжун. Сун Юань сяшо яньцзю (程毅中。宋元小說研究 Изучение сунской и юаньской прозы сяшо). Наньцзин: Цзянсу гуцзи чубаньшэ, 1999.
5. Чэнь Цзуань. Бао гуан лу / Жань Сюй цзяодянь (陳纂。葆光錄 / 冉旭校點 Записи хранящего свет / Крит. текст Жань Сюя) // Удай шишу хуэйбянь (五代史書彙編 Собрание исторических сочинений эпохи Пяти царств). Ханчжоу: Ханчжоу чубаньшэ, 2004. Т. 10.
6. Чэнь Чжэнь-сунь. Чжи чжай шу лу цзе ти / Сюй Сяо-мань, Гу Мэй-хуа дяньцзю (陳振孫。直齋書錄解題 / 徐小蠻, 顧美華點校 Аннотированные заметки о книгах из кабинета Чжи-чжай / Крит. текст Сюй Сяо-маня и Гу Мэй-хуа). Шанхай: Шанхай гуцзи чубаньшэ, 1987.

ENGLISH

Notes on Xiaoshuo: “Bao guang lu”

Igor Aleksandrovich Alimov — Dr Sci (History), Head of East and South-East Department of Peter The Great Museum of Anthropology and Ethnography RAS (Kunstkamera), head of the project “The History of Chinese Narrative Prose: Stories of Supernatural of X–XIII cc.” (18-012-00094a).
E-mail: Igor.Alimov@kunstkamera.ru

The article in the series “Notes on xiaoshuo” is a part of large ongoing research project under the general title “A Concise History of the I–XIII Century Chinese Xiaoshuo Prose” and is devoted to one of the little-known collections of Xth century. “Bao guan lu” (葆光 о “Records of Storing the Light”) by Chen Zuan (陳纂 X c.). This article for the first time in Russian examines the history of the creation of the text of this collection, analyzes its composition, examines the question of the existence of “Bao guan lu”, starting with the first editions and finishing with modern ones, analyzes the composition and themes of the collection.

¹ Известный текстолог Чэн И-чжун (程毅中 р. 1930), отмечая невысокую литературную ценность сборника, вместе с тем отмечает, что «Бао гуан лу» при Мин и Цин стали источником заимствований для подделок якобы старых сяшо [4, с. 42].

Keywords: China, Chinese literature, Chinese prose xiaoshuo, source study, "Bao guang lu"

REFERENCES

1. Lao-zi. Dao de jing / Transl. and comments by V.V. Malyavin. M.: Feoriya, 2010.
2. Li Jian-guo. Songdai zhiguai chuanqi xulu (李劍國。宋代志怪傳奇敘錄 Notes on xiaoshuo about the supernatural and chuanqi novels of Song Era). Beijing: Zhonghua shuju, 2018.
3. Zhuang-zi. Lie-zi / Transl. from Chinese, preface, comments and indexes by V.V. Malyavin. M.: Misl, 1995.
4. Cheng Yi-zhong. Song Yuan xiaoshuo yanjiu (程毅中。宋元小說研究 Study of Song and Yuan xiaoshuo prose). Nanjing: Jiangsu guji chubanshe, 1999.
5. Chen Zuan. Bao guang lu / Ran Xu jiaodian (陳纂。葆光錄 / 冉旭校點 Records of Storing the Light / Critical text by Ran Xu) // Wudai shishu huibian (五代史書彙編 The collection of historical writings of Five Kingdoms Era). Hangzhou: Hangzhou chubanshe, 2004. Vol. 10.
6. Chen Zhen-sun. Zhi zhai sh lu jie ti / Xu Xiao-man, Gu Mei-hua dianjiao (陳振孫。直齋書錄解題 / 徐小蠻, 顧美華點校 Annotated Notes on Books from the Zhi-zhai Parlor / Critical text by Xu Xiao-man and Gu Mei-hua). Shanghai: Shanghai guji chubanshe, 1987.

УДК 7.035

ГРНТИ 18.91

DOI: 10.22204/2587-8956-2020-098-01-79-92

Н.В. ШТОЛЬДЕР*

Стиль Либерти в Турине

В рамках проводимого исследования итальянского стиля Либерти в данной статье рассмотрены особенности Либерти в Турине 1900–1910-х гг. на основе изучения городской архитектуры и скульптуры. Выявлены предпосылки распространения этого стиля, выявлены ведущие туринские архитекторы стиля Либерти и их наиболее значимые проекты. Проанализированы характерные черты архитектурного фасадного декора туринского Либерти, а также выявлены типологические особенности туринской монументальной надгробной скульптуры изучаемого периода.

Ключевые слова: стиль Либерти, архитектура туринского Либерти, Пьетро Фенольо, туринская надгробная скульптура

Актуальность темы и общие замечания

На рубеже XIX–XX вв. ветер «*Belle Époque*» стремительно ворвался на Апеннинский полуостров, прежде всего, через архитектуру и декоративно-прикладное искусство. Этот ветер перемен был связан с развитием нового интернационального стиля, который получил название *Ар Нуво* в Бельгии и Франции, *Сецессион* — в Австрии, *стиль Модерн* — в России, *Югендстил* — в Германии, *Модернизм* — в Испании, *Модерн стайл* и *Движение Искусств и Ремёсел* — в Англии. Новый стиль в Италии сначала называли «Новое Искусство» (*Arte Nuova*), затем «цветочным стилем» (*stile floreale*) или

«линейным» стилем (*stile lineare*) и наконец стилем Либерти (*stile Liberty*) [1].

Объединённая в 1861 г. Италия, изнурённая последствиями внутренней раздробленности и борьбой с внешними агрессорами, начала освоение этого стиля несколько позже, чем другие европейские страны [1, 2]. Его расцвет пришёлся на 1900–1910-е гг. После Первой мировой войны развитие Либерти постепенно пошло на спад, уступая место ар-деко и функционализму; однако заложенное в нём стремление к красоте и обновлению ещё будет звучать долгим эхом, обозначив современные национальные тенденции художественного видения и творчества.

* **Штольдер Наталья Владимировна** — кандидат искусствоведения, доцент Гжелского государственного университета, руководитель проекта «Стиль Либерти и особенности итальянской живописи 1890–1915 гг.» (19-012-00406а).

E-mail: n.shtolder@mail.ru

Главные особенности итальянского Либерти были связаны с историко-национальным аспектом, обусловленным двумя моментами: желанием оживить лучшие традиции великого прошлого и стремлением к новому национальному расцвету. Стиль Либерти отказался от классицизма, канонов традиции Отточенто и ответил на запросы городского буржуазного населения, на индустриализацию общества, развитие мануфактурного производства. Среди итальянских городов, активно вступивших на путь освоения нового стиля, выделился один из крупнейших городов северной Италии — Турин (*Torino*), первая столица объединённой Италии, четвёртый город по числу жителей после Милана, Рима, Неаполя. Именно Турин специалисты называют итальянской столицей Ар Нуво [1, 3, 4]. Здесь и сегодня сохранились значительные свидетельства великолепия и современности отдельных сооружений и целых кварталов нового стиля.

В отечественном искусствознании вопрос о Либерти в Турине (*Torino Liberty*) отдельно не рассматривался. Задача этой статьи — выявить и проанализировать основные особенности туринского Либерти на примере городской архитектуры и скульптуры. Главные акценты сделаны на прояснении предпосылок его распространения, на выявлении ведущих архитекторов туринского Либерти и их наиболее значительных проектов, на изучении архитектурного декора разных типов городских зданий, а также на характерных чертах монументальной надгробной скульптуры стиля Либерти на *Монументальном кладбище* (*Cimitero Monumentale*) Турина.

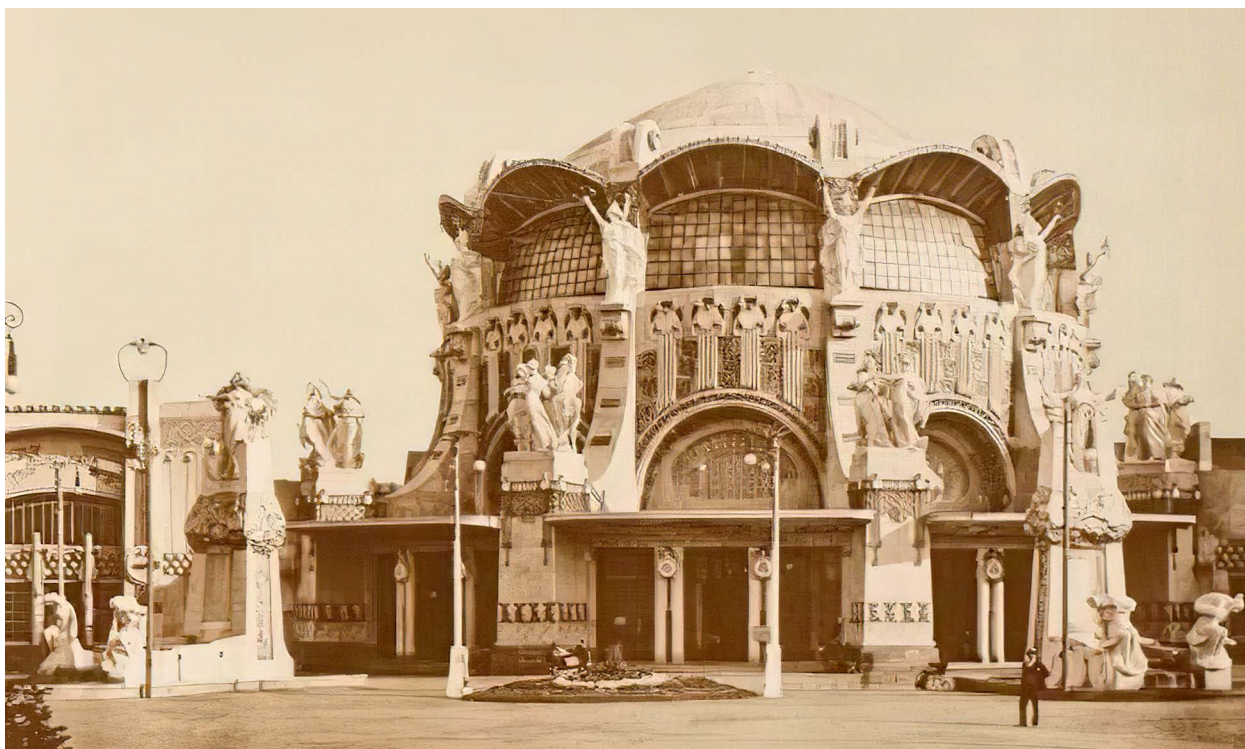
Международная выставка современного декоративного искусства 1902 г. и особенности Либерти в Турине

В Италии движение Либерти не было консолидировано и не сформировалось какой-либо специальной школы, но Турин

стал особым городом, в котором сложились условия для тотального обновления и творческого поиска [3]. В начале Новеченто (1900-е гг.) по контрасту с другими итальянскими городами Турин был открыт новым европейским веянием благодаря климату культурного обмена, который появился в ходе больших международных выставок. Новое художественное движение и развитие стиля итальянского Либерти было инициировано на первой Международной выставке современного декоративного искусства, которая состоялась в 1902 г. именно в этом городе [1, 5, 6].

Как известно, новый стиль, который вдохновлял эту экспозицию, носил интернациональный характер и претендовал на всеобщность; он имел утопическое намерение изменить общество посредством художественного и эстетического преобразования среды. На выставке в Турине свои новейшие эксперименты и достижения показали Австрия, Бельгия, Дания, Франция (школа Нанси), Германия (Гамбург), Япония, Англия, Норвегия, Голландия, Шотландия, Швеция, Венгрия [7]. Здесь произошло знакомство итальянской публики с работами А. Ван де Вельде, В. Орта, Ч.-Р. Макинтоша, П. Беренса, Х.П. Берлаге, Р. Лалика, других знаменитых и модных архитекторов европейского Ар Нуво, что несомненно оказало воздействие на формирование стиля Либерти в Италии.

Главный итальянский павильон был построен по проекту архитектора Раймондо Д'Аронко (1857–1932) из региона Фриули-Венеция-Джулия [1, 7]. Это сооружение полностью отвечало движению и характеру Ар Нуво — плавные линии и разнообразие объёмов, авторский декор с применением скульптуры, лепнины, стекла, керамики, геометрических и растительных орнаментов (ил. 1). Несмотря на то, что в этом проекте в чём-то можно было увидеть источники венской школы модерна О. Вагнера и Й. Ольбриха, критики отмечали оригинальность этой построй-

Ил. 1. Итальянский павильон. Арх. Р. Д'Аронко. Турин, парк Валентино, 1902

ки, в которой был проявлен собственный почерк в художественных деталях. Яркий архитектурный стиль Р. Д'Аронко повлиял на творческие искания архитекторов Турина [8].

В итальянском павильоне были продемонстрированы варианты мебели нового стиля, в частности, Э.Базиле, К.Бугатти, Э.Кварти, К.Дзен, а также керамика Г.Кини и декоративные панно на шёлке Л.Бистольфи. Последние, символистские по содержанию и декоративные по форме и названные автором «*Литература*», «*Музыка*», «*Живопись*» и «*Танец*» были выставлены в ансамбле с мебелью и другой интерьерной обстановкой, что подчёркивало важную идею нового европейского стиля — движение *Гезамткунстwerk* [7]. Эти и другие экспонаты выставки несомненно наложили большой отпечаток на развитие стиля Либерти и задали направление моды в декоративном искусстве по всей Италии.

Помимо международных выставок важную роль в становлении и распространении нового стиля в Турине сыграли

журналы с новым графическим дизайном и статьями, в частности журнал «*L'Arte Decorativa Moderna*», который был основан художником Энрико Рейсенд в 1902 г. при участии скульпторов Давиде Каландра, Леонардо Бистольфи, писателя и критика Энрико Товец [3].

Ведущие архитекторы Турина и их основные проекты

Застройка Турина изначально велась квадратами по римскому принципу. В период Либерти наиболее активное строительство проходило на равнинном пространстве западного берега реки *По*. Туринские архитекторы прекрасно чувствовали характер местности, и разнообразные сооружения в стиле Либерти органично вошли в основные части города — *Чентро Сторико*, *Валентино* и *Коллина*, *Борго Сан Сальварио*, *Чит Турин* или *Баррьера ди Франча*, *Борго Сан Донато*, *Борго Ванкилья*, *Крочетта*, *Борго Сан Паоло*, а в начале XX в. — в районы *Борго Кримэа* и *Борго По* на восточном берегу [3].

В период до начала Второй мировой войны в городе было сооружено значительное число зданий разных типологических уровней: палатки и жилые многоэтажные здания, небольшие частные особняки и грандиозные виллы, здания страховых компаний и отделений коммерческих банков, здания почты и киоски, общественные купальни и прачечные, кафетерии и магазины, столовые и школы. В стиле Либерти также были спроектированы военные заводы и казармы, фабрики и офисы, например, для родоначальника автомобильной отрасли в Италии, известной и сегодня фирмы *FIAT* [3]. В городском строительстве использовались самые различные материалы: кирпич, натуральный камень, железобетонные конструкции, цветное стекло, металл.

Для зданий *Торино Либерти* характерны ассиметрия в плане, обусловленная функциональными задачами; угловые эркеры с нередко выступающими над зданием башнями и витражными окнами, а также фасадные полукруглые эркеры, так называемые *bow-windows*; различное поэтажное декорирование окон объёмной или барельефной цветочной лепниной; нередко было выделение рустом первых этажей зданий; нависающие карнизы с орнаментированными металлическими или каменными консолями; применение сграффито на всём пространстве фасада или в ленточных фризах в верхней части зданий; декорирование фризовой цветочной росписью; массивные деревянные двери с оригинальными металлическими деталями и цветочной изящной резьбой. Богатым был набор цветовой палитры штукатурки — от пастельных лимонных, жёлто-кадмиевых, охристых, молочных оттенков до карминных насыщенных тонов. При определённой типологии нет ни одного повторяющегося фасадного декора, каждое здание имеет свою индивидуальность, особенно в деталях, что демонстрирует, в том числе, успешное развитие экстерьерной сте-

нописи и декоративно-прикладного искусства.

Важной чертой *Торино Либерти* следует назвать тот момент, что кроме несомненных примеров стиля Ар Нуво здесь нередко наблюдается сочетание Либерти с переосмысленными элементами исторических стилей, с эклектикой, особенно в жилых многоквартирных постройках. Встречаются также разные его ветви, обусловленные ретроспективной тенденцией, в частности, неоготическая, неоренессансная, необарочная, неорококо, неоклассицизм, или, например, здания с ориентацией на типологию *“chalet”*. Путь синтезирования знаний, мечтаний и фантазий стал для итальянских мастеров одним из вариантов для одновременного сохранения и модернизации традиции. В этом заключено национальное своеобразие и очарование стиля Либерти в Италии.

Изменение облика Турина в начале XX в. стало возможным благодаря выдающимся архитекторам и инженерам, которые активно включились в обновление среды. Наиболее заметный след оставили Пьетро Фенольо [10], Раймондо Д’Аронко, Джузеппе Велати Беллини, Пьетро Бетта, Эудженио Моллино, Энрико Бонелли, Джованни Грибодо, Готтардо Гуссоли, Антонио Вандоне де Кортемилля, Джованни Баттиста Бенаццо, Альфредо Премоли, Ромео Бурцио, Паоло Бурцио, Камилло Дольца и другие архитекторы — в основном уроженцы Турина. Главные фигуры туринского Либерти прошли местную школу от историзма и эклектизма к Либерти. Они переосмыслили все школы нового искусства в их первоначальном виде — от франко-бельгийской до австро-германской, от англо-саксонской до каталонской, и привнесли свой национальный темперамент и вкус, опирающийся, в том числе, на наследие прошлого [3, 9]. В этом плане разнообразие архитектурных решений и интерпретаций фасадного декора многочисленны и оригинальны при всей очевидности обращения к изначальному

Ил. 2. Дом Ла Флёр, арх. Пьетро Фенольо. Турин, 1902 (фото автора)

источнику. Отметим также, что именно фасадный архитектурный декор становится главным стилеобразующим моментом этого периода.

Туринские архитекторы нередко выступали в роли заказчиков и инженеров. Так, в 1902 г. П. Фенольо построил знаменитый Дом Ла Флёр (*Casa La Fleur*) на углу *виа (улица) Принципи д'Акайя*, 11 и *корсо (проспект) Франча* как собственное жилище (ил. 2). По мнению итальянских исследователей это один из превосходных примеров работы архитектора в стиле Ар Нуво, своего рода эмблема итальянского модерна, с чем трудно не согласиться [3, 10].

В названии дома слышится франко-бельгийский след, а в отдельных деталях есть некоторое влияние В.Орта. Однако Дом Ла Флёр имеет свой неповторимый облик. Фасады дома украшены росписью в виде цветочных букетов, орнаментальными

элементами в технике сграффито, объёмной лепниной из геометрических и растительных форм. Полукруглая угловая часть здания восхищает великолепным эркером с голубоватыми витражами и волнообразной линейной графикой металлической протяжки, заполняющими два окна, а также прозрачным козырьком-«бабочкой», поддерживаемым изящными металлическими консолями, в его верхней части. Пропорции и элементы декора точно выверены, а цветовая пастельная гамма, состоящая из желтоватых и охристых оттенков, довершает впечатление цельности и гармонии. Здесь туринским архитектором вдохновенно и мастерски соединил три музы: живопись, скульптуру и архитектуру (под руководством последней) в едином образе дома, ассоциирующемся с фантастическим цветком.

Почти рядом, также на *корсо Франча* (№ 8) находится ещё один шедевр ту-

Ил. 3. Здание Остореро, арх. Пьетро Фенольо. Турин, 1900 (фото автора)

ринского Либерти – *особняк Раби* (1901), возведённый по совместному проекту П.Фенольо и Г.Гуссони [11]. Из других осуществлённых проектов П.Фенольо следует отметить *здание Росси* (1903, *via Пассалаквуа*, 14) с зелёно-розовой лепниной на фасаде, а также фасадный декор *здания Остореро* (1900, *via Бомон*, 7), декорированный в своеобразной «альпийской» версии нежным по цвету сграффито из орнамента маленьких белых цветов на голубом фоне в верхней части здания (ил. 3).

Интересно своим ансамблевым решением *поселение Лойманн* (1875–1907, в провинции Турина), построенное также по проекту П.Фенольо для текстильного фабриканта, швейцарца по происхождению, Н.Лойманна. В этом проекте архитектор гармонично соединил функциональность с элегантной простотой и осуществил единственный в своём роде проект католической церкви с характерными чертами Либерти. В целом в своих работах туринский архитектор активно применял новые материалы: железо, стекло, литоцементные рамы, а также преиму-

щественно пастельные тона в колористике, сочетание витальных цветочных орнаментов с округлыми геометрическими формами.

В поднимающемся на гору от реки По районе *Борго Кримэа* было создано немало шедевров. Например, у подножия холма на *via Кастеджио*, 2 расположилась сказочная *вилла Кримэа* (1899–1902, арх. Ч.Казелли; 1906, арх. М.Тедески, 1909, арх. Т.Л.Панджелла) со стройным эркером, коронованным резной балюстрадой и утончёнными вьющимися растительными цветочными орнаментами. Поражает архитектурной фантазией *вилла Скотт* (1902, *корсо Дж.Ланца*, 57), представляющая пример необарочной ветви Либерти, – совместная работа архитектора Г.Гуссони и П.Фенольо в качестве инженера. Примером содружества муз является великолепная *вилла Джулиано* (1901–1906 г., *via Гатти*, 17), созданная по проекту архитектора Дж.Грибодо. Её главная особенность – восхитительное элегантное сграффито, покрывающее все фасады и вызывающее ощущение праздничности, благодаря тонкой ритмической

композиции белого рисунка на красно-охристой штукатурке (ил. 4).

Работы Дж.Грибодо встречаются и в других районах Турина, например, в *Сан Донато*. Здесь в прекрасном ожерелье между эклектикой и либерти, среди перетекающих архитектурных фасадов своим символистским балконом с крылатыми гениями, цветочной и геометрической лепниной выделяется *Дом Мазино* (1908–1910, *виа П.Пиффетти*, 5), бывшее здание туринской финансовой компании (ил. 5). Совсем неподалёку отсюда находится богато украшенный *Дом Таска* (1902–1903, *виа Бомон*, 3) архитектора Дж.Б.Бенаццо (ил. 6). В его декоре наблюдается искусное сочетание цветочных орнаментов в духе «*Arts and Crafts*», литоцементные геометрические элементы, вставки из цифр в кованом металле на решётках балконов, сообщающие о годе создания дома [3, 9].

В районе *Борго По*, вытянувшемся между мостами *Витторе Эммануэле II* и *Реджина Маргерита*, расположено целое со-

брание ярких и оригинальных преимущественно невысоких жилых зданий и особняков, нередко плотно примыкающих к друг другу. Они построены по проектам Э.Моллино, Р.Бурцио, П.Бурцио, А.Перинчиоли, Дж.Велати Беллини, Э.Олливьеро и других архитекторов.

В туринском районе *Ванкилья* возведено несколько запоминающихся зданий по проекту архитектора А.Вандоне де Кортемилля. Например, фасад небольшого трёхэтажного жилого *Дома Колонго* (1904, *виа Катанья*, 35) украшают декоративные балконы, решётки, консоли из кованного металла тёмно-коричневого цвета на тему насекомых (ил. 7). Этот дом – нежданная жемчужина улицы, на которой преимущественно находятся мастерские и фабричные здания [3].

Следует отметить фасадный декор *Дома Флорио* (1902, *виа Чибрарио*, 15), проектировщиками которого были архитекторы Дж.Велати Беллини и А.Риччи. Здание построено в стиле эклектики по заказу братьев Флорио, промышлен-

Ил. 4. Вилла Джулиано, арх. Джованни Грибодо. Турин, 1901–1906 (фото автора)

Ил. 5. Дом Мазино, фрагмент, арх. Джованни Грибодо. Турин, 1908–1910
(фото автора)

ников из Палермо, однако покрывающее весь фасад фантастическое по своей графике монохромное сграффито созвучно орнаментике Либерти. Многочисленный ряд арендных (или доходных) домов, а также некоторые особняки в Турине схожи в принципах оформления фасадов с идеями английской неоготики, например, в районах *Чентро Сторико*, *Чит Турин*, *Сан Донато* и *По*. Характерным примером неоготической ветви нового стиля является *Дом делла Виттория* (1918–1920, *виа Франча*, 23), построенный по проекту Г. Гуссоли, — многоэтажное жилое здание с угловыми башнями, гербами и стрельчатыми орнаментами, драконами и горгульями в декоре [11] (ил. 8).

В районах *Ванкилья*, *Крочетта*, *Сан Раоло* было построено большое количество общественных зданий в *стиле флореале*. Среди архитекторов в этом плане наиболее известны П. Фенольо, К. Дольца, М. Фраполли, по проектам которых были возведены публичные купальни, школы и офисы.

Иконографические мотивы туринского Либерти

Как и ведущие европейские авторы стиля Ар Нуво, итальянские архитекторы в выборе иконографических мотивов опирались на мировоззрение символизма с его непознаваемым символом [12]. На порталах туринских жилых зданий встречаются небольшие фасадные барельефы символистского содержания. Например, на фасаде жилого дома на *виа Ланфранки*, 3 изображена сцена, в которой соединены розы, раздуваемый ветром парус и летящая девушка. В фасадной лепнине и стенописи также наблюдается символистский флористический набор элементов: подсолнухи, мальвы, ромашки, глицинии, гранаты, ирисы, розы, лилии, тюльпаны, маки, шиповник — нередко в букетах и гроздьях, преимущественно в текущей извилистой витальной форме. В растительном декоре преобладают мотивы с листьями платана, клёна, дуба, каштана, а также мотив дерева жизни. Из зооморфной области встречаются львы, рыбы, крабы, лягушки, ящерицы,

Ил. 6. Дом Таска, арх. Джованни Баттиста Бенаццо. Турин, 1902–1903
(фото автора)

петух и фантастические животные – дракон, грифон, маскароны, а также насекомые – бабочка, пчела, стрекоза. Характерным элементом декоративной композиции портала является вплетение номера дома, например, в жилых зданиях на *via Asti*. Выразительной и информационной деталью может быть высеченная на камне монограмма архитектора или название улицы шрифтом в стиле Либерти.

В ретроспективном плане в орнаментальном декоре можно заметить нередко встречающиеся авторские интерпретации ленточных месопотамских, византийских, греческих орнаментов, в том

числе разные варианты геометрических узоров, например, из ромбов и полос. Переосмысленные исторические орнаментальные мотивы, такие как мотив пальметты, листья аканта, крин, «шишки» хмеля, цветки лилий и другие, ранее применяемые в храмах и дворцовых резиденциях и имевшие сакральный смысл, теперь становятся изящным украшением [13].

Надгробная скульптура Торино Либерти на Монументальном кладбище

В Турине отчётливо видно, что стиль Либерти внёс красоту не только в повсед-

Ил. 7. Дом Колонго, арх. Антонио Вандоне. Турин, 1907
(фото автора)

невную жизнь, но и оказался достойным «обрамлять» жизнь вечную. В период Либерти на *Монументальном кладбище* были созданы уникальные монументы, продолжающие греко-римскую традицию и одновременно вносящие черты и вкус нового стиля [14]. Если городская архитектура *Торино Либерти* представляет собой удивительную симфонию радости, то здесь звучит не менее прекрасная симфония печали. Монументальные памятники и скульптурные композиции нового стиля, созданные в духе символистской эстетики и в форме Гезамткунстверка, являются сегодня предметом гордости жителей и важной частью городской среды.

Типология надгробных памятников изучаемого стиля разнообразна, например кубистические надгробия в греко-римском стиле с крестом на вершине и с цветочными орнаментами в металле или лепниной в *стиле флореале*; объёмные скульптурные группы из аллегорических или символистских фигур, расположенных на высоком подиуме, или объёмная

отдельно стоящая аллегорическо-символистская фигура на невысоком постаменте; рельефные многофигурные скульптурные композиции с символистским содержанием, расположенные в специальной нише; сочетание объёмной фигуры или объёмного бюста с рельефным композиционным задником в эстетике символизма и некоторые другие типы монументов.

В стилистическом плане в туринской надгробной скульптуре наблюдается тенденция сочетания в разных вариантах реализма, академизма и модерна, в некоторых случаях с элементами барокко. С точки зрения иконографических мотивов можно отметить определённую связь и синхронность с мотивами и темами итальянской живописи символизма и модерна. Туринские скульпторы, учитывая функциональное назначение памятников, обращались к теме сна и смерти, применяя мотивы с женскими фигурами, подчёркивая эмоциональный аспект в своих символистских персонажах, а также активно включая объёмные и рельефные растительные

Ил. 8. Дом делла Виттория, арх. Г. Гуссони, 1919–1920. Фрагмент (фото автора)

и цветочные элементы в *стиле флореале* как символы земной и небесной красоты.

Итальянские исследователи выделяют на *Монументальном кладбище* Турина 23 монумента, выполненные преимущественно в бронзе, мраморе и камне, в которых проявились черты Либерти [3]. Работавшие здесь над памятниками скульпторы были выдающимися мастерами — это Чезаре Бискацца, Леонардо Бистольфи, Давиде Каландра, Пьетро Каноника, Чезаре Редуцци, Аугусто Редуцци, Эдоардо Рубино, Одоардо Табакки, Челестино Фумагалли, Джузеппе Витторио Черини и другие [3, 14].

Прежде всего, следует отметить работу туринского скульптора Чезаре Редуцци (1857–1911) — *Памятник Морьондо* (1905) (ил. 9). В мраморной объёмной скульптурной композиции прочитываются символистские смыслы. Тайную связь земного и небесного воплощает прекрасная женщина, над которой нависает фантом, подобный огромной летучей мыши. Скульптура отмечена беспокойным

винтовым движением, усиленным диагональными ритмами складок драпировок.

Привлекает внимание необычный и грандиозный *Памятник Гейссер*, созданный туринским скульптором Давиде Каландра (1856–1915) в содружестве с архитектором Стефано Молли (1858–1917) [3, 14]. Этот монумент представляет собой выгнутую монументальную стелу с рельефной композицией из бронзы под названием «*Империя смерти*» (ил. 10). В её центре на почти объёмной лошади восседает крылатая брутальная фигура с поднятым мечом — образ непреклонного ангела смерти. Перед ним внизу на земле в состоянии смятения изображена группа людей; за ангелом смерти — благословляющая его фигура Иисуса Христа. Здесь нарратив сочетается с символикой, что усиливает драматический эффект сложной композиции.

Давиде Каландра в содружестве с архитектором Карло Чеппи (1829–1921) создал здесь ещё два монумента. Например, *Памятник Казана* (1910) выполнен

Ил. 9. Памятник Морьондо, ск. Чезаре Редуцци. Турин, Монументальное кладбище, 1905 (фото автора)

Ил. 10. Памятник Гейсер, ск. Давиде Каландра. Турин, Монументальное кладбище, 1908
(фото автора)

в форме вписанного в полукруглую нишу монументального бронзового горельефа [14]. Пятнадцать дев-ангелов в размере чуть более человеческого роста олицетворяют идею продолжения жизни после смерти в символистском аспекте. Плавный ритмичный повтор их фигур соотносим с произведениями итальянского Ренессанса, а также с композициями современников-живописцев, в частности Гаэтано Превиати.

Торжественностью и синтезом искусств отличается *Монумент Поркедду* скульптора Э.Рубино (1871–1954) и декоратора Джулио Казанова (1875–1961) из Болоньи [3, 14]. Он посвящён легендарно предприимчивому туринцу инженеру Джованни Антонио Поркедду (1860–1937), который ввёл в Италии использование техники железобетонных конструкций. Скульптурная часть памятника в виде скорбящих дев выполнена в мраморе и датирована 1912 г. Восхищает мозаичный задник

с позолоченной смальтой и орнаментами, включающими христианскую сакральную символику и элементы Либерти. Вместе круглая скульптура и стенопись представляют собой великолепный монументальный ансамбль.

Некоторые выводы

Стиль Либерти в Турине – это уникальный историко-художественный феномен двух первых десятилетий начала XX в., европейский опыт утопических мечтаний о Большой Красоте и один из наиболее характерных примеров итальянского варианта Ар Нуво. Особенность и значимость этого явления заключаются в целостном решении градостроительных и эстетических задач своего места и времени, в достижении в архитектуре и городской скульптуре синтеза между элементами стилей прошлого и новыми свободными формами, а также в успешном переосмыслении европейского модерна в на-

циональных традициях и вкусе с целью обновления и осуществления движения к современной национальной архитектуре и дизайну. Анализ архитектурного деко-

ра и монументальной скульптуры туринского Либерти является важным аспектом в изучении европейского модерна и символизма.

ЛИТЕРАТУРА

1. Liberty. Uno stile per l'Italia moderna, Catalogo della mostra, Forli, Musei San Domenico, 1.02–15.05.2014, a cura di F. Mazzocca, Milano, Silvana Editore, 2014.
2. Сарабьянов Д.В. Модерн. История стиля. М.: Галарт, 2001.
3. Coda Negozio B., Fraternali R., Ostorero C. Alla scoperta della Torino Liberty, 10 passeggiate nel quartieri della città. Torino, Edizioni del Capricorno, 2017.
4. Полевой В.М. Искусство XX века. 1901–1945. М.: Искусство, 1991.
5. Pica V. L'arte decorativa all'Esposizione di Torino del 1902, Bergamo, Istituto Italiano d'Arti Grafiche, 1903.
6. Tamagnone E. Torino, il vento del Liberty // Italian Liberty: il sogno europeo della Grande Bellezza, a cura di A. Speciali, San Marino, Carta Canta Editore, 2016, pp. 66–68.
7. Bertone V., Vinardi M., Кат В. Liberty. Uno stile per l'Italia moderna, Catalogo della mostra, Forli, Musei San Domenico, 1.02–15.05.2014, a cura di F. Mazzocca, Milano, Silvana Editore, 2014. Pp. 39–47.
8. D'Aronco R. Lettere di un architetto, Bologna, Del Bianco, 1982.
9. Archivi del Liberty Italiano. Architettura, a cura di R. Bossaglia, Milano, Franco Angeli, 1987.
10. Ternavasio M., Pietro Fenoglio. Vita di un architetto. Viaggio nella Torino liberty del primo '900. Boves, Araba Fenice, 2014.
11. Italian Liberty: il sogno europeo della Grande Bellezza, a cura di A. Speciali, San Marino, Carta Canta Editore, 2016.
12. Нащокина М.В. Иконография архитектуры европейского модерна // Европейский символизм / Отв. ред. И.Е. Светлов. СПб.: Алетейя, 2006. С. 151–177.
13. Колмовской А.А. Наряд московских фасадов: Фотоальбом / Вст. ст. Е. Кириченко. М.: Московский рабочий, 1987.
14. Ostorero C.L., Cortese R. Capolavori e meraviglie del Cimitero Monumentale di Torino. Torino, Edizioni del Capricorno, 2018.

ENGLISH

Liberty Style in Turin

Natalya Vladimirovna Shtolder – Candidate of Science (Art history), Associate Professor at Gzhel State University, supervisor of the project “Liberty Style and Distinctive Features of Italian Painting in 1890–1915” (19-012-00406a).

E-mail: n.shtolder@mail.ru

As a part of the ongoing study of the Italian Liberty style, the paper reviews the characteristics of Liberty style in Italian Turin in 1900–1910 through the study of urban architecture and sculpture. It highlights the preconditions for the growing popularity of the style, recites the major Turin architects working in Liberty style, as well as their significant projects. The paper analyses distinctive features of the architectural facade décor of Turin Liberty, as well as indicates typical features of Turin sepulchral monuments.

Keywords: Liberty style, Turin Liberty architecture, Pietro Fenoglio, Turin sepulchral sculpture

REFERENCES

1. Liberty. Uno stile per l'Italia moderna, Catalogo della mostra, Forli, Musei San Domenico, 1.02–15.05.2014, a cura di F. Mazzocca, Milano, Silvana Editore, 2014.
2. Sarab'yanov D.V. Modern. Istoriya stilya. M.: Galart, 2001 (in Russian).
3. Coda Negozio B., Fraternali R., Ostorero C. Alla scoperta della Torino Liberty, 10 passeggiate nei quartieri della città. Torino, Edizioni del Capricorno, 2017.
4. Polevoy V.M. Iskusstvo XX veka. 1901–1945. M.: Iskusstvo, 1991 (in Russian).
5. Pica V. L'arte decorativa all'Esposizione di Torino del 1902, Bergamo, Istituto Italiano d'Arti Grafiche, 1903.
6. Tamagnone E. Torino, il vento del Liberty // Italian Liberty: il sogno europeo della Grande Bellezza, a cura di A. Speziali, San Marino, Carta Canta Editore, 2016, pp. 66–68.
7. Bertone V., Vinardi M., Kat V. Liberty. Uno stile per l'Italia moderna, Catalogo della mostra, Forli, Musei San Domenico, 1.02–15.05.2014, a cura di F. Mazzocca, Milano, Silvana Editore, 2014. Pp. 39–47.
8. D'Aronco R. Lettere di un architetto, Bologna, Del Bianco, 1982.
9. Archivi del Liberty Italiano. Architettura, a cura di R. Bossaglia, Milano, Franco Angeli, 1987.
10. Ternavasio M., Pietro Fenoglio. Vita di un architetto. Viaggio nella Torino liberty del primo '900. Boves, Araba Fenice, 2014.
11. Italian Liberty: il sogno europeo della Grande Bellezza, a cura di A. Speziali, San Marino, Carta Canta Editore, 2016.
12. Nashchokina M.V. Ikonografiya arkhitektury evropeyskogo moderna // Evropeyskiy simbolizm / Otv. red. I.E. Svetlov. SPb.: Aleteya, 2006. S. 151–177 (in Russian).
13. Kolmovskoy A.A. Naryad moskovskikh fasadov: Fotoal'bom / Vst. st. E. Kirichenko. M.: Moskovskiy rabochiy, 1987 (in Russian).
14. Ostorero C.L., Cortese R. Capolavori e meraviglie del Cimitero Monumentale di Torino. Torino, Edizioni del Capricorno, 2018.

КОМПЛЕКСНОЕ ИЗУЧЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА. ПСИХОЛОГИЯ. ПЕДАГОГИКА

УДК 159.923
ГРНТИ 15.31.35
DOI: 10.22204/2587-8956-2020-098-01-93-106

**А.Д. АНДРЕЕВА,
Е.Е. ДАНИЛОВА***

Психологический образ детства у российских родителей: традиция и современность

В статье представлены результаты теоретического и эмпирического изучения психологического образа детства, которым руководствуются родители в воспитании и обучении своих детей.

Сравнительно-историческое изучение содержания нормативного образа детства, сложившегося в Советском Союзе и современной России, позволило увидеть динамику расширения и изменения институционального стандарта детства. В качестве основного методического приёма ретроспективного изучения образа детства использован анализ советского плаката как основного средства массового просвещения и психологического воздействия, позволявшего преодолеть ограниченность информационного пространства, низкий уровень грамотности и социальной культуры основной массы населения. Отражение в нём идей материнства и детства помогло реконструировать историю становления институционального образа детства, определяемого социальными, экономическими и идеологическими задачами Советского государства. Глубокие политические и социально-экономические перемены в современной России освободили нормативный образ детства от идеологических установок и предложили альтернативные подходы к обучению и воспитанию детей.

В ходе выполнения проекта созданы описательные модели психологического образа детства, которыми родители руководствуются при выборе образовательной среды для своих детей. Подтвердилось предположение о том, что выбор образовательной среды ребёнка действительно выступает социальным индикатором родительских представлений о ценности детского периода жизни, о современном ребёнке, родительской позиции, целях и смысле образования, желательном будущем ребёнка, социальных и культурных ресурсах семьи, образующих содержание субъективного

* **Андреева Алла Дамировна** — кандидат психологических наук, старший научный сотрудник Психологического института РАО, заведующая лабораторией научных основ детской практической психологии, руководитель проекта «Психологический образ детства у современных родителей как фактор выбора образовательной среды ребёнка» (17-06-00036а).

E-mail: alladamirovna@yandex.ru

Данилова Елена Евгеньевна — кандидат психологических наук, старший научный сотрудник Психологического института РАО, ведущий научный сотрудник лаборатории научных основ детской практической психологии, исполнитель того же проекта.

E-mail: danillen@yandex.ru

психологического образа детства. Установлено, что доминировавший в СССР институциональный образ детства, задаваемый извне и имевший выраженную общественную направленность, сменился обыденным образом детства, ориентированным на воспитание конкурентоспособного человека, достижение личного успеха.

Ключевые слова: психологический образ, институциональный образ детства, обыденный образ детства, социальные представления, динамика образа детства, родительство, образовательная среда

Психологический образ любого социального феномена имеет два уровня существования: институциональный и обыденный, который ещё принято называть «наивной картиной мира». Институциональный образ детерминирован этическими и правовыми нормами, нравственными позициями, моральными принципами, социальными и экономическими задачами общества. Обыденный образ субъективен, тесно связан со сферой бессознательного и определяется системой социальных представлений и установок индивида, его мотивами и потребностями, привычками и убеждениями. Именно этот уровень обеспечивает устойчивость и личностную обусловленность психологического образа [1–3]. Сочетание этих двух уровней опосредует поведение людей, выступает регулятором их мотивационно-потребностной сферы.

Теоретический анализ институционального образа детства

Сравнительно-историческое исследование содержания нормативного образа детства, сложившегося в Советском Союзе и современной России, позволило увидеть динамику расширения и изменения институционального стандарта детства. В качестве исследовательского материала были использованы советские плакаты 1920–1980-х гг., посвящённые материнству и детству [4]. Долгое время плакат рассматривался как основное средство массового просвещения и психологического воздействия, позволявшее преодо-

леть ограниченность информационного пространства, низкий уровень грамотности и социальной культуры основной массы населения. Анализ плаката является важным методом исследований в рамках сравнительно-исторического подхода, опирающимся на вербальные и невербальные средства выражения экспрессивности [5, 6].

Один из основателей институционально-эволюционной теории развития общества Д. Норт подчёркивал, что институциональный подход пытается «соединить микроуровень человеческой деятельности с макроуровнем побудительных мотивов, образованных институциональной системой» [7, с. 144]. Для анализа институциональных феноменов общества огромное значение имеет исторический опыт, поскольку настоящее и будущее связаны с прошлым именно непрерывностью существования основных социальных институтов, таких как семья, система образования, производственная сфера [8].

Отражение в советском плакате идей материнства и детства позволило нам реконструировать историю становления институционального образа детства, определяемого социальными, экономическими и идеологическими задачами Советского государства. Начало исторически неразрывному процессу создания единого стандарта детства было положено в 20-е гг. прошлого столетия. Именно тогда впервые в нашей стране была поставлена задача создания идеального образа детства, на который должны были ориентироваться взрослые, ответственные

за воспитание будущих граждан нового общества.

Расширяясь по мере развития социальной, экономической и идеологической инфраструктуры общества, институциональный образ советского детства окончательно сформировался к концу 60-х гг. Крепкий, здоровый ребёнок растёт в благополучной семье, свободной от пережитков и пороков тёмного прошлого: пьянства, рукоприкладства, курения. Посещающая детские учреждения, учащая в школе, становясь октябрёнком и пионером, он включается в систему доступных ему общественных отношений, идентифицируя себя с определённой социальной группой. Ребёнок растёт свободным и счастливым, имеет возможность развивать свои силы и способности, познавать мир и искать своё место в нём. Он должен хорошо учиться, заниматься спортом, беречь и укреплять своё здоровье, помогать взрослым в их повседневных заботах и делах (рис. 1–4).

Любовь к родине, благодарность государству за отеческую заботу о счастливом детстве — обязательный эмоциональный компонент институционального образа советского детства. Верхняя граница фактического детства зафиксирована в возрасте 14–15 лет, по достижении которого человек, пройдя непродолжительный период обучения профессиональным навыкам, может приступить к трудовой деятельности.

Такой норматив детства практически без изменений сохранялся до распада Советского Союза. К этому времени как общая, так и социальная культура населения достигли достаточно высокого уровня, необходимого для полноценного выполнения обязанностей по воспитанию и образованию детей. Ценность детства, как и во всём развитом мире, стала неотъем-

Рис. 1. Плакат 1925 г. Неизвестный художник

лемой частью массового сознания, поэтому отпала необходимость в наглядном оформлении государственных приоритетов в области детства. Плакат потерял свою социальную актуальность, передавая регулирующие и побуждающие функции таким средствам массового воздействия, как кино и публицистика [9, 10].

Глубокие политические и социально-экономические перемены, произошедшие в стране в 90-е гг. прошлого века, внесли некоторые коррективы в институциональный образ детства, освободив его от идеологических установок и предложив альтернативные подходы к обучению и воспитанию детей. В современной России вновь усиливается тенденция к уни-

Рис. 2. Плакат 1928 г. Н. Поманский

фикации системы образования и выработке ориентиров социально желательного образа детства, закрепляемых Федеральным государственным стандартом образования [11].

Эмпирическое изучение субъективного психологического образа детства у современных родителей

Интенсификация всех социальных процессов, связанная с вступлением промышленно развитых стран в эпоху постиндустриальной экономики, ускорила и обострила зарождавшиеся, но не достигавшие критического уровня тенденции. Автоматизация и информатизация производства ведут к трансформации рынка труда, росту профессиональной конкуренции, увеличению числа профессионально невостребованных граждан [12]. Трудовая «дискриминация» сегодня затрагивает в первую очередь женщин, всё чаще вынужденных делать выбор между

семьей и карьерой. В условиях социально-экономических потрясений постиндустриального общества для многих молодых женщин, имеющих семью и детей, сознательное и активное родительство становится новой сферой социальной активности и самореализации, а воспитание успешных и самостоятельных детей рассматривается как своеобразный вклад в собственное будущее.

Новые целевые установки семьи делают приоритетными те модели родительства, которые направлены на раннее и интенсивное интеллектуальное развитие ребёнка. Однако раннее включение ребёнка в деятельность, требующую произвольного поведения, естественным образом делегирует функцию контроля взрослому, что также замедляет становление самоконтроля и произвольного поведения у будущего школьника. Избыточная включённость современных родителей в жизнь своих детей препятствует становлению не только их позна-

вательной инициативности и самостоятельности, но и готовности к принятию ответственности за собственные решения и поступки [13].

Поступление ребёнка в школу ставит его родителей в ситуацию первого осознанного выбора той социальной среды, которая в наибольшей степени отвечает их представлениям об актуальных способностях и потребностях ребёнка, а также определяет перспективы его когнитивного, культурного и социального развития. Отправной точкой на этом пути становится выбор школы, реализующей обычную общеобразовательную программу либо программу повышенной сложности. Было выдвинуто предположение о том, что выбор образовательной среды ребёнка выступает социальным индикатором родительских представлений о ценности детского периода жизни, о современном ребёнке, родительской позиции, целях и смысле образования, желательном будущем ребёнка, социальных и культурных ресурсах семьи, образующих содержание субъективного психологического образа детства.

Для проверки данной гипотезы мы в 2017–2019 гг. провели эмпирическое

изучение структуры и содержания психологического образа детства у родителей, чьим детям предстоит переход на новую ступень образования: поступление в школу (1-й класс), переход в среднюю школу (5-й класс) и окончание основной школы (9-й класс).

Организация и методы эмпирического исследования. В исследовании приняли участие родители будущих первоклассников, пятиклассников и выпускников девятых классов московских школ, придерживающихся различных образовательных идеологий. В одну группу вошли так называемые массовые школы, работающие в рамках образовательного стандарта, не превышающего нормативы учебной нагрузки, не проводящие предварительного отбора учащихся (306 человек). Вторую группу составили школы, реализующие программы обучения повышенной сложности, предъявляющие высокие требования к уровню психологического и интеллектуального развития учащихся (268 человек). Для удобства изложения и анализа материалов исследования мы будем придерживаться ставших традиционными кратких определе-

Рис. 3. Плакат 1929 г. А. Лаптев

Рис. 4. Плакат 1935 г. Я. Завьялов

ний: «массовая школа» и «рейтинговая школа».

В качестве основных методических приёмов были использованы методики неоконченных предложений и метод свободных ассоциаций. Обработка и анализ ассоциаций к понятиям, входящим в смысловое поле проблемы образа дет-

ства («детство», «родители», «игры», «учёба», «педагог», «одноклассники»), проводились в соответствии с требованиями метода прототипического анализа П.Вержеса [14–17]. В качестве основных структурных элементов социальных представлений, составляющих психологический образ, выделяют устойчивое к внешним воз-

действиям ядро, более изменчивые и чувствительные к индивидуальному опыту зоны потенциальных изменений и легко меняющуюся в зависимости от конкретных обстоятельств периферию.

Результаты эмпирического исследования и обсуждение. Параметрами ассоциативных понятий, на основании которых они относились к ядру либо к периферическим зонам социального представления, были частота встречаемости ассоциации в данной выборке и порядок появления ассоциации в ответах респондентов. Ограничение ассоциативного ряда пятью позициями определило диапазон рангов каждого понятия в интервале от 1 до 5. Пересечение точек медианы частоты встречаемости и среднего ранга появления ассоциаций образует систему координат, включающую четыре зоны. К I зоне – ядру социального представления – относились ассоциации с высокой частотой встречаемости и низким средним рангом (1,7–2,9) относительно центральной точки пересечения осей. Две зоны относятся к областям потенциальных изменений, причём в зону II вошли ассоциации с теми же рангами, что

и в первую, но с низкой частотой встречаемости, а в зону III – понятия с высокой частотой встречаемости и высокими рангами (от 3 до 4,5). Попадание ассоциации в зону II трактуется как выражение позиции меньшинства респондентов, для которых она особенно значима, а ассоциации, вошедшие в зону III, отражают содержание массового сознания, формируемого средой. Ассоциации с низкой частотой встречаемости и высоким средним рангом (от 3,5 до 4,5) образуют собственно периферическую, наиболее изменчивую зону социальных представлений (зона IV). В качестве примера приведём сводные данные по структуре социального представления «учёба» у родителей учеников первых, пятых и девярых классов (таблицы 1–2).

Полученные материалы позволили нам реконструировать описательные модели образа детства, характерные для родителей, которые выбрали для своих детей школы, занимающие далёкие друг от друга рейтинговые позиции. Установлено, что сложившийся у родителей психологический образ детства является устойчивым в той его части, которая опира-

Таблица 1

Структура и содержание социального представления «учёба» у родителей учащихся массовой школы

Частота	Средний ранг	
	1,7–2,9	3–4,5
Высокая	I 1 класс: интерес, труд, самодисциплина, знания, конкретные предметы 5 класс: учебный процесс, знания, интерес, трудности, друзья, школа 9 класс: школа, интерес, труд, напряжение, друзья, ответственность	III 1 класс: учитель, школа, уроки, друзья, школьные атрибуты 5 класс: школьные атрибуты, книги 9 класс: общественная жизнь, оценки, контрольные, экзамены
Низкая	II 1 класс: ответственность, развитие, книги/учебники, познание мира 5 класс: ответственность, учитель 9 класс: успехи, знания	IV 1 класс: оценки, фундамент будущего, отдых, успех, негативные переживания 5 класс: фундамент будущего, самодисциплина, негативные переживания, развитие 9 класс: учителя, уроки, занятия, школьные атрибуты

Таблица 2

**Структура и содержание социального представления «учёба»
у родителей учащихся рейтинговой школы**

Частота	Средний ранг	
	1,7–2,9	3–4,5
Высокая	I 1 класс: интерес, знания, друзья 5 класс: фундамент будущего, знания 9 класс: знания, школа, будущее	III 1 класс: нагрузка, школьные атрибуты 5 класс: школьные атрибуты, усталость, необходимость 9 класс: школьные атрибуты, преодоление, отметки
Низкая	II 1 класс: университет, необходимость 5 класс: школа, интересно, друзья 9 класс: высокие достижения, интересно, учитель	IV 1 класс: школа, учитель, вся жизнь 5 класс: учитель 9 класс: ответственность

ется на стереотипы и культурные традиции общества, а также на их собственный жизненный опыт. Это общие, традиционные признаки детства, указывающие на близость детско-родительских отношений и их безусловную значимость для взрослых и ребёнка, центральной категорией среди которых выступает семейный досуг. Динамические компоненты образа детства отражают специфику социальной ситуации развития и актуальные возрастные потребности детей разного возраста: для дошкольников – создаваемый семьёй позитивный эмоциональный фон (радость, счастье, чувство защищённости), для младших подростков – школа и учение, для старших подростков – виртуальное общение, жизнь в информационном пространстве [18].

Предположение о том, что родители учащихся из школ, отличающихся по уровню сложности реализуемых в них образовательных программ, имеют разные представления о ценностях и задачах детского периода жизни ребёнка, нашло подтверждение в полученных нами результатах исследования.

Родители первоклассников *массовой школы* опираются на традиционный стереотип так называемого счастливого детства, заполненного материнской любовью и заботой, подвижными весёлыми играми,

прогулками, общением с другими детьми, радостью наивного познания мира. Для таких родителей учёба – это интересная, сложная и ответственная деятельность, существенная часть сегодняшней жизни ребёнка, неотделимая от школы как социального института. Первый учитель ребёнка вовсе не должен стать ему «второй мамой», от него ждут профессиональных знаний и требовательности, в первую очередь, и терпения, доброты, справедливости, мудрости – во вторую. Любовь к детям рассматривается скорее как стереотипный атрибут социальной роли учителя, нежели профессионально-ценное качество. Ожидается, что одноклассники будут составлять основной круг общения ребёнка, станут товарищами не только по учёбе, но и по играм, прогулкам, праздникам.

Представление о детстве у родителей будущих пятиклассников массовой школы сохраняет традиционные черты стереотипа «счастливого детства», однако в нём появляются новые элементы, связанные с особенностями возрастного развития детей. Подросшие дети принимают участие в семейном досуге, получают определённую свободу, которую символизирует категория «двор» как место личных социальных контактов, и требуют пристального контроля со стороны семьи и шко-

лы. Весёлые забавы и подвижные игры по-прежнему актуальны, но более полезными для детского развития представляются компьютерные игры. Учёба в школе традиционно считается важной, интересной, сложной, ответственной деятельностью со слабо выраженной временной перспективой. Профессионализм учителя ценится выше его эмоциональной связи с детьми: он не только не становится ребёнку «второй мамой», его даже не рассматривают в качестве друга, которому можно доверить свои проблемы. Одноклассники по-прежнему воспринимаются «дружелюбно» не только как соученики, но и как партнёры по играм и общению.

Родители девятиклассников массовой школы уже не считают получение образования задачей детского периода жизни, поэтому школьные заботы, равно как и контролирующие функции, перестают восприниматься ими как зона семейной ответственности. Теперь ответственность за результаты учебной работы полностью делегируется школе, что, по-видимому, обусловлено трудной ситуацией первого профессионального самоопределения подростка, неуверенностью родителей в том, что они способны сами справиться с этой проблемой. Больше всего родители ценят знания и профессиональный опыт педагога, желательным становится индивидуальный подход к учащимся, который вполне способен заменить не имеющую отношения к профессионализму «любовь к детям». Игры взрослеющих детей — это только досуг, отдых и удовольствие, не связанные с развитием и обучением. Большинство предпочитает спортивные и компьютерные игры, а ролевые и настольные — удел немногих. В одноклассниках своих детей родители видят не просто друзей, а партнёров по досуговому увлечению, общим интересам.

В целом образ детства, которым руководствуются родители, выбирающие обучение в массовой школе, основан на их собственном жизненном опыте и культурных традициях нашего общества. Он

трансформируется вслед за развитием возрастных потребностей детей и практически не содержит собственных целевых установок родителей. Этот образ несколько аморфен, в нём есть место для разных вариантов проживания детства, есть пространство для манёвра в случае изменения обстоятельств жизни или семейных приоритетов.

Реконструкция образа детства, на который опираются родители первоклассников *рейтинговой школы*, показала, что определённая стереотипность представлений этих родителей о «счастливом детстве» как времени весёлых подвижных игр и прогулок не препятствует включению в них некоторых элементов взрослости, таких как труд, книги и даже будущее. Общество сверстников, детский сад, школа менее важны для хорошего детства, чем любовь, защита и поддержка семьи. Развитию и воспитанию ребёнка уделяется специальное внимание, взрослые играют с ним в логические и настольные игры, роль компьютерных игр весьма незначительна. Школьное обучение рассматривается только как ступень в общем образовании ребёнка, условие для так называемого хорошего старта. От учителя ждут добротных знаний и высокого профессионализма, требовательности и строгости, его личностные качества не столь существенны. Отношение к одноклассникам амбивалентное, они воспринимаются не только как друзья, но и как соперники, что типично для школ с высокими требованиями к учебным достижениям. Такая готовность к соперничеству отражает целевые установки родителей первоклассников на социализацию детей в конкурентной среде.

Для родителей будущих пятиклассников рейтинговой школы детская беззаботность и непосредственная радость бытия уступают место заботе о будущем, в подготовке к которому главную роль играют семья и школа. Детство рассматривается как время возможностей, при этом оно не лишено существенных атри-

бутов младшего подросткового возраста – «друзей» и «двора» как сферы личных социальных контактов. Игра отходит на второй план, поскольку её развивающий потенциал существенно уступает полноценному образованию. Семейное образование утрачивает прежнюю ценность, теперь приоритет отдается школьному обучению. Учёбу родители рассматривают как фундамент будущего, который закладывается в школе и основан на эффективном обучении и большом собственном труде. От учителя по-прежнему ждут высокого профессионализма, соответствующего заявленному школой уровню образования, а его личностные качества имеют второстепенное значение. Сам выбор школы с высоким рейтинговым показателем расценивается как гарантия получения ребёнком качественного образования.

Родители девятиклассников рейтинговой школы, как и родители их сверстников в массовой школе, уже не воспринимают школу как часть детства, представление о котором возвращается к традиционному эмоционально тёплому образу «времени счастья и веселья». Несмотря на то, что качественное образование, безусловно, относится к ценностным приоритетам этой группы родителей, они, как и родители младших подростков, уже не считают его семейной прерогативой и ответственностью. Задача самоопределения и выбора дальнейшего образовательного маршрута повысила для них значимость школы, но при этом отношение к учителю осталось на прежнем функциональном уровне: ценятся его профессионализм, опыт, требовательность, авторитет. Эмоциональная связь с педагогом значения не имеет, а любовь к детям как атрибут педагогического призвания вообще отсутствует среди родительских ассоциаций. Сама же учёба по-прежнему прочно ассоциируется со знаниями, освоение которых сопряжено с высокой нагрузкой, усталостью и преодолением. Игра для родителей девятиклассников

рейтинговых школ уже не несёт никакой образовательной нагрузки, это удовольствие, эмоциональная и физическая разрядка, отдых, общение с друзьями. Их дети предпочитают настольные и ролевые игры, мало популярные в массовой школе, что косвенно свидетельствует о формировании собственного среднего круга интересов, несколько отличного от интересов старшеклассников массовой школы. Отношение к одноклассникам по-прежнему не только дружественное, но и конкурентное, что можно интерпретировать как влияние содержания образовательной среды ребёнка на его социальное и личностное развитие. Многолетнее участие этих детей в олимпиадах разного уровня, победы или поражения в которых существенно влияют на статус ученика в школьном рейтинге, создаёт ситуацию хронического соперничества, провоцирует проявление у него негативных чувств, направленных не только на одноклассников, но и на самого себя.

Полученные материалы свидетельствуют о том, что для родителей, выбирающих школу с высоким уровнем требований к качеству образовательной среды, традиционные ценности и нормы детства имеют меньшее значение. Содержание и структура образа детства, которым они руководствуются, опосредованы не только социальными стереотипами и возрастными потребностями детей, но и чётко выраженной установкой на высокие достижения и подготовку ребёнка к будущей жизни в мире жёсткой конкуренции. Такие целевые установки нередко сопряжены с аффективными переживаниями относительно успешности ребёнка, о чём косвенно свидетельствует заметно более скудный, чем у родителей массовой школы, ассоциативный ряд к понятиям, связанным с учебной деятельностью [19].

Важным компонентом родительского образа детства являются представления о будущем своих детей. Проведённое исследование показало, что родители пер-

воклассников делают акцент на том, *какими* они хотят видеть ребёнка в будущем. Наиболее важными оказываются как качества личности, ценные в любом возрасте (целеустремленность, ответственность), так и те, которые традиционно ценятся педагогами в младших классах (воспитанность, усидчивость, старательность). Эти родители ориентируются прежде всего на ближайшее будущее — начало школьного обучения и включение ребёнка в социально значимую и общественно оцениваемую деятельность.

В отличие от этого для родителей подростков и старшеклассников представление о будущем детей связано с тем, кем они станут, какие задачи жизненного самоопределения им предстоит решать. Очевидно, что родительские представления о будущем детей опираются на актуальную социальную ситуацию развития ребёнка, его текущие возрастные потребности и задачи развития [20].

Выводы

Полученные в ходе исследования результаты показали, что институциональный образ детства советской эпохи имел выраженную общественную направленность, транслировался средствами массовой информации (плакаты, кино, публицистика) и мог служить ориентиром для воспитательных стратегий семьи. Современные родители опираются на обыденный образ детства, базирующийся на культурных традициях советской эпохи и субъективных представлениях о ценностях и приоритетах нынешнего и будущего общества. С большей или меньшей степенью выраженности этот образ детства ориентирован на воспитание конкурентоспособного человека, достижение им личного жизненного и профессионального успеха. Выбор образовательной среды ребёнка значимо отражает содержание родительских представлений о задачах детского периода жизни современного человека.

ЛИТЕРАТУРА

1. Берулава Г.А. Образ мира как мифологический символ: Учебное пособие / РАО, Научно-образовательный центр. М.: Пед. об-во России, 2001.
2. Леонтьев А.Н. Образ мира // Мир психологии, 2003. № 4. С. 11–18.
3. Горячев В.В. Психология образа А.Н. Леонтьева // Педагогика и психология: прошлое, настоящее, будущее: материалы международной заочной научно-практической конференции. Ч. II. (25 июня 2012 г.). Новосибирск: Сибирская ассоциация консультантов, 2012. С. 46–50.
4. Материнство и детство в русском плакате / Сост.: Снопков А.Е., Снопков П.А., Шклярчук А.Ф. М.: Контакт-Культура, 2006.
5. Аронсон Э., Пратканис Э.Р. Эпоха пропаганды: механизмы убеждения, повседневное использование и злоупотребление. СПб., 2003.
6. Шестаков М.Е. Пропагандистский плакат как средство реализации политической идеологии // Консервативные традиции и либеральные ценности в постсоциалистической России: Сб. науч. статей. Саратов: Поволжский институт управления им. П.А. Столыпина. 2016. С. 76–78.
7. Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М.: Начала, 1997.
8. Норт Д. Понимание процесса экономических изменений. М.: Изд. дом ГУ–ВШЭ, 2010.
9. Важенина О.А. Кинематограф как социальный институт и канал трансляции образа национальной идеи // Международный научно-исследовательский журнал. 2012. Октябрь. URL: <http://research-journal.org> (дата обращения: 30.01.2020).
10. Карпова Н.Л., Данина М.М., Кисельникова Н.В., Шувиков А.И. Психологический, педагогический и психотерапевтический аспекты воздействия кино на зрителя // Вопросы психологии. 2011. № 4.

11. Андреева А.Д. Становление институционального образа детства в новейшей истории российского общества // Научный диалог. 2017. № 8. С. 342–355.
12. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. М.: Akademia, 2004.
13. Андреева А.Д. Особенности семейной среды ребёнка в постиндустриальном обществе // Научный диалог. 2018. № 7. С. 292–307.
14. Бовина И.Б. Стратегии исследования социальных представлений // Социологический журнал. 2011. № 3. С. 5–23.
15. Емельянова Т.П. Социальные представления – инструменты анализа социальных явлений в переходном обществе // Константа в неопределённом и меняющемся мире: Сб. статей / Ред. Ю.П. Зинченко, Т.Д. Марцинковская. М.: МГУ им. М.В. Ломоносова. 2010. С. 217–228.
16. Abric J-C. A Structural Approach to Social Representations // Representations of the Social: Bridging Theoretical Traditions / Eds. by K.Deaux, G. Philogène. Oxford: Blackwell Publishers. 2001. P. 42–47.
17. Vergès P. L'Evocation de l'argent: une méthode pour la définition du noyau central d'une représentation // Bulletin de psychologie. 1992. T. XLV. No 405. P. 203–209.
18. Данилова Е.Е. Представления современных родителей о собственном детстве и детстве своего ребёнка: опыт сравнительного исследования [Электронный ресурс] // Вестник Мининского университета. № 2. Т. 7. 2019. URL: <https://vestnik.mininuniver.ru/jour> (дата обращения: 01.02.2020).
19. Андреева А.Д. Психологический образ детства у родителей современных школьников [Электронный ресурс] // Вестник Мининского университета. № 4. Т. 7. 2019. URL: <https://vestnik.mininuniver.ru/jour> (дата обращения: 04.02.2020).
20. Данилова Е.Е. Особенности представлений о будущем своих детей у родителей старших дошкольников и старшеклассников // Гуманитарный научный вестник. 2019. № 5. С. 9–15.

ENGLISH

Psychological Image of the Childhood in Russian Parents: Tradition and the Present

Alla Damirovna Andreeva – Candidate of Science (Psychology), the senior researcher at Psychological Institute, Russian Academy of Education, Head of the Children's Practical Psychology Scientific Lab, supervisor of the project "Psychological Image of the Childhood in Modern Parents As a Factor in Choosing the Educational Environment for a Child" (17-06-00036a).

E-mail: alladamirovna@yandex.ru

Elena Yevgenyevna Danilova – Candidate of Science (Psychology), the senior researcher at Psychological Institute Russian Academy of Education, the leading researcher at the Children's Practical Psychology Scientific Lab, researcher in mentioned project.

E-mail: danillen@yandex.ru

The paper presents the findings of an empirical and theoretical study of the psychological image of the childhood, adopted by parents in upbringing and educating children. Comparative and historical study of the content of the standard image of the childhood developed in the USSR and Russia demonstrates the dynamics of expansion and transformation of the institutional standard model of childhood.

The main method of retrospective study was the analysis of Soviet posters, being the major mean of public enlightenment and psychological influence allowing to overcome the limits of the information space, the lack of literacy and the low level of social culture of the majority of the population. The reflection of motherhood and childhood in posters allowed to rec-

reate the history of establishment of the institutional image of the childhood, which is determined by social, economic and ideological objectives of the USSR. Deep political, social and economic changes in present-day Russia have liberated the standard image of the childhood from ideology and suggested other approaches to upbringing and educating children.

In the course of the project, the authors have developed descriptive models of a psychological image of the childhood, adopted by parents in choosing an educational environment for children. It confirmed the hypothesis that the assumption that the choice of an educational environment for a child is a social indicator of parents' ideas on the value of the childhood, on the modern child, on the role of the parents, on the purposes and significance of education, on the future desired for the child, on the social and cultural resources of the family that form the content of the subjective psychological image of the childhood. The authors came to the conclusion that the institutional image of the childhood dominating in the USSR, imposed externally and directed at the society, was replaced by an ordinary image of the childhood aimed at fostering a competitive person and achieving personal success.

Keywords: psychological image of the childhood, institutional image of the childhood, ordinary image of the childhood, social image of the childhood, dynamics of the image of the childhood, parenthood, educational environment

REFERENCES

1. Berulava G.A. *Obraz mira kak mifologicheskii simvol: Uchebnoe posobie* / RAO, Nauchno-obrazovatel'nyy tsentr. M.: Ped. ob-vo Rossii, 2001 (in Russian).
2. Leont'ev A.N. *Obraz mira* // *Mir psikhologii*, 2003. № 4. S. 11–18 (in Russian).
3. Goryachev V.V. *Psikhologiya obraza A.N. Leont'eva* // *Pedagogika i psikhologiya: proshloe, nastoyashchee, budushchee: materialy mezhdunarodnoy zaochnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. Ch. II. (25 iyunya 2012 g.)*. Novosibirsk: Sibirskaya assotsiatsii konsul'tantov, 2012. S. 46–50 (in Russian).
4. *Materinstvo i detstvo v russkom plakate* / Sost.: Snopkov A.E., Snopkov P.A., Shklyaruk A.F. M.: Kontakt-Kul'tura, 2006 (in Russian).
5. Aronson E., Pratkanis E.R. *Epokha propagandy: mekhanizmy ubezhdeniya, povsednevnoe ispol'zovanie i zloupotreblenie*. SPb., 2003 (in Russian).
6. Shestakov M.E. *Propagandistskiy plakat kak sredstvo realizatsii politicheskoy ideologii* // *Konservativnye traditsii i liberal'nye tsennosti v postsotsialisticheskoy Rossii: Sb. nauch. statey*. Saratov: Povolzhskiy institut upravleniya im. P.A. Stolypina. 2016. S. 76–78 (in Russian).
7. Nort D. *Instituty, institutsional'nye izmeneniya i funktsionirovanie ekonomiki*. M.: Nachala, 1997 (in Russian).
8. Nort D. *Ponimanie protsessa ekonomicheskikh izmeneniy*. M.: Izd. dom GU–VSHE, 2010 (in Russian).
9. Vazhenina O.A. *Kinematograf kak sotsial'nyy institut i kanal translyatsii obraza natsional'noy idei* // *Mezhdunarodnyy nauchno-issledovatel'skiy zhurnal*. 2012. Oktyabr'. URL: <http://research-journal.org> (data obrashcheniya: 30.01.2020) (in Russian).
10. Karpova N.L., Danina M.M., Kisel'nikova N.V., Shuvikov A.I. *Psikhologicheskii, pedagogicheskii i psikhoterapevticheskii aspekty vozdeystviya kino na zritelya* // *Voprosy psikhologii*. 2011. № 4 (in Russian).
11. Andreeva A.D. *Stanovlenie institutsional'nogo obraza detstva v noveyshey istorii rossiyskogo obshchestva* // *Nauchnyy dialog*. 2017. № 8. S. 342–355 (in Russian).

12. Bell D. Gryadushchee postindustrial'noe obshchestvo. Opyt sotsial'nogo prognozirovaniya. M.: Akademia, 2004 (in Russian).
13. Andreeva A.D. Osobennosti semeynoy sredy rebyonka v postindustrial'nom obshchestve // Nauchnyy dialog. 2018. № 7. S. 292–307 (in Russian).
14. Bovina I.B. Strategii issledovaniya sotsial'nykh predstavleniy // Sotsiologicheskiy zhurnal. 2011. № 3. S. 5–23 (in Russian).
15. Emel'yanova T.P. Sotsial'nye predstavleniya – instrumenty analiza sotsial'nykh yavleniy v perekhodnom obshchestve // Konstanta v neopredelyennom i menyayushchemsya mire: Sb. statey / Red. Yu.P. Zinchenko, T.D. Martsinkovskaya. M.: MGU im. M.V. Lomonosova. 2010. S. 217–228 (in Russian).
16. Abric J-C. A Structural Approach to Social Representations // Representations of the Social: Bridging Theoretical Traditions / Eds. by K.Deaux, G. Philogène. Oxford: Blackwell Publishers. 2001. R. 42–47.
17. Vergès P. L'Evocation de l'argent: une méthode pour la définition du noyau central d'une représentation // Bulletin de psychologie. 1992. T. XLV. No 405. P. 203–209.
18. Danilova E.E. Predstavleniya sovremennykh roditeley o sobstvennom detstve i detstve svoego rebyonka: opyt sravnitel'nogo issledovaniya [Elektronnyy resurs] // Vestnik Mininskogo universiteta. № 2. T. 7. 2019. URL: <https://vestnik.mininuniver.ru/jour> (data obrashcheniya: 01.02.2020) (in Russian).
19. Andreeva A.D. Psikhologicheskiy obraz detstva u roditeley sovremennykh shkol'nikov [Elektronnyy resurs] // Vestnik Mininskogo universiteta. № 4. T. 7. 2019. URL: <https://vestnik.mininuniver.ru/jour> (data obrashcheniya: 04.02.2020) (in Russian).
20. Danilova E.E. Osobennosti predstavleniy o budushchem svoikh detey u roditeley starshikh doshkol'nikov i starsheklassnikov // Gumanitarnyy nauchnyy vestnik. 2019. № 5. S. 9–15 (in Russian).

ПОЛЕВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

УДК 902/904

ГРНТИ 03.41.00

DOI: 10.22204/2587-8956-2020-098-01-107-123

**А.В. ЧЕРНЕЦОВ,
И.Ю. СТРИКАЛОВ***

Старая Рязань: новые исследования и находки

Статья посвящена полевым исследованиям Старой Рязани в 2015–2019 гг. и обнаруженным в ходе работ находкам. Получена значительная информация об оборонительных сооружениях, усадебных и жилищных комплексах, а также о городских кладбищах. Обнаружена дополнительная информация о предыстории памятника (напластования, связанные с дославянским населением). Для изучения древнейшей истории памятника использовались палеопочвенные исследования.

Ключевые слова: древнерусский город, археология, Старая Рязань, полевые исследования 2015–2019 гг., выдающиеся находки

Старая Рязань — известный и весьма важный памятник средневековой русской археологии. Его исследования начались в первой четверти XIX в. В 1994 г. открылся новейший этап изучения городища, с самого начала получивший финансовую поддержку РФФИ-РГНФ¹ [1].

Последний обзор новых работ на памятнике был отражён в статье 2014 г., опубликованной в «Вестнике РГНФ» [1].

В 2018 г. в «Вестнике РФФИ. Гуманитарные и общественные науки» была напечатана статья о комплексе находок, связанном с ювелирным производством и кладом 2013 г. [2]. В данной публика-

* **Чернецов Алексей Владимирович** — доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института археологии РАН, руководитель проекта «Старая Рязань: крупный городской центр на международных торговых путях (комплексное исследование)» (18-09-40041).

E-mail: avchernets@yandex.ru

Стрикалов Игорь Юрьевич — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института археологии РАН, исполнитель того же проекта.

E-mail: igor.strikalov@gmail.com

¹ В течение этого периода значительная часть исследовательской и полевой работы экспедиции проводится в рамках проектов РГНФ и РФФИ, в том числе в последние годы — проектов РГНФ 2015–2017 гг. «Старорязанская археологическая экспедиция» и трёхлетнего (2019–2021 гг.) проекта РФФИ 18-09-40041 «Старая Рязань: крупный городской центр на международных торговых путях (комплексное исследование)».

ции характеризуются материалы из раскопок 2015–2019 гг., не получившие отражения в упомянутых статьях.

В ходе раскопок последних лет исследования были сосредоточены на разных участках памятника: на территории древнейшей части средневекового города – Северном городище, на городском посаде, протянувшемся вдоль берега реки Оки под площадкой городища по надпойменным террасам, а также на Южном городище, ставшем в период расцвета Старой Рязани, с середины XII столетия, средоточием политической, культурной и экономической жизни города.

Исследования Северного городища

На Северном городище в 2015–2018 гг. завершились исследования большого участка в юго-восточной части площадки древнейшей части города (раскоп 40), где экспедиция проводила охранные работы на кромке разрушаемого эрозией правого берега ручья Серебрянка, омывающего городище.

Раскоп 40 на Северном городище предоставил возможность изучить довольно обширный участок городской территории с фортификационными сооружениями, жилой застройкой и городским некрополем. Участок частично исследовали в 1926 г. В.А.Городцов и А.Л.Монгайт (раскоп 4, 1966–1967 гг.).

Наиболее яркой находкой на этом раскопе стал клад № 17, открытый в 2013 г. и включавший набор украшений, полуфабрикатов, сырья и инструментария рязанского ювелира, в том числе уникальный набор ювелирных матриц, характеристике которых была посвящена отдельная публикация [3].

На том же участке были исследованы остатки древо-земляных фортификационных сооружений XI–XII вв., которые представляют собой заполненные землёй многорядные городни, относящиеся к нескольким этапам строительства город-

ских стен. Исследовались нижние сохранившиеся слои укреплений.

Оборонительные стены Северного городища перестраивались и ремонтировались не менее четырёх раз. Они представляли собой систему 1–3-рядных линий деревянных срубов-городен, полностью или частично засыпанных грунтом и дополнительно укреплённых с внешней стороны земляной «приспой» с бермой-ступенькой.

Лучшей сохранностью отмечены остатки древо-земляных конструкций наиболее раннего оборонительного комплекса. Первая стена состояла из одного ряда городен – клеток размерами 3 × 2 м, стоящих на расстоянии 1 м друг от друга. Пространство между клетями было защищено выпусками брёвен продольных стен, которые формировали своеобразные малые клетки. Оборонительные сооружения были возведены около середины XI в. на участке, лишённом культурного слоя. В конце XI в. эти стены погибли в пожаре.

Последующие перестройки стен заключались в частичной расчистке разрушенных старых стен, возведении новых сооружений на подготовленном участке и расширении линии укреплений в сторону площадки городища путём пристройки дополнительных рядов деревянных срубов, забутованных грунтом, примыкавших с внутренней стороны к основным стенам.

Остатки основных сооружений следующего этапа не сохранились, но дополнявшие их ряды срубов удалось исследовать достаточно полно. Эти клетки имели более крупные размеры (шириной до 3,5 м) и отстояли друг от друга на 1 м. Прослежены особенности крепления основного и дополнительных рядов срубов второго горизонта друг с другом при помощи опорных столбов. Время функционирования стен второго яруса охватывает период с конца XI до середины XII в. Вероятно, стены были уничтожены пожаром.

От третьего яруса середины XII в. сохранились истлевшие брёвна нижних

венцов клетей, размеры и расположение которых соответствуют расположению срубов клетей второго горизонта. При этом в третьем горизонте зафиксированы остатки ещё одного, третьего, ряда клетей, расположенного с внутренней стороны оборонительной линии. Этот ярус разобрали в конце XII в. после естественного обветшания деревянных конструкций.

Последний, четвёртый, ярус стен, возведённый в конце XII в., сохранился лишь частично, в заполнении котлованов, сооружённых при подготовке участка под новое строительство. При его исследовании было выявлено отсутствие следов пожара. Отметим, что при изучении стен Южного городища следы огня, уничтожившего позднейший ярус городских стен в ходе трагических событий 1237 г., прослежены повсеместно [4]. Следовательно, стены Северного городища последнего этапа «не дожили» до Батыева нашествия. Вероятно, они были разобраны ранее, возможно, в ходе разрушения города Всеволодом Большое Гнездо в 1209 г., в результате очередной рязано-суздальской усобицы. К моменту монгольского нашествия Рязань имела только внешний контур укреплений.

С внешней стороны прослеженных рядов деревянных клетей, забутованных грунтом, располагалась земляная насыпь — «приспа», представлявшая собой грунтовую отсыпку с уклоном поверхности около 30°, прикрывавшая нижнюю часть деревянных стен городен с целью защиты от поджога, ликвидации «слепой зоны» под стенами крепости и недопущения до стен осадной техники. Эта приспа стала объектом изучения в 2017 г.

В слое приспы фиксируются отдельные этапы досыпки, которые соотносятся с ремонтами и перестройками стен. Под её слоями изучены истлевшие остатки деревянной конструкции подпорной стенки нижнего горизонта XI в., которая ограничивала размеры насыпи и защищала её от сползания. Брёвна этой стенки были

вынесены на 6 м к югу (к внешнему фасаду укреплений). Стенка состояла из 3–4 венцов высотой до 60–80 см. Жёсткость конструкции обеспечивалась перевязкой поперечных брёвен, уложенных на расстоянии 3,5–4 м друг от друга между линией городен и подпорной стенкой. По мере роста ширины оборонительных сооружений она увеличивалась от первоначальных 8 м до примерно 25 м к началу XIII в.

Многочисленные перестройки решали преимущественно задачу защиты оборонительного комплекса не столько от наступающего врага, сколько от разрушительных природных факторов — огня, гниения, давления масс грунта. Восемиметровая ширина фортификационных сооружений мало отличается по своим качествам от 25-метровой стены. Нарастание мощности укреплений практически ничего не добавляло к их оборонительной функции, но было необходимо для придания устойчивости всей конструкции. Приспа, земляной откос, подобно талусу европейской средневековой фортификации, защищала стену от проникновения осаждающих вплотную к её основанию. Внутренняя сторона представляла собой ступенчатую древо-земляную конструкцию, создававшую противовес давлению приспы. Она давала возможность использования дополнительных сооружений для передвижения защитников стен.

Особенности рассматриваемых укреплений дают пример высокоразвитой инженерной мысли воздвигших их древнерусских «городников». Одновременное решение задач защиты стен от деструктивного воздействия природы, попыток их уничтожения осаждающими (с использованием стенобитной техники и огня) и эффективной обороны является этому ярким доказательством.

С севера к оборонительным сооружениям примыкали усадьбы горожан XI–XIII вв. Были открыты следы усадебных оград-чстоколов и углублённые в материк хозяй-

Ил. 1. Глинобитные печи XI–XII вв. на Северном городище.
Вверху — печь XII в. на раскопе 40; внизу — комплекс печей XI–XII вв. на раскопе 48

ственные ямы первого этапа застройки участка, датируемые временем не позднее второй половины XI в. с характерной грубой раннегончарной керамикой. Частокотлы, разделявшие городские усадьбы, про-

тянулись от линии оборонительных сооружений на север, вглубь жилой площадки, деля её на секции шириной около 6–8 м. Границы усадеб следующего этапа — конца XI – первой половины XII в. — сохранились

фрагментарно, но расположение жилых построек, судя по остаткам отопительных сооружений (ил. 1), на всём протяжении этого времени оставалось близким. Они концентрируются на удалении около 10 м от городских стен.

Среди раскопанных в 2016 г. построек были исследованы остатки наземного жилища с развалом глинобитной печи очень хорошей сохранности. Она представляла собой прямоугольное сооружение с вертикальными стенками размерами около 2 × 1 м и была сложена из глины на деревянном дощатом каркасе. Ещё в одном случае удалось проследить конструкцию деревянного опечка, сооружённого из досок, которые были забраны в угловые столбы, и заполненного сырой глиной. Эта конструкция размерами 1 × 1,5 м представляла собой основание глинобитной печи.

К тому же периоду относится ряд неординарных находок: два височных кольца конца XI в. — типа «сельцо» и раннее семилучевое, остатки поясной гарнитуры (ил. 2.1), некоторые типы бус, в том числе шарообразные сердоликовые. Вероятно, к этому же периоду относится уникальная находка наконечника железной сулицы.

На участках раскопа, исследованных в 2015–2017 гг., не встречено построек конца XII–XIII вв., хотя находки и керамика этого периода довольно многочисленны. Это объясняется тем, что в указанное время здесь располагалось городское кладбище, около одного из погребений которого находился клад, обнаруженный в 2013 г.

Кладбище у городской стены появилось во второй половине XII в. Некоторые погребения этого некрополя были исследованы ещё В.А.Городцовым в 1926 г. и А.Л.Монгайтом в 1966–1967 гг. [5]. Работы последних лет позволили уточнить границы некрополя, в первую очередь, южную и восточную. Размеры некрополя составляли 25 × 20 м. Всего было исследовано около ста его погребений.

Они совершены по христианскому обряду головой на запад и расположены рядами, ориентированными с севера на юг. Всего зафиксировано 9 рядов могил (за исключением отдельных погребений за пределами основной территории кладбища на юге и северо-востоке). Основная часть погребений — безынвентарные, лишь в некоторых встречены остатки золототканых воротников с пуговицами из цветного металла, а в одном также золототканый головной венчик. Интересны остатки ткани, которые включали тесьму на лубяной подкладке от ворота рубахи и золототканую тесьму передней планки с пуговицами. Четыре из пяти погребений с золототканым оформлением погребального костюма компактно располагались в третьем ряду кладбища. Вероятно, это отражает характер использования пространства кладбища семейными группами. Отметим довольно высокую плотность могил на участке 2016 г., особенно в рядах 3 и 4. По-видимому, он составлял центральную часть некрополя.

В целом к настоящему моменту исследовано не менее половины городского некрополя. В изученной части следов церкви или часовни не обнаружено. Подобные следы, открытые на другом городском некрополе Старой Рязани (на раскопе 28 в юго-западной части Северного городища), представляют собой свободное от погребений пространство примерно в центре кладбища размерами около 4 × 5 м.

Северная и западная границы некрополя реконструируются по данным раскопок 1926 г. и 1966–1967 гг. Вдоль северной границы кладбища на ранее исследованных участках раскопа 40 были открыты следы древней улицы, в виде параллельных дорожных колеи. Усадебные ограды раннего периода застройки расположены перпендикулярно её направлению, а зона жилых построек располагалась в 10–14 м к югу от полотна дороги, в центральной части усадебных участков.

Первоначально южная окраина кладбища использовалась исключительно для

Ил. 2. Бронзовые ременные накладки восточного производства.
1 — Раскоп 40. 2016 г. 2 — Раскоп 48. 2019 г.

погребений младенцев. Позднее здесь появляются могилы основной части некрополя, упорядоченные в рядах.

Основная площадь некрополя находится на участке, который перед обустройством кладбища был специально засыпан мощным слоем материкового суглинка. Кладбище, исследованное на раскопе 28, также было расположено на участке, предварительно перекрытым слоем суглинка с гумусом. Вероятно, подготовка площадки под кладбище на участке, где ранее располагались жилые постройки, было сознательным актом, который, возможно, отражал представления рязанцев об очищении места перед обустройством кладбища.

Прослеживаются несколько ярусов погребённых, что выражено в расположении некоторых костяков один над другим. На участке, затронувшем южную периферию кладбища, отмечены три яруса погребений: нижний ярус представлен частично разрушенными погребениями младенцев.

Хотя ни один ряд могил кладбища не был исследован полностью, можно предположить, что каждый из них включал не менее 20–30 погребений. Можно предполагать наличие около 200 могил на этом кладбище. Продолжительность использования некрополя — около 80 лет — позволяет ориентировочно оценить численность общины, хоронившей своих умерших на этом месте. Численность домохозяйств составляет 20–25 дворов (из расчёта 2–3 взрослых умерших от общего числа за четыре поколения). Это согласуется с демографическими расчётами общей численности населения Северного городища, на котором в настоящее время известно четыре городских некрополя XII–XIII вв.

Ил. 3. Предметы благочестия из раскопок на Северном городище. 1 — Фрагмент каменной иконки из раскопок 2016 г. Раскоп 40; 2 — Бронзовая матрица из раскопок 2018 г. Раскоп 40; 3 — Створка креста-энколпиона. Раскоп 4. 2019 г.

Среди уникальных находок на раскопе, обнаруженных в 2017 г., отметим фрагмент каменной резной иконки византийского происхождения XII–XIII вв. с легко узнаваемым библейским сюжетом «Сошествие во ад» (ил. 3.1). Находка подробно рассмотрена в специальной статье [6]. Ещё одной неординарной находкой на этом участке городища стала крупная ювелирная матрица с изображением святого (ил. 3.2) [7]. Матрица

Ил. 4. Участок раскопа 47 на Южном городище Старой Рязани между отрогами Спасского оврага. Справа — фундаменты Спасского собора

имеет круглую линзовидную форму диаметром 43 мм. Она найдена в стороне от зоны скопления ювелирных матриц из клада 2013 г., среди которых подобных изделий не встречено: все матрицы клада № 17 предназначены для штамповки деталей сложносоставных ювелирных изделий, тогда как этот образец мог быть использован для оттиска медальона, входившего в состав парадного ожерелья, или служить украшением драгоценных сосудов.

Сходные крупные круглые матрицы встречаются крайне редко, но они известны среди случайных находок на частной усадьбе, находящейся на Северном городище [8].

Новый раскоп 48 был заложен в северной части Северного городища на участке, смежном с раскопами предшествующих лет: здесь на расстоянии 8 м друг от дру-

га расположены два раскопа А.Л. Монгайта — № 9, 1967 г. и № 12, 1970–1971 гг. [9]. Участок между ними и стал объектом новых работ. Соединение этих раскопов даёт возможность в итоге получить ещё один обширный исследованный раскопками участок Старорязанского городища. В полевом сезоне 2019 г. работы носили рекогносцировочный характер, ставилась задача понять характер, мощность и стратиграфию культурных напластований этой части древнего города.

На небольшом исследованном участке были открыты следы нескольких глинобитных печей XI–XII вв., последовательно сменявших друг друга. Это свидетельствует, что раскопки затронули центральную часть городской усадьбы, существовавшей на одном месте в течение длительного времени, что согласуется с данными, полученными при исследовании

как на раскопе 40, так и в других частях Северного городища, где также отмечена концентрация следов жилых построек разного времени на одних и тех же участках (см. ил. 1.2).

Культурные слои раскопа 48 оказались насыщены находками разнообразных инструментов, бытовых предметов, украшений преимущественно XI–XII вв., среди которых особенно выделяется комплекс металлических накладных бляшек поясного набора, происхождение которого можно связать с древностями культуры кочевников восточноевропейских степей (см. ил. 2.2). Подобные престижные пояса, воспроизводящие восточные образцы, могли принадлежать представителям высшей воинской аристократии. Другой уникальной находкой на участке работ является створка бронзового креста-энколпиона с изображением образа молящейся Богоматери без Младенца в центре (см. ил. 3.3). Этот тип изображения Богородицы получил название Агисоритиссы, или Заступницы, и был широко распространён в византийском ис-

кусстве в XII–XV вв., но известен также и в русской иконописи.

Исследования Южного городища

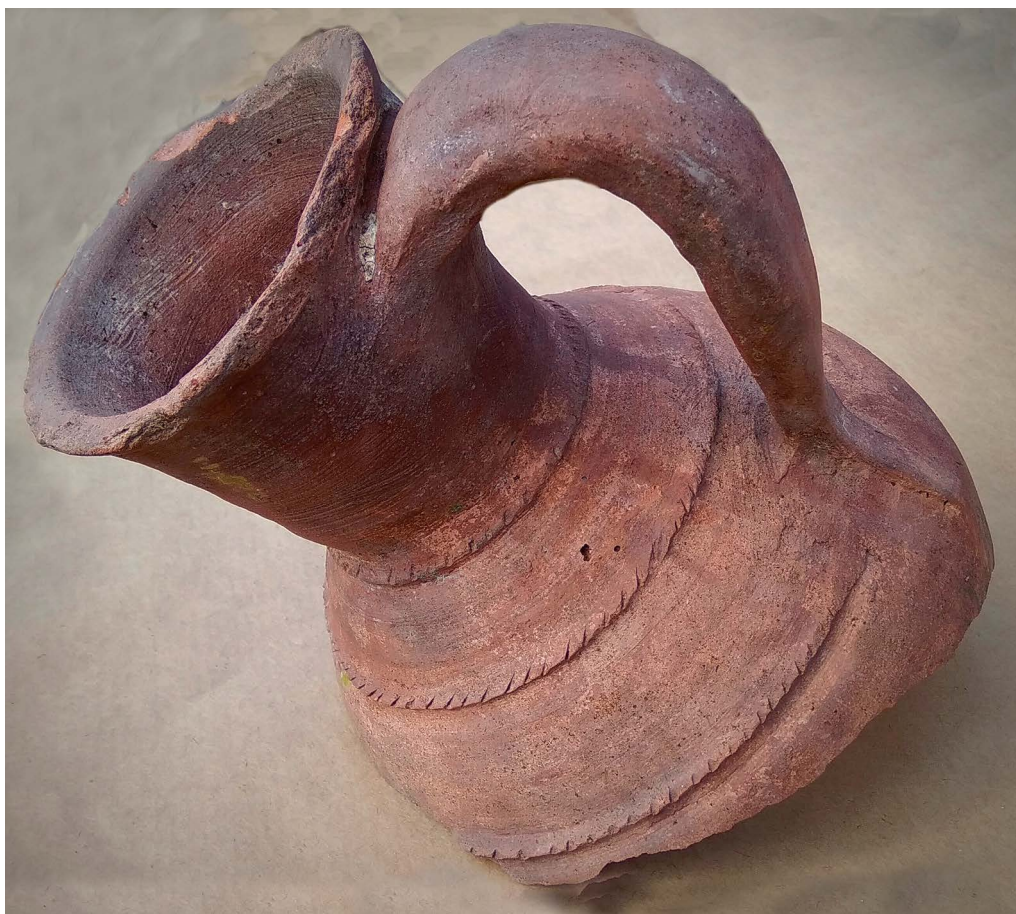
На Южном городище в 2017 г. были начаты исследования на новом раскопе 47, который расположен на мысу, образованном ответвлениями растущего оврага, в 60 м к западу от руин Спасского собора (ил. 4). Эти работы рассчитаны на несколько лет. В 2017–2019 гг. участок исследований площадью около 300 кв. м располагался на вершине мыса. Были исследованы остатки нескольких построек конца XII–XIII в., по-видимому, связанных с большой усадьбой, владельцем которой был ремесленник, занятый в ювелирном производстве.

На это указывают находки нескольких ювелирных матриц и двух створок каменных литейных форм для производства колтов. Они были найдены в комплексе ямы, вероятно, связанной с мастерской.

В том же комплексе усадьбы (в соседней яме углублённой части жилой построй-

Ил. 5. Костяные шахматные фигурки из раскопок 2017 г. на Южном городище. Раскоп 47

Ил. 6. Глиняный кувшин XIV в. Раскоп 47. 2019 г.

ки, расположенной в 4 м к югу от мастерской) был найден набор костяных шахматных фигурок, стилистически относящийся к европейской традиции (ил. 5), большое число астрагалов мелкого рогатого скота, использовавшихся в качестве игральных костей, и несколько глиняных шашек, возможно, для настольных игр. Среди шахматных фигур легко опознаются «ладья», а также антропоморфные фигуры.

Комплект фигур европейского набора найден в Старой Рязани впервые. Ранее среди находок были отмечены лишь одна фигурка короля европейского типа, а также несколько костяных абстрактных фигурок геометрических форм восточных типов. Мы имеем дело с уникальным примером организации досуга городского населения Старой Рязани: владелец усадьбы имел в своём распоряжении наборы нескольких игр, распространённых

на Руси в эпоху Средневековья. В 2019 г. на той же усадьбе были найдены другие свидетельства разнообразного досуга её жителей — фрагмент ещё одной шахматной фигурки из уже упомянутого набора, фрагмент игрального кубика и необычный глиняный предмет с точечными рисунками на плоскостях, возможно, также связанный с игрой.

К востоку от усадьбы бронзолитейщика, на противоположном склоне мыса, были исследованы углублённые в материк хозяйственные постройки. Все они ориентированы одинаково — с небольшим отклонением от линии север-юг к северо-западу — юго-востоку. Возможно, их положение отражает направление уличной сети в этой части городища. Вероятно, эта сеть была ориентирована по направлению лучей улиц, расходящихся от ворот Северного городища в направлении ворот Южного. Один из таких лу-

чей — вдоль Спасского собора в направлении Борисоглебского и далее к южным воротам — имел основное направление, которое совпадает с расположением построек исследованной усадьбы.

На такую ориентировку усадебной застройки указывает и комплекс построек второй усадьбы, открытой в 10 м к югу от усадьбы бронзолитейщика: следы жилищ с печами нескольких этапов строительства также тяготеют к западной части мыса.

Жилые горизонты этого участка Южного городища датируются периодом не ра-

нее второй половины XII в. В 1237 г. она погибла в мощном пожаре, следы которого зафиксированы в постройках усадьбы бронзолитейщика. Однако жизнь на этом участке, судя по находкам, продолжалась, по крайней мере, до середины XIV в.

Находка 2017 г. — фрагмент бронзовой позолоченной серьги — находит аналогии в материалах Поволжья золотоордынского времени. Ордынская монета начала XIV в., фрагменты характерной поливной золотоордынской посуды, верхняя часть кувшина южнорусского происхождения того же времени (ил. 6) были найдены

Ил. 7. Бронзовая булава. Случайная находка на Южном городище Старой Рязани. 2017 г.

Ил. 8. Глиняные горшки из погребения XI в. на раскопе 47 in situ

в верхнем заполнении наиболее поздних хозяйственных построек участка в 2019 г.

Отметим также находки нескольких развалов глиняных горшков и мисок XIV в. местного производства хорошей сохранности из верхних горизонтов заполнения ям – факт, несомненно свидетельствующий о попадании их в слой на последнем этапе жизни на участке.

Ещё одна случайная находка 2017 г., происходящая из окрестностей руин Спасского собора, – навершие бронзовой булавы [10] (ил. 7). Подобное престижное оружие принадлежало знатному военачальнику и оказалось утерянным, очевидно, при трагическом штурме города в декабре 1237 г. Эта находка пополнила список выдающихся произведений художественного оружейного ремесла Старой Рязани [11].

На исследуемом участке Южного городища, судя по более ранним раскопкам, в XI – начале XII в. располагался ранний городской некрополь, предше-

ствовавший появлению жилой застройки. На раскопе 47 под горизонтом жилых усадеб также был открыт горизонт этого некрополя. На раскопе исследованы 27 погребений, в том числе несколько с инвентарём: с поясной пряжкой и витым бронзовым браслетом на запястье левой руки погребённого, с наборами стеклянных бус, датировка которых не выходит за рамки XI в., бытовыми предметами (ножами, шиферными пряслицами), височными кольцами, целыми сосудами (ил. 8).

Новые находки существенно расширили наши представления о ранней истории Старой Рязани. Следы погребального обряда свидетельствуют о разнообразии традиций: встречены следы кольцевых оград, погребений с инвентарём и безынварных, парные погребения. Работы 2019 г. позволили выделить несколько этапов в истории этого некрополя, о чём свидетельствуют как находки, так и стратиграфические наблюдения над размеще-

нием могил, среди которых чётко выделяются более ранние, перекрытые выбросами грунта или частично разрушенные при последующих захоронениях.

В ложе оврага, ограничивающего мыс с раскопом 47 с севера, запада и востока, проводились, кроме того, историко-географические исследования. Работы имели целью определение времени появления и этапов роста этого оврага. Исследования выявили несколько этапов активности роста оврага, а в нижней части — горизонт переотложенного культурного слоя.

В горизонте переотложенных культурных напластований в овраге были найдены три серебряные монеты первой половины XVIII в. (рубли Петра I и Анны Иоанновны), которые позволяют датировать начало формирования оврага временем, близким к этой дате (ил. 9). Монеты оказались в нижнем горизонте отложений и сохранили компактное расположение судя по всему потому, что были сброшены в овраг в тот период, когда его ложе

только формировалось и не было перекрыто мощными трёхметровыми слоями делювия, состоящего преимущественно из суглинка и песка. В XVII–XVIII вв. начался активный рост села Старой Рязани, в том числе и его хозяйственной территории. В эти годы активизировалась распашка площадки городища, что спровоцировало рост оврагов на его поверхности. Неординарность находок объясняется тем, что на территории городища располагалась одна из крупных региональных ежегодных ярмарок.

Исследования неукреплённого посада

Продолжением исследований этого оврага стали работы на городском посаде (раскоп 46). Здесь в первую очередь решалась задача определения динамики и особенностей роста неукреплённой части Старой Рязани.

Городской посад длительное время оставался слабо исследованным. Его изучение затруднялось тем, что он распо-

Ил. 9. Серебряные рубли XVIII в. из раскопок 2017 г. в ложе Спасского оврага Южного городища Старой Рязани

Ил. 10. Следы перекрёстной распашки в материке раскопа 46 на городском посаде

ложен на трёх надпойменных террасах, история освоения каждой из которых имела свои особенности, а рельеф очень сложен, разделён оврагами и ручьями, сформирован при участии поздних (XVIII–XX вв.) напластований и оползней. При этом именно в силу сложности формирования палеорельефа посада он весьма перспективен для изучения стратиграфии культурного слоя, этапы формирования которого сменялись периодами активных делювиальных отложений и оползней.

В последние годы исследования посада были сосредоточены на участке третьей, надпойменной террасы у подножия Северного городища. В 2011–2013 гг. на раскопе 45 в этой части посада был исследован участок с хорошо выраженной стратиграфией, в особенности XI в.: были открыты 7 горизонтов застройки в пределах этого столетия, при этом наиболее ранние из них – с остатками гончарной мастерской и железодельного производства – относились к его первой по-

ловине [12]. Активность делювиальных процессов в XI столетии отразила процесс начального воздействия человека на окружающий ландшафт: прокладка улиц и дорог способствовала росту смыва грунта во время паводков. Таким образом, прослойки делювия являются своеобразным маркером начальной истории Старой Рязани.

Исследованный в 2015–2017 гг. участок посада (раскоп 46) расположен в 50 м к югу от раскопа 45 и также содержит очень ранние слои: в нижних горизонтах культурного слоя раскопа встречены материалы первой половины XI в., в том числе лепная керамика, сердоликовые бусы, стеклянный бисер. С придонной частью наземной постройки нижнего горизонта связана уникальная находка – железное копьё.

Расположение нового раскопа на северной кромке оврага, разделяющего Северное и Южное городища Старой Рязани, отразилось на особенностях его застройки и формирования культурного

слоя. В отличие от участка раскопа 45, здесь практически отсутствуют напластования XII–XIII столетий, хотя находки этого времени, особенно фрагменты амфор, в том числе с граффити, довольно многочисленны. Активный смыв грунта с площадки городища здесь происходил позднее и был вызван ростом оврага, возникшего как продолжение рва Северного городища. Эти процессы были столь значительными, что заставили жителей посада перенести постройки от оврага. В отличие от сооружений XI в., расположенных на его краю, постройки начала XII в. находятся на расстоянии не менее 20 м от него. Позднее на склоне оврага скапливался мусор, затем на площадке возникло кладбище, и она была заселена вновь лишь в XX в.

Раскоп 46 дал новые материалы и для истории дославянского освоения территории Старой Рязани. Как известно, Северный мыс Старой Рязани был занят поселением эпохи финальной бронзы и раннего Средневековья. Новейшие исследования древностей этого памятника И.Р.Ахмедовым позволяют отнести финское поселение на Северном мысу к VIII–IX вв. Этим же временем датируется и могильник с урновыми захоронениями останков кремаций, следы которого открыты на Северном городище на кромке коренного берега Оки. На раскопе 46 под ранними городскими слоями открыты следы древней перекрёстной распашки (см. ил. 8), которая, судя

по немногочисленным сопутствующим находкам украшений, пастовых бусин и характерной лепной керамики, также может быть связана с этим периодом (ил. 10).

Дата погребённого пахотного горизонта подтверждается палеопочвенными исследованиями, проведёнными А.Ю. Воробьёвым, С.А. Тобратовым и А.В. Водорезовым, научными сотрудниками РГУ им. С.А. Есенина. Датирование образца проводилось в ЦКП «Лаборатория радиоуглеродного датирования и электронной микроскопии» Института географии РАН с использованием жидкосцинтилляционного метода (LSC) [13]. Усреднённый калиброванный возраст почвы, полученный при анализе образцов, – 1085 cal Bp., что соответствует абсолютной дате – началу X столетия.

Таким образом, в настоящее время мы располагаем сведениями о довольно интересном поселенческом комплексе финского (прамещерского) населения этих территорий VIII – начала X в., который включал селитебную (поселение на Северном мысу), сакральную (некрополь на Северном городище) и хозяйственную (пашня на надпойменной террасе) зоны. К сожалению, вопрос о контактах дославянского населения с русскими колонистами в XI столетии, вокруг которого уже много десятилетий ведутся научные споры, пока остаётся открытым. Именно на расположенных здесь участках могут быть обнаружены важные данные для решения этой задачи.

ЛИТЕРАТУРА

1. Чернецов А.В., Буланкина Е.В., Стрикалов И.Ю. Старая Рязань: находки последних лет // Вестник РГНФ. 2014. № 1. С. 178–188.
2. Чернецов А.В., Буланкина Е.В., Стрикалов И.Ю. Инструментарий древнерусского ювелира (новые находки из Старой Рязани) // Вестник РФФИ. Гуманитарные и общественные науки. 2018. № 1. С. 143–152.
3. Стрикалов И.Ю., Чернецов А.В. Клад № 17 из Старой Рязани // Российская археология. 2014. № 2. С. 153–163.
4. Стрикалов И.Ю. Оборонительный комплекс Южного городища Старой Рязани в свете новых исследований // Археология Подмосковья. Материалы научного семинара. Вып. 7. М.: Институт археологии РАН, 2011. С. 109–132.

5. Стрикалов И.Ю. Северное городище Старой Рязани. Стратиграфия и планировка // Великое княжество Рязанское: историко-археологические исследования и материалы. / Отв. ред. А.В. Чернецов. М.: Памятники исторической мысли, 2005. С. 36–89.
6. Артамкин А.Н., Буланкина Е.В., Стрикалов И.Ю., Чернецов А.В. Фрагмент византийской каменной иконки из Старой Рязани // Краткие сообщения Института археологии. М., 2017. Вып. 249. Ч. II. С. 116–122.
7. Чернецов А.В., Стрикалов И.Ю., 2018. Ювелирная матрица с изображением святого из раскопок Старой Рязани // Краткие сообщения Института археологии. М., 2018. Вып. 253. С. 328–334.
8. Беляев Л.А., Чернецов А.В. Новые находки произведений художественного ремесла // Великое княжество Рязанское: историко-археологические исследования и материалы / Отв. ред. А.В. Чернецов. М.: Памятники исторической мысли, 2005. С. 180–190.
9. Монгайт А.Л. Работа Рязанской археологической экспедиции в 1966–1970 гг. // Археология Рязанской земли: М., 1974. С. 5–18.
10. Артамкин А.Н., Стрикалов И.Ю. Булава из Старой Рязани // Краткие сообщения Института археологии. М., 2016. Вып. 245. Ч. II. С. 64–68.
11. Чернецов А.В. Фрагмент наконечника ножен меча из Старой Рязани // Там же. С. 57–63.
12. Стрикалов И.Ю. Гончарный горн XI века из Старой Рязани // Краткие сообщения Института археологии. М., 2014. Вып. 236. С. 263–271.
13. Чичагова О.А., Хохлова О.С., Зазовская Э.П., Горячкин С.В. Радиоуглеродный анализ и проблемы памяти почв // Память почв. Почва как память биосферно-геосферно-антропоферных взаимодействий. М., 2008. С. 182–204.

ENGLISH

Old Ryazan: New Studies and Discoveries

Alexey Vladimirovich Chernetsov – Doctor of Science (History), Chief Researcher at the Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, supervisor of the project “Old Ryazan: Thriving Urban Centre of International Trade Routes (a comprehensive study)” (18-09-40041).

E-mail: avchernets@yandex.ru

Igor Yuryevich Strikalov – Candidate of Science (History), senior researcher at the Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, researcher in mentioned project.

E-mail: Igor.strikalov@gmail.com

The paper is dedicated to field studies of the Old Ryazan conducted in 2015–2019 and the discoveries made. The authors have obtained considerable amount of information on defence structures, manors and housing complexes, as well as urban cemeteries. Additional information on the history of the monument (stratification related to the pre-Slavic population) was revealed. As for investigation into the ancient history of the monument, paleosol study was used as the method.

Keywords: Old Russian City, archaeology, Old Ryazan, field studies 2015–2019, outstanding discoveries

REFERENCES

1. Chernetsov A.V., Bulankina E.V., Strikalov I.Yu. Staraya Ryazan': nakhodki poslednikh let // Vestnik RGNF. 2014. № 1. S. 178–188 (in Russian).
2. Chernetsov A.V., Bulankina E.V., Strikalov I.Yu. Instrumentariy drevnerusskogo yuvelira (novye nakhodki iz Staroy Ryazani) // Vestnik RFFI. Gumanitarnye i obshchestvennye nauki. 2018. № 1. S. 143–152 (in Russian).
3. Strikalov I.Yu., Chernetsov A.V. Klad № 17 iz Staroy Ryazani // Rossiyskaya arkheologiya. 2014. № 2. S. 153–163 (in Russian).
4. Strikalov I.Yu. Oboronitel'nyy kompleks Yuzhnogo gorodishcha Staroy Ryazani v svete novykh issledovaniy // Arkheologiya Podmoskov'ya. Materialy nauchnogo seminara. Vyp. 7. M.: Institut arkheologii RAN, 2011. S. 109–132 (in Russian).
5. Strikalov I.Yu. Severnoe gorodishche Staroy Ryazani. Stratigrafiya i planirovka // Velikoe knyazhestvo Ryazanskoe: istoriko-arkheologicheskie issledovaniya i materialy. / Otv. red. A.V. Chernetsov. M.: Pamyatniki istoricheskoy mysli, 2005. S. 36–89.
6. Artamkin A.N., Bulankina E.V., Strikalov I.Yu., Chernetsov A.V. Fragment vizantiyskoy kamennoy ikonki iz Staroy Ryazani // Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii. M., 2017. Vyp. 249. Ch. II. S. 116–122 (in Russian).
7. Chernetsov A.V., Strikalov I.Yu., 2018. Yuvelirnaya matritsa s izobrazheniem svyatogo iz raskopok Staroy Ryazani // Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii. M., 2018. Vyp. 253. S. 328–334 (in Russian).
8. Belyaev L.A., Chernetsov A.V. Novye nakhodki proizvedeniy khudozhestvennogo remesla // Velikoe knyazhestvo Ryazanskoe: istoriko-arkheologicheskie issledovaniya i materialy / Otv. red. A.V. Chernetsov. M.: Pamyatniki istoricheskoy mysli, 2005. S. 180–190 (in Russian).
9. Mongayt A.L. Rabota Ryazanskoy arkheologicheskoy ekspeditsii v 1966–1970 gg. // Arkheologiya Ryazanskoy zemli: M., 1974. S. 5–18 (in Russian).
10. Artamkin A.N., Strikalov I.Yu. Bulava iz Staroy Ryazani // Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii. M., 2016. Vyp. 245. Ch. II. S. 64–68 (in Russian).
11. Chernetsov A.V. Fragment nakonechnika nozhen mecha iz Staroy Ryazani // Tam zhe. S. 57–63 (in Russian).
12. Strikalov I.Yu. Goncharnyy gorn XI veka iz Staroy Ryazani // Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii. M., 2014. Vyp. 236. S. 263–271 (in Russian).
13. Chichagova O.A., Khokhlova O.S., Zazovskaya E.P., Goryachkin S.V. Radiouglerodnyy analiz i problemy pamyati pochv // Pamyat' pochv. Pochva kak pamyat' biosferno-geosferno-antroposfernykh vzaimodeystviy. M., 2008. S. 182–204 (in Russian).

УДК 271:316.7:39(6)

ГРНТИ 03.61.91

DOI: 10.22204/2587-8956-2020-098-01-124-134

**Д.М. БОНДАРЕНКО,
А.В. ТУТОРСКИЙ***

Православные Уганды: социокультурные процессы в африканских христианских общинах

В статье изложена краткая история распространения православия и старообрядчества в Уганде. Дается характеристика православия (и старообрядчества) для их прихода как настоящей, «незападной» религии. Ситуация объясняется действием двух факторов: характерных для доколониальной Африки культурных особенностей и новых черт, привнесённых с проникновением западных культур. Основываясь на материалах исследования, авторы показывают, как важно изучение православного культурного наследия Африки для понимания дальнейшей траектории её развития.

Ключевые слова: Православная церковь Уганды, старообрядчество, Уганда, истинная религия, ритуализм, современная религиозность в Африке

Кратко об экспедиционной работе в Республике Уганда

Команда, работавшая по экспедиционному проекту, включала семь человек. Руководитель проекта Дмитрий Михайлович Бондаренко — заместитель директора по научной работе Института Африки РАН. В этом же институте работают активные участники проекта Алина Олеговна Лапушкна и Олег Игоревич Кавыкин. Иерей Николай Евгеньевич Бобков является представителем Русской Православной Старообрядческой

Церкви, которая приняла в своё лоно общины старообрядцев Уганды. Будучи знатоком старообрядческой жизни, он не только наблюдал, но и старался помочь верующим Уганды. Представители филолого-лингвистической ветви этнографической науки Владимир Леонидович Кляус и Лариса Анатольевна Андреева работают в Институте мировой литературы и Санкт-Петербургском государственном университете соответственно, Андрей Владимирович Туторский — на кафедре этнологии МГУ им. М.В. Ломоносова.

* **Бондаренко Дмитрий Михайлович** — член-корреспондент РАН, доктор исторических наук, профессор, заместитель директора по научной работе Института Африки РАН, директор Международного центра антропологии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», профессор Российского государственного гуманитарного университета, руководитель проекта «Канонические православные и старообрядцы в Уганде: социокультурные процессы в африканских христианских общинах» (17-01-00148а).

E-mail: dbondar@hotmail.com, dmitrimb@mail.ru

Туторский Андрей Владимирович — кандидат исторических наук, доцент кафедры этнологии исторического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, исполнитель того же проекта.

E-mail: tutorski@hist.msu.ru, tutorski@gmail.com

Основными задачами экспедиции были выяснение условий появления на угандийской земле общин православных старообрядцев и православных Александрийского патриархата, а также выявление закономерностей развития православной веры обеих направлений в современной Уганде. Помимо выполнения основных задач, нам удалось собрать уникальные сведения о распространении среди старообрядцев антиглобалистских настроений, об общинном строительстве у обеих ветвей православия Уганды, а также о женском обрезании и женской инициации, об отношении к этому явлению угандийских старообрядцев.

В течение трёх лет участники проекта многократно посещали богослужения и проповеди священников в Мперерве, Кисоджо, Накабаале, Нгомбе, Кьярджуге и Намунгооне (центральная церковь Александрийского патриархата в Кампале) (фото 1–4). Мы проинтервьюировали более 200 местных жителей (фото 5), присутствовали при совершении обрядов крещения и венчания, побывали на занятиях в воскресной школе (фото 6) и молениях в домах прихожан.

Уганда на карте Африки

Уганда находится в Восточной части Африки, граничит с Кенией, Танзанией, Руандой, Демократической республикой Конго и Южным Суданом. Это чрезвычайно быстро растущая страна. При приросте населения 33 промилле она занимает второе место по этому показателю после другой африканской страны — Малави. Ещё более стремительными темпами в стране идёт урбанизация. В столичном городе Кампала население увеличилось с 68 000 чел. в 1948 г. до 1 650 000 —

Фото 1. Причастие после Божественной литургии в старообрядческой церкви свв. Иоакима и Анны в столичном районе Мперерве (фото А.О. Лапушкиной)

в 2019 г., причём прирост за последний год составил 150 000 чел., или 10%.

Слово Уганда происходит от названия крупнейшего народа — баганда, который составляет более 16% населения страны. Исторически именно Уганда считается родиной системы косвенного управления. В 1890 г. сюда в качестве военного администратора был отправлен британский военный Фредерик Лугард. Он родился в Мадрасе (британской Индии) и с детства наблюдал сосуществование различных культурных и социальных явлений. Прибыв к месту работы и основав на холме импалы (африканской ан-

Фото 2. Прихожанки в недостроенной церкви св. Марии Египетской в деревне Накабаале (фото Д.М. Бондаренко)

тилопы) форт Кампала, он предложил местному императору союз: помощь британских винтовок и солдат в военных конфликтах в обмен на признание подданства и отчисление части налогов. Так родилась форма колониального владычества, которая позволила Великобритании управлять империей, над которой никогда не заходило солнце ещё более полувека.

Интересно отметить, что эта система в чём-то сохранилась до наших дней. Лугард заключил ещё несколько договоров с окрестными князьями, которые остались правителями в своих владениях, но одновременно стали подданными королевы Виктории. В 1962 г. Уганда получила независимость и стала Республикой Угандой во главе с всенародно избираемым президентом. Однако бантуязычные регионы страны по-прежнему являются королевствами и управляются наследными монархами. Например, территория на Западе страны — это королевство То-

оро и Рвензуруру, центр — королевство Ганда, Северо-Запад — Уньоро, а Восток — Бусого. Всего пять королевств, существующих параллельно с «официальным» делением на четыре области.

Столица Кампала создаёт впечатление суперевропейского города. В пригороде Энтеббе, где расположен международный аэропорт, подразделение ООН и резиденция президента Уганды, можно по утрам увидеть бегающих трусцой европейцев. В такси у вас не будут выпрашивать дополнительные деньги и жаловаться на большое число детей в семье. Всё по-европейски сдержанно. Но есть и местный колорит — это мототакси «бода-бода». Практически весь день Кампала стоит в многокилометровых пробках, но в промежутках между автомобилями проносятся быстрые мотоциклы с одним, а то и двумя пассажирами. Стоимость поездки на такси в несколько раз выше, а бода-бода дешёвый, демократичный и очень быстрый транспорт.

Но самое главное то, что Уганда — «сердце православной Африки», как называют страну сами местные жители.

Появление православия в Уганде

На основании полученных в ходе интервью сведений и «легенд» вырисовывается следующая картина. Как гласит предание, бережно передаваемое местными православными верующими, история православной веры в Уганде началась в 1919 г. Однако вначале несколько слов о религиозной ситуации в стране в целом.

Европейские религии стали проникать в Уганду в 1870-е гг. Первыми пришли англикане, но буквально через пару лет в стране появились французские католики. В ответ на активность христиан интенсифицировали свою деятельность исламские проповедники. Сейчас в Уганде примерно 40% католиков, около 30% — это приверженцы Церкви Уганды, которая является подразделением англиканской церкви, 13% — мусульмане, 11% — пятидесятники, а следом идёт православная церковь, охватывающая 1%, или чуть меньше полумиллиона человек. Как сказал один из угандийцев, «У церкви Уганды больше всего школ и церквей, у католиков — больше всего денег, мусульмане очень сильно поддерживают друг друга, но православие — это лучшая религия, потому что она наша».

Итак, в 1919 г. группа англиканских священников — Рубейн Мукаса, Оббадиа Басаджикитало и Артур Гатуна — стала задумываться о том, почему в Уганде христианские церкви борются друг с другом, а не действуют сообща. Они стали изучать историю христианской церкви, разыскали сведения о протестантизме, появлении англиканской церкви, деятельности Лютера и, наконец, обнаружили слово «православие». Никакой литературы об этой вере в Уганде не было, и священники стали писать письма во все концы света с просьбой рассказать им об этой вере.

Одним из немногих, кто откликнулся на их интерес, был Джордж Александр

Макгвайр. Свою деятельность он начал как священник Моравской церкви протестантского объединения, также называющегося «Моравские братья», или «Unitas fratrum» (лат. — «братское объединение»), и уходящего корнями к средневековому гуситскому движению. В 1894 г. Макгвайр иммигрировал в США, где стал активным борцом за культурную деколонизацию чернокожих. С этого времени он активно участвовал в деятельности Африканской методистской епископальной церкви, которая была основана в 1816 г. как независимая протестантская деноминация для афро-американцев. Также Макгвайр стал активным участником Всемирной ассоциации по улучшению положения негров и сблизился с её основателем Гарви Маркусом.

В сентябре 1921 г. он основал Африканскую православную церковь, которая ставила своей целью объединить приверженцев Епископальной церкви, стремившихся к церковной автономии. Макгвайр рассматривал Африканскую православную церковь как официальную деноминацию Ассоциации Маркуса. Именно на этой почве у них начались разногласия, и Макгвайр целиком погрузился в развитие своего детища, основав отделения церкви в Вест-Индии, США, Канаде и Южной Африке.

Получая письма из Уганды, он старался приобщить этих чернокожих «православных» к своей церкви. Выслал им литературу о православии и роли Африканской православной церкви в деле становления независимости африканской церкви. Примерно около 1930 г. по поручению Макгвайра епископ Дэниэл Уильям Александер, представитель Африканской православной церкви в Южной Африке, отправился в Уганду и рукоположил Рубейна Мукасу под именем отца Спартака. Он начинал службы по православному обычаю, однако очень скоро от греческого предпринимателя, который жил в Кампале, узнал о том, что Африканская православная церковь не является кано-

Фото 3. В церкви после окончания службы в храме св. Николая в Намонгооне (фото А.В. Титорского)

нической. Вновь отцы основатели стали писать письма к патриархам с просьбой принять их под своё покровительство.

Путь к каноническому православию

Путь писем в первой половине XX в. в колониальной Африке был небыстрым. А Александрийская патриархия с осторожностью отнеслась к письмам «непонятных» людей из далёкой Уганды. Шли годы. В это время отец Спартас и его единомышленники открывали новые приходы, крестили людей, желавших познать «настоящее христианство». К середине XX в. число православных верующих достигло 10 000 человек. Лишь в 1946 г. Александрийский патриарх Христофорос II принимает угандийских «православных» в полное каноническое общение с престолом.

Однако вместе с радостью приходит и первое разочарование. Александрийский патриархат заинтересован не только в окормлении новых верующих, но и в под-

держке православных греков, разбросанных по восточно-африканским владениям британской империи. В 1958 г. в Восточной Африке создаётся метрополия, однако не в Уганде, где число православных было максимальным, а в Дар-эс-Саламе, где находилось наибольшее количество греков. В переводе с арабского Дар-эс-Салам — это «город мира», а на греческом — «Иринопольс». Именно Иринопольская метрополия становится первой православной метрополией в Африке к Югу от Сахары. В 1959 г. отец Ставрос отправляется в путешествие, в ходе которого он посещает Александрию, а затем и Грецию. В том же году в Кампалу прибыл митрополит Николай, который провёл много времени, наставляя местных верующих в истинном православии. В 1960 г. в Кампалу начинают прибывать греческие проповедники, которые помогают в устройстве церковной жизни, пишут иконы, проповедуют православие в отдалённых деревнях. Именно так в конце 1960-х гг. в де-

ревушке Нгомбе на окраине одной из самых западных земель Уганды, близ города Форт-Портал основывается церковь Вознесения господня, о которой ниже будет сказано подробнее.

К началу XXI столетия число верующих увеличилось до 200 000 человек, которые были разделены на четыре епархии: центральную в королевстве Буганда, восточную в королевстве Бусога, западную в королевстве Торо (именно к этой епархии относится церковь в Форт-Портале) и северную в стране Луо. В 1995 г. произошли два важных события. Впервые в истории митрополии её главой стал местный угандийский священник Феодор Нанкьяма. В том же году на холме Намунгона в Кампале близ митрополичьей резиденции была открыта семинария для обучения священников из числа местных жителей.

Угандийцы отстаивали свои права на собственную религию и религиозное образование. И если не считать Эфиопию, которая в строгом смысле слова

к православным странам не относится, поскольку эфиопская церковь — это одна из Древневосточных (дохалкидонских) церквей, то Уганда остаётся крупнейшей православной страной Африки.

Угандийское старообрядчество

История старообрядцев Уганды начинается в 1991 г. В этом году настоятель одной из православных церквей Уганды — Иоаким Чиимба (или Киимба) присоединился к греческому старостильному Синоду противостоящих. Энергичный священник достаточно быстро основал два прихода в пригороде Кампалы Мпереве, где он жил и работал, и в своей родной дереве Накабаале. Его духовные поиски, напоминающие поиски отцов-основателей Православной церкви Уганды, продолжились. В 1998 г. он вместе со своим приходом присоединяется к униатской Сиро-греческой антиохийской православной католической церкви в Африке. Одна-

Фото 4. Прихожане на месте проведения молений в поселении Кьярджуга под Форт-Порталом (фото А.В. Тугорского)

Фото 5. Заполнение анкеты жительницей деревни Капеке (фото А.О. Лапушкиной)

ко долго Отец Иоаким не задержался там, и в 2000 г. он принимается в молитвенное общение (т.е. оказывается под управлением) с Бостонским синодом Святой православной церкви Северной Америки. Однако уже в 2004 г. Иоаким со своими прихожанами вновь возвращается к Синоду противостоящих, чтобы в 2007 г. присоединиться к Истинно-православной церкви Америки.

Ещё в 1970-е гг., когда будущий священник учился в Ленинградской духовной семинарии, он слышал о старообрядческой церкви. Тогда он не обратил серьёзного внимания на эту ветвь православия. Теперь же, после длительных мытарств и постоянной смены духовных руководителей, он вспоминает о ней и пи-

шет письмо предстоятелю Русской Православной Старообрядческой церкви Корнилию. Прошение было рассмотрено Советом митрополии, и в следующем году отца Иоакима пригласили в Москву. Там он прошёл переобучение основам древлеправославной веры. К нему был приставлен куратор — отец Никола Бобков, священник старообрядческой церкви в Америке, прекрасно говорящий на английском языке и знакомый с особенностями жизни в Африке. Однако в 2015 г. земная одиссея отца Иоакима Чиимбе закончилась: он умер от внезапно обнаружившейся болезни. На смену ему пришёл его тезка — отец Иоаким Валусимби, который в 2015 г. был возведён в сан в Москве.

Интересно отметить, что третья старообрядческая община в Уганде была создана не одним из священников, а обычным крестьянином — Алексом Чаккой. Он перешёл в старообрядчество благодаря влиянию своего дяди. А вот как дядя Алекса пришёл к старой вере, до сих пор остаётся загадкой. Тем не менее моло-

дой и энергичный катехизатор стал организовывать новый приход, на этот раз к западу от Кампалы. Уже в 2013 г. община составляла несколько десятков человек, и отец Иоаким Чиимба несколько раз приезжал туда, чтобы крестить верующих по древлеправославному обычаю.

Большая часть старообрядцев Уганды — люди в возрасте от 25 до 50 лет, сознательно принявшие старообрядчество в зрелом возрасте. Среди них большинство составляют крестьяне или бедная интеллигенция — медсёстры и школьные учителя. Те, кто может платить десятину, — вносят её в церковную кассу. Те же, кто не имеет достаточной суммы денег, выполняют общинные поручения: убирают в церкви и во дворе, участвуют в строительстве.

Фото 6. Учащиеся воскресной школы при старообрядческой церкви свв. Иоакима и Анны в столичном районе Мперерве (фото Д.М. Бондаренко)

Согласно широко распространённой в Африке традиции церковь является центром активной экономической жизни. Один из прихожан в 2016 г. начал разведение свиней, мясо которых используется для церковных трапез, а также идёт на продажу. Часть дохода поступает на содержание церкви, а прихожане-старообрядцы имеют право покупать это мясо со скидкой. Крупный экономический проект возглавляется и вдохновляется лично отцом Иоакимом Валусимби. Он с помощью прихожан строит платное медицинское училище в Мперерве. Священник надеется, что училище сможет дать не только финансовый доход общине, но позволит детям местных старообрядцев получать столь необходимое им образование.

Будущее старообрядцев Уганды сейчас видится неоднозначным. Например, трое из шестерых детей Алекса Чакки, рождённые в старообрядчестве, в зрелом возрасте перешли в католичество и англиканство. Зачастую это связано с экономическими причинами. Как уже говорилось ранее,

для многих людей в Африке религия — это членство в клубе, которое даёт доступ к инфраструктуре, деньгам, возможностям продвижения по карьерной лестнице. С этой точки зрения Русская православная старообрядческая церковь не может тягаться с такими экономическими гигантами, как католическая церковь или Церковь Уганды. Но всё же для большинства верующих главная причина выбора — «истинность» древлеправославной церкви. Именно это привлекает в неё небогатых местных жителей, именно это убеждение позволяет приходам медленно, но неуклонно увеличиваться в размерах. Сами угандийские старообрядцы смотрят в будущее с оптимизмом: они убеждены, что только их вера ведёт к счастью в этой и загробной жизни.

Православие в Уганде начала XXI века

Община в деревне Нгомбе в западной части Уганды объединяется вокруг церкви Вознесения Господня, стоящей на самом высоком холме в округе. Как водится

Фото 7. Внутреннее убранство церкви св. Анастасии под Форт-Порталом, не используемой для богослужений и арендуемой католической начальной школой (фото А.В. Тютторского)

в Африке, церковь — это экономический мотор местного сообщества: она владеет землями, на которых стоят две школы, фельдшерский пункт и другие постройки. Эти земли церковь получила от короля Торо (название королевства). За эти земли церковный совет получает определённую плату, а также скидки для обучающихся в школах православных детей.

Необходимо отметить, что в Африке школы часто организуются определённой церковью. Именно она определяет набор предметов, которые преподаются в школе, и форму одежды. В мусульманских школах, например, все девушки носят платок-хиджаб. Эти предметы и одежда обязательны для всех учеников независимо от их вероисповедания. Иными словами, православные и католические девочки, посещающие занятия в мусульманской школе, будут носить общую форму — платки-хиджабы. Так вот, на одном из участков земли православной церкви стоит католическая школа, в которой учатся и православные дети (фото 7). Они, а точнее их родители, имеют возможность оплачивать школу со скидкой 10%.

Полученные церковным советом деньги идут на нужды церкви, а также нуждающихся семей. Отец Романос (кстати, он учился в семинарии при Троице-Сергиевой Лавре) называет этот проект приютом. Однако никакого здания приюта на самом деле нет. Точнее есть, но оно очень старое и совсем развалилось. Жить там нельзя никому, а тем более детям. Отец Романос договорился с местными жителями, чтобы они приютили в своих домах детей-сирот, за содержание которых он доплачивает приёмным родителям. Все дети, которые должны ходить в школу, получают деньги на обучение из церковной кассы, а также из этих же средств им покупают одежду. Обучающие проекты для африканских православных как старой, так и новой веры очень важны.

Есть и другие проекты (фото 8). Например, женщины прихода создали женский совет, который занимается поиском оплачиваемой надомной работы для них. В Форт-Портале есть мастерская «Руvenzори», которую открыл один приезжий немец. Он обучает местных жителей ремёслам: плетению корзин, лепке сосу-

дов из глины, пошиву одежды. Справедливости ради надо уточнить, что всё это местные жители знали и умели раньше, но немец учит делать все эти вещи по европейским лекалам и образцам, что для Африки чрезвычайно важно. Женский совет православной церкви заключил договор на поставку ему плетёных корзин, которые немец потом продаёт туристам, приезжающим к нему в отель. Женщины плетут эти корзины дома, а представители совета отвозят в мастерскую «Рувензори» и потом отдают деньги работникам.

Один человек разводит свиней, снабжая общину во время праздников и продавая мясо прихожанам. Но тут есть существенная оговорка: для местных православных очень важна общинность, причём общинность в крестьянском смысле. Они очень дорожат всеми своими односельчанами, независимо от их вероисповедания. Именно поэтому все односельчане получают мясо со скидкой: и православные, и католики, и мусульмане. Пожалуй, только в придорожном магазине оно продаётся без скидки... белым туристам.

Подведём итоги

Во-первых, в ходе экспедиционной работы была собрана важная информация, касающаяся современного религиозного ландшафта Уганды и Восточной Африки, что, безусловно, является самостоятельной научной задачей. Были подробно описаны все три старообрядческие общины в Мперерве, Накабаале и Кисоджо, а также Нгомбе и Кьярджуга в западной части Уганды.

Во-вторых, в ряде статей был проведён анализ сущности «африканской религиозности» на примере старообрядцев. Угандийское старообрядчество — это больше религия, уходящая корнями в традиционные представления местных жителей. В ней не так чётко противопоставляются мир этот и загробный, есть представление о важности духов предков для повседневной жизни современных верующих, а ритуал является особой реальностью, которая оказывает влияние на этот сложный традиционный мир. Например, именно этим объясняется неприятие угандийскими старообрядцами экуменистского движения: они не могут поверить, что может существовать одна

Фото 8. Женская ремесленная мастерская, организованная под эгидой православной церкви в Нгомбе (фото А.В. Титорского)

единая вера для всех людей на Земле. Это противоречит их глубинному пониманию мира, где каждый ритуал совершается в своё время и в определённом месте для конкретной окружающей среды, включающей и бестелесных духов, и силы природы.

Обозначает ли это, что угандийские старообрядцы — не настоящие верующие? Вовсе нет. Истинность и искренность веры доказываются их регулярным участием в службах, помощью друг другу во внецерковных делах, ведением многочисленных разговоров о церкви и сущности религии. Кроме того, акцент на ритуале означает, что они сохранили своё

собственное видение новой религии, что она пришла не на пустое место, а легла на устойчивый фундамент местного мировоззрения, обретя благодарных и верных последователей.

Наконец, в-третьих, взаимодействие старообрядцев, православных Александрийского патриархата, православных Церкви за пределами России показывает, что вера для современных православных Уганды всех направлений — это живая, витальная сущность, которая продолжает осмысливаться, обсуждаться. Люди продолжают искать Бога и пути к священному в нашем мире, что делает необходимым дальнейшее исследование этого феномена.

ENGLISH

Orthodox Christians in Uganda: Social and Cultural Processes in African Christian Communities

Dmitry Mikhailovich Bondarenko — Associate Member Russian Academy of Sciences, Doctor of Science (History), Professor, Deputy Director for Science at the Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences, Director of the International Centre of Anthropology, Higher School of Economics National Research University (HSE), Professor at the Russian State University for Humanities, supervisor of the project “Canonical Orthodox Christians and Old Believers in Uganda: Social and Cultural Processes in African Christian Communities” (17-01-00148a).

E-mail: dbondar@hotmail.com, dmitrimb@mail.ru

Andrey Vladimirovich Tutorskiy — Candidate of Science (History), Associate Professor at the Department of Ethnology, Faculty of History, Lomonosov Moscow State University, researcher in mentioned project.

E-mail: tutorski@hist.msu.ru, tutorski@gmail.com

The paper outlines a brief history of the advancement of Orthodox Christianity and Old Belief in Uganda. It also characterizes Orthodox Christianity (and Old Belief) for the followers as a true, “non-Western” religion. It is explained by two factors: the cultural differences specific to precolonial Africa and the new features rooted after the introduction of Western culture. Relying on the study findings, the authors demonstrate the importance of studying the Orthodox cultural legacy in Africa for a better understanding of its future course of development.

Keywords: Orthodox Church of Uganda, Old Belief, Uganda, true religion, ritualism, modern religiousness in Africa

КОНФЕРЕНЦИИ. КОНГРЕССЫ. СИМПОЗИУМЫ

DOI: 10.22204/2587-8956-2020-098-01-135-140

И.П. СУСИДКО*

Международная научная конференция «Опера в музыкальном театре: история и современность (Москва, 11–15 ноября 2019 г.)**

Статья посвящена итогам Международной научной конференции «Опера в музыкальном театре: история и современность» (“Opera in Musical Theater: History and Present Time”), организованной Российской академией музыки им. Гнесиных и Государственным институтом искусствознания и посвящённой 75-летию со дня основания обеих институций. В этом масштабном проекте приняли участие учёные из ведущих научных учреждений и учебных заведений 16 стран мира: России, Австрии, Великобритании, Германии, Греции, Испании, Италии, Казахстана, Китая, Литвы, Мексики, Польши, США, Таиланда, Украины, Хорватии.

В статье проведён анализ проблематики докладов, выявлены приоритетные направления и подходы в современных исследованиях оперного искусства, такие как рассмотрение оперы в различных контекстах, стремление к исторической достоверности, историческая реконструкция и другие. Предложены пути дальнейшего развития науки в области изучения музыкального театра.

Ключевые слова: международная конференция, опера, история музыкального театра, современный театр

Международная научная конференция была приурочена к двум знаменательным юбилеям: 75-летию со дня основания Российской академии музыки им. Гнесиных и Государственного института искусствознания, которые и стали площадками для проведения заседаний и дискуссий. Впервые оперному искусству

было посвящено столь масштабное научное мероприятие. По общему мнению, конференция получилась в полном смысле слова фундаментальной, в ней приняли участие более 170 докладчиков из 16 стран (Австрия, Великобритания, Германия, Греция, Испания, Италия, Казахстан, Китай, Литва, Мексика, Польша, Россия, США, Таиланд, Укра-

* **Суsidко Ирина Петровна** — доктор искусствоведения, заведующая кафедрой аналитического музыковедения Российской академии музыки им. Гнесиных, заместитель председателя Оргкомитета конференции.
E-mail: lspriv@mail.ru

**Проект 19-012-20019.

Фото 1. Доклад Кирилла Томова, профессора кафедры истории музыки Калифорнийского университета (Риверсайд, США)

ина, Хорватия). Главным достижением конференции стала возможность на деле реализовать тезис: оперу нужно изучать и оценивать как синтетическое по своей природе явление, в котором взаимодействуют разные искусства. Этот тезис всем хорошо известен, но на практике добиться именно такого, комплексного, подхода чрезвычайно трудно, поскольку исследователи «разведены» по разным специальностям, разнятся методология анализа, трактовка понятий. Тем более отраднее сознавать, что конференция стала местом, где удалось консолидировать усилия представителей всех областей искусствознания: музыковедов, театроведов, специалистов по изобразительному искусству и кроме того литературоведов, театральных критиков, композиторов.

Специалистам разных областей знания удалось полномерно и многосторонне подтвердить мысль, чётко сформулированную известным оперным режиссёром Александром Тителем в приветствии участникам конференции: ещё рано опла-

кивать кончину оперного искусства, музыкальный театр живёт, развивается, завоёвывает новую публику и рождает новые импульсы для научного осмысления. Точно так же и на вопрос, заданный в названии доклада Н.С. Гуляницкой, «Опера умерла?», был дан однозначно отрицательный ответ, к которому с энтузиазмом присоединились все участники конференции, найдя разнообразные аргументы и доказательства.

Более того, собрать столь представительный форум учёных разных специальностей не вокруг универсальной методологической проблемы, близкой всем, не для решения неких общегуманитарных вопросов, а в связи со всего одним музыкальным жанром было бы невозможно, если бы этот жанр в последнее десятилетие

не начал неожиданно бурно развиваться. К концу XX столетия академический музыкальный театр, как казалось многим, захлебнулся в рутине; «режиссёрская опера» окончательно похоронила любые импульсы для развития традиционного театра как культурной институции. Однако кризис рубежа веков обернулся взрывом интереса к оперному искусству — у публики, композиторов, поэтов, исполнителей, театральных продюсеров, художников и, конечно, учёных. В том числе и искусствознательской молодёжи, до отказа наполнявшей залы конференции все пять дней.

Проблематика докладов охватила широкий круг явлений музыкального театра, что обеспечило полновесный «стереоскопический» взгляд на оперное искусство. Программа конференции включала 14 тематических секций: «Опера как синтетический жанр» (пленарное заседание), «Старинная опера: жанры, стиль, культурный контекст», «Национальные оперные школы: своё и чужое», «Декорационное искусство и сценография», «Музы-

ка и драматический театр», «Либретто и литературный источник: от *dramma per musica* к литературной опере», «Музыкальный театр XIX века: общее и особенное», «Опера в социокультурном контексте», «Певец в опере: вопросы исполнительской интерпретации», «Оперное наследие Н.А.Римского-Корсакова (к 175-летию со дня рождения)», «Отечественная опера: диалоги и параллели», «Опера в руках режиссёра», «Оперная классика XX века», «Новейшие тенденции в музыкальном театре XXI века».

Выступления на конференции позволяют судить о современном состоянии научных исследований в области музыкального театра. Если отнестись к материалам докладов как «единому» тексту, виртуальному коллективному исследованию, то при всём разнообразии сформулированных мнений и оценок можно выделить приоритетные направления, по которым развивается современная научная мысль в области исследования оперы.

Одно из важнейших – *рассмотрение оперного искусства в различных контекстах*, на стыке и пересечении «внешних» (культурно-исторических, социальных, политических) и «внутренних» (стилевых, жанровых) тенденций. Такой подход в принципе никогда не был чужд российской истории музыки, однако его новизна сегодня в том, что контекстные исследования, наконец, очистились от каких-либо тенденциозных оценок, продиктованных идеологическими или политическими установками, от намерения искать и находить «простые» ответы на сложные вопросы существования оперного искусства в обществе. Именно такой подход был продемонстрирован на конференции на самом разнообразном материале: от соотношения музыкального театра с системой координат классической

Фото 2. С докладом выступает Т.И. Науменко, проректор по научной работе РАМ им. Гнесиных

драматургии (Д.В.Трубочкин) до его пересечений с социальными и идеологическими тенденциями в советской культуре 1945–1948 гг. (К.Томов) (фото 1); от зарождения феномена оперной примадонны (Сусана Эгеа Руис) до особенностей исполнения современной тайской оперы (Ф.О.Праванг); от исторического события как импульса к развитию национального музыкального театра (С.Майер-Бобетко) до оперы как политической аллегории (Р.А.Насонов).

Объединяла доклады, прочитанные в разных секциях, ещё одна магистральная линия – *стремление к исторической достоверности, пафос точного научного знания*. Именно на этом пути поиски чаще всего сопровождаются открытиями. В результате, как правило, развенчиваются устоявшиеся «мифы», сформированные либо от отсутствия доступа к материалам, либо от излишнего

увлечения идеями и интерпретациями в ущерб реальным фактам и подлинным текстам.

На конференции были продемонстрированы результаты многолетних исследований в связи с изданием нового академического собрания сочинений П.И. Чайковского (доклады А.Г. Айнбиндер и А.В. Комарова), шеститомного издания Дневников директора императорских театров В.А. Теляковского (М.Г. Светаева). Ряд докладчиков представил новый взгляд на, казалось бы, хорошо известные, хрестоматийные явления – такие исследования особенно ценны в первую очередь как «маркеры» изменившихся идейных и культурных парадигм. Именно так были восприняты сообщения Дж. Норриса о сотрудничестве С. Рахманинова и М. Чайковского в работе над «Франческой да Римини», С.К. Лашенко о «Жизни за царя» Глинки, В.Р. Дулат-Алеева – о значении опер А.Н. Серова в истории русской музыки.

Ещё одно важное место в современных исследованиях оперного искусства разных эпох, как показала конференция, занимают работы о *рецепции* сочинений, их исполнительских, сценических версий. Образ, сформированный в суждениях критиков, восприятии, оценках «знатоков» и «дилетантов», помогает лучше понять художественную, смысловую суть оперы и процессов, происходящих в музыкальном театре. Уникальные материалы представили в своих докладах Л.В. Кириллина (о судьбе бетховенского «Фиделио» в России), Н.А. Огаркова (о рецепции опер Беллини в Петербурге 1830–1860-х гг.), Г.А. Моисеев (об отражении русской и европейской оперной жизни в дневниках великого князя Константина Николаевича), Г.В. Петрова (об оперных «мотивах» в дневниках и переписке графа Матвея Виельгорского), Т.И. Науменко (о роли «повседневных» бумаг в истории советской оперы 1930–1940-х гг.) (фото 2), И.В. Дынникова об опере в зеркале первых лет российской звукозаписи.

Представленные результаты исследований – это ранее неизвестные страницы истории музыкального театра, обнаружение которых стало возможным благодаря кропотливой работе авторов с разнообразными архивными документами и материалами. Именно такие изыскания составляют основу *исторической реконструкции* – подхода, который сегодня занимает одну из лидирующих позиций в мировой гуманитарной науке. Он создаёт основу как для построения «новой» истории музыки, в которой планомерно заполняются лакуны, восстанавливается реальная картина культурных взаимодействий, место домислов занимают факты, так и для формирования исторически достоверной интерпретации. А это уже прямой выход на исполнительскую практику, на проблематику режиссёрского театра. Таким образом, тезис о том, что *исторический опыт – это импульс к решению современных проблем*, стал ключевым для многих докладов. Вполне закономерно, что все доклады секции по проблемам новейшего музыкального театра не просто замыкали программу, но постоянно прочерчивали многочисленные связи между «новым» и «традиционным» – будь то переосмысление старых сюжетов или «игра» с жанровыми стереотипами.

Значимое место заняли выступления, нетипичные для музыковедческой конференции. Именно они во многом обеспечили ту множественность исследовательских ракурсов, которая, по замыслу организаторов, лежала в основе самой идеи этого научного форума. Заседания секций, посвящённых декорационному искусству и сценографии, музыке в драматическом театре и режиссёрским интерпретациям, проходили в Государственном институте искусствознания, структура которого в наибольшей степени соответствует комплексному подходу к рассмотрению художественных явлений (фото 3).

Для специалистов в области оперы было не просто полезно, но принципиально

Фото 3. Доклад Н.Ю. Вавилиной, старшего научного сотрудника Государственного института искусствознания

важно познакомиться со взглядом на музыкально-театральные феномены со стороны учёных, занимающихся живописью и архитектурой, найти точки соприкосновения и взаимодействия с их научной позицией. Эволюция зрительного зала в оперном театре, деятельность выдающихся декораторов, реконструкции театральных спектаклей, в том числе и таких знаковых для русской истории, как «Катерина Измайлова» Д.Д.Шостаковича, знакомство с малоизвестными в России театральными феноменами, с новыми музейными открытиями — эти и другие темы давали поводы для поиска тех междисциплинарных взаимодействий, которые сегодня волнуют гуманитарную науку во всём мире.

Проведение конференции всегда даёт импульс для обобщений, особенно тогда, когда в обсуждениях участвуют представители разных стран, поколений, научных школ. «Сегодня, когда возникли совершенно новые возможности расширения пространственно-акустической среды музыки и мультимедийного

синтеза, едва ли не каждый композитор либо пишет новую оперу, либо мечтает её написать. Композиторы создают оперы — опера формирует нашу музыкальную историю. А учёные продолжают их изучать», — эти слова известного композитора В.Тарнопольского, адресованные участникам конференции, как нельзя лучше подводят её итог. То, что музыковедческая мысль находит для себя материал как в глубинах истории, так и в области новейших театральных экспериментов, то, насколько пристально не только учёные, но и музыканты-исполнители погружаются в архивные материалы и открывают для себя новые имена, то, как тщательно готовятся новые академические издания оперных партитур, о которых вчера можно было только мечтать, как остро и с каким интересом воспринимаются только что написанные оперные сочинения, — всё внушает надежду на дальнейшую жизнь и развитие музыкального театра и научных исследований, ему посвящённых. Конференция «Опера в музыкальном театре: история и совре-

менность» имеет шанс стать тем проектом, который и в дальнейшем поможет консолидировать усилия исследователей и практиков, искать и находить пути взаимодействия с коллегами из других стран, осмысливать новые тенденции.

ENGLISH

International Scientific Conference “Opera in Musical Theatre: History and Present Time” (Moscow, November 11–15, 2019)

Irina Petrovna Susidko – Doctor of Science (Art history), head of the Department of Analytical Music Studies, the Gnesins Russian Academy of Music, Deputy Chairman of the Conference’s Organising Committee.

E-mail: lspriv@mail.ru

The paper is dedicated to the findings of the International Scientific Conference “Opera in Musical Theatre: History and Present Time”, held by the Gnesins Russian Academy of Music and the State Institute for Art Studies. The conference is dedicated to 75th anniversary of the establishment of both schools. Researchers from major scientific institutions and schools of 16 world countries (Russia, Austria, UK, Germany, Greece, Spain, Italy, Kazakhstan, China, Lithuania, Mexico, Poland, USA, Thailand, Ukraine and Croatia) took part in this global project.

The paper analyses the issues of the proceedings, indicates the preferred trends and approaches in the modern study of opera art, such as studying opera in various contexts, pursuing historical accuracy, historical re-enactment and others. It also suggests ways of further development of science in studying musical theatre.

Keywords: international conference, opera, history of musical theatre, modern theatre

УДК 656.7
ГРНТИ 73.37:01

DOI: 10.22204/2587-8956-2020-098-01-141-145

Г.Л. АКОПОВ*

VIII Международная научно-практическая конференция «Актуальные аспекты развития воздушного транспорта» (АВИАТРАНС-2019), приуроченная к 50-летию Ростовского филиала МГТУ ГА (Ростов-на-Дону, 21–23 июня 2019 г.)**

В Ростове-на-Дону была проведена VIII Международная научно-практическая конференция «Актуальные аспекты развития воздушного транспорта». В конференции приняли участие около 300 человек из более чем 50 организаций из России и ряда зарубежных стран. Были обсуждены многие актуальные вопросы развития гражданской авиации: проблемы управления и безопасности на воздушном транспорте, актуальные аспекты внедрения коммуникационных технологий в России и глобальном мире, стратегия сотрудничества стран СНГ и Китая в развитии пассажирских авиаперевозок и др. Были представлены результаты научных исследований отечественных и зарубежных учёных. По итогам форума изданы сборник трудов в двух томах объёмом свыше 1000 страниц, а также коллективная научная монография.

Ключевые слова: Авиатранс, воздушный транспорт, гражданская авиация, МГТУ ГА, Ростовский филиал МГТУ ГА

Конференцию под брендом «Авиатранс» Ростовский филиал МГТУ ГА проводит ежегодно начиная с 2011 г. Из года в год растёт число и расширяется география участников. Форум является крупнейшей на Юге России дискуссионной площадкой по проблемам развития гражданской авиации. В научно-практической дискуссии приняли участие около 300 делегатов из России, Армении, Казахстана, Узбекистана, Италии. Среди них представители орга-

нов власти, вузовской науки, судов, производителей и поставщиков воздушных судов, руководители авиакомпаний, аэропортов, профессиональных ассоциаций, представители ведущих сервисных компаний авиационного транспорта, специалисты авиационных предприятий различных уровней, журналисты, предприниматели, эксперты.

Организатором конференции выступил Ростовский филиал Московского государственного технического универ-

* **Акопов Григорий Леонидович** — доктор политических наук, директор Ростовского филиала Московского государственного технического университета гражданской авиации, председатель Оргкомитета конференции.

E-mail: g.akopov@mstuca.aero

**Проект 19-011-20018.

Фото 1. Участники пленарного заседания в историческом парке «Россия — моя история»

ситета гражданской авиации (МГТУ ГА) и ПАО «Аэрофлот — Российские авиалинии», который на протяжении многих лет является партнёром проводимых вузом научных мероприятий.

Учитывая юбилейный характер конференции, её открытие и пленарное заседание были проведены в конференц-зале самого масштабного экспозиционного комплекса на Юге России — в историческом парке «Россия — моя история» (фото 1). Это позволило использовать современные и инновационные мультимедиа-технологии в презентациях выступающих.

Открыл мероприятие проф. Г.Л.Акопов, который представил собравшимся ректора МГТУ ГА, проф. Б.П.Елисеева, специально прилетевшего на конференцию в Ростов-на-Дону. Борис Петрович в своём выступлении особо отметил высокие темпы развития вуза в целом и его Ростовского филиала в частности.

ПАО «Аэрофлот—Российские авиалинии» был представлен руководителем инновационного направления, советником генерального директора А.А.Полозовым-

Яблонским и руководителем представительства ПАО «Аэрофлот» в Ростове-на-Дону О.В.Осичкиной, которая в своём приветственном слове подчеркнула, что сама является выпускницей Ростовского филиала МГТУ ГА.

С приветственными обращениями к участникам выступили руководитель территориального управления Федерального агентства воздушного транспорта В.С.Исаев (фото 2) и заместитель председателя Законодательного Собрания Ростовской области А.Ю.Скрябин. Были оглашены приветствия от Министра транспорта Ростовской области А.Н.Иванова, от начальника Управления государственного авиационного надзора по ЮФО, а также от представителей других органов государственной и муниципальной власти.

Атташе по науке посольства Италии в Москве Альдо Спаллоне (фото 3) в своём выступлении вспомнил соотечественника, внёсшего значительный вклад в развитие нашей авиации, — Роберто Орос ди Бартини. Будучи аристократом по происхождению, он эмигрировал в СССР и впо-

следствии стал ведущим конструктором самолётов «Сталь-6» (первого арктического лайнера) и «Сталь-7».

Давние партнёры Ростовского филиала МГТУ ГА сотрудники «КазГидроМедь» Л.М.Каримова и Е.Т.Кайралапов преподнесли памятный сувенир из золота – символ Республики Казахстан «Алтын Адам» («Золотой человек»). Учитывая многопрофильный состав аудитории, они пригласили коллег к сотрудничеству в решении такой проблемы, как переработка «забалансового» техногенного сырья с учётом неуклонно беднеющих запасов кондиционных рудных месторождений. Эта проблема особенно остро стоит для градообразующих металлургических производств Казахстана.

Одной из тем пленарного заседания стала стратегия сотрудничества стран СНГ и Китая в развитии пассажирских авиаперевозок. Её основные положения в сфере миграционного контроля сформулировала менеджер по инновациям АИТ – Авиаинфотел (Ереван) И.С.Мурадян.

Отметим, что делегация из Армении была наиболее представительной. На открытии конференции выступил консул Республики Армения в Южном федеральном округе В.М.Асоян, который отметил высокое значение развития межгосударственного сотрудничества в сфере науки и образования.

Об истории гражданской авиации России и Армении рассказал председатель финансово-экономической и бюджетной комиссии Общественного совета Республики Армения В.М.Сафарян. В гражданской авиации ранее советской республики работали 6000 человек, причём 700 из них – лётчики. Сегодня в Армении не наберётся и десяти пилотов. Собственными силами армянская гражданская авиация ранее перевозила 3,5 млн пассажиров, в сотрудничестве с другими компаниями – свыше 5,5 млн. Армения имела 13 аэропортов и обеспечивала перевозку 20% общего пассажиропотока на внутренних линиях средствами малой авиации.

Фото 2. Руководитель территориального управления Федерального агентства воздушного транспорта В.С. Исаев

В формате выступлений, докладов и дискуссий участники конференции обсудили широкий спектр вопросов, посвящённых приоритетным направлениям развития гражданской авиации:

- инновационные технологии и процессы на воздушном транспорте;
- актуальные аспекты внедрения коммуникационных технологий в России и глобальном мире;
- обмен опытом специалистов гражданской авиации;
- поиск инновационных решений и технологий при производстве, эксплуатации и ремонте авиационной техники и в сфере управления воздушным движением;
- обмен опытом подготовки и повышения квалификации специалистов в сфере инноваций;

Фото 3. Выступает атташе по науке посольства Италии в Москве Альдо Спаллоне, слева – директор Ростовского филиала МГТУ ГА Г.Л. Акопов

- внедрение управленческих инноваций в менеджменте на транспорте;
- анализ логистических процессов в глобализирующемся мире;
- обсуждение исторических аспектов развития авиации и авиационного образования;
- проблемы управления и безопасности на воздушном транспорте, информационной безопасности объектов гражданской авиации, экологической безопасности;
- развитие авиационного электро- и радиооборудования и пилотажно-навигационных комплексов.

В ходе работы конференции были представлены устные и стендовые сообщения по следующим научным направлениям (секциям): «Сохранение лётной годности и обеспечения транспортной безопасности», «Развитие авиационного электро- и радиооборудования и пилотажно-

навигационных комплексов», «Менеджмент и инновации в гражданской авиации», «Межличностные коммуникации и психология профессионального авиационного сообщества».

В целом участники конференции отметили высокий уровень данного научного мероприятия, поблагодарили организаторов и высказали пожелание продолжать сложившуюся традицию.

По результатам работы конференции опубликован сборник трудов «Актуальные аспекты развития воздушного транспорта (Авиатранс-2019)» в двух томах, объемом более 1000 страниц. Примечательно, что отдельные тезисы конференции послужили основой для издания специализированной коллективной монографии («Кадровые и иные вопросы управления на воздушном транспорте». Ростов-на-Дону, 2019), подготовленной при финансовой поддержке АО «Авиакомпания «Аврора»».

Международная научно-практическая конференция прошла на высоком организационном и научном уровне и показала возможности обеспечения дальнейшей разработки того круга вопросов, который обсуждался на мероприятии.

Международный форум – это не только обмен опытом и идеями специалистов. Это отличный способ для работодателей встретиться со своими будущими работниками, провести ознакомительную презентацию для студентов. А для студентов это реальная возможность продемонстрировать приобретённые компетенции. Главным достижением конференции является внедрение и реализация идей, об-

суждаемых на «АвиаТранс». Ежегодно по итогам форума реализуются десятки проектов, апробированных на этом научном мероприятии.

В 2020 г. мы планируем провести очередную научно-практическую конференцию «АвиаТранс-2020» с целью дальнейшего развития авиационной науки и практики. Мероприятие запланировано на 21–23 мая 2020 г. и будет приурочено к 75-летию со Дня Победы в Великой Отечественной войне. Вся информация о прошедших и предстоящих конференциях «АвиаТранс» аккумулируется на специализированном интернет-ресурсе <http://aviatrans.rfmstuca.ru>.

ENGLISH

The 8th International Research-to-Practice Conference “Current Aspects of Air Transport Development” (AVIATRANS-2019), Timed to Coincide with the 50th Anniversary of the Establishment of Rostov Affiliated Branch, Moscow State Technical University of Civil Aviation (Rostov-on-Don, June 21–23, 2019)

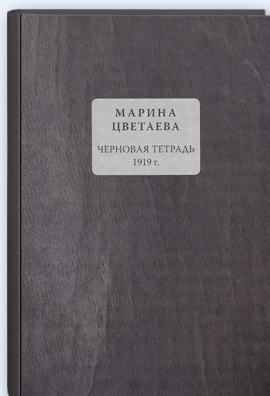
Grigory Leonidovich Akopov – Doctor of Science (Politicalology), Head of Rostov affiliated branch, Moscow State Technical University of Civil Aviation, Chairman of the Conference’s Organising Committee.
E-mail: g.akopov@mstuca.aero

The 8th International Research-to-Practice Conference “Current Aspects of Air Transport Development” was held in Rostov-on-Don. About 300 participants from more than 50 entities from Russia and several foreign countries attended the conference. They discussed numerous relevant matters of civil aviation development: issues of management and safety in air transport, current aspects of implementation of communication technologies in Russia and worldwide, the strategy of cooperation between CIS countries and China in the development of passenger air transportation, and others. The domestic and international researchers presented their studies findings. A collection of papers with over 1000 pages in two volumes, as well as a joint scientific monograph were issued as a result of the conference.

Keywords: Aviatrans, air transport, civil aviation, Moscow State Technical University of Civil Aviation, Rostov affiliated branch of Moscow State Technical University of Civil Aviation

МИР КНИГИ РФФИ

DOI: 10.22204/2587-8956-2020-098-01-146-150

Т.М. ГЕВОРКЯН*

Цветаева М.И. Творческие тетради. Т. 1: В 2 кн. Кн. 1: Черновая тетрадь 1919 г.; Кн. 2: Черновая тетрадь 1919–1921 гг. / Подгот. текстов Е.И. Лубянниковой, Ю.И. Бродовской, Е.Б. Коркиной; Сост., вступ. статья, примеч. и прил. Е.И. Лубянниковой и Ю.И. Бродовской. СПб.: Изд-во Пушкинского Дома, 2018. — Кн. 1. — 192 с.: ил.; Кн. 2. — 192 с.: ил.**

Ключевые слова: М.И. Цветаева, черновые тетради, творческий процесс, ранние редакции стихов и пьес

К посмертной публикации своих черновиков, к обнародованию неоконченных произведений, попутных заметок и писем писателя, как известно, относятся по-разному. Одним из самых решительных противников подобных извлечений из архива был, пожалуй, И.А. Гончаров, написавший незадолго до смерти, в 1888 г., статью «Нарушение воли», где, в частности, говорилось: «...Литературные археологи возьмут да и выкопают какой-нибудь набросок, стих, фразу, страницу, словом, всё отброшенное, непригодное художнику, что в его черновой работе не сошло в дело, что выметается обыкновенно из мастерской <...> Между тем этими отбросами художника нарушается цельность его художественного образа <...> Пусть бы отыскивали неизданные рукописи или ценные отрывки, свидетель-

ствующие о полном таланте писателя, наконец, замечательные целые строфы, страницы, *всё-таки под условием, что автор хотел, но не успел огласить их*» (выделено мной. — Т.Г.) [1]. О себе там же сказал, что ничего стоящего в его архиве не остаётся и, следовательно, не подлежит публикации.

Можно разделять или не разделять позицию автора «Обломова» (вопрос этот и поныне остаётся спорным), но нельзя не согласиться с тем, что определённо выраженная воля писателя должна быть учтена при публикации архивных материалов.

Есть и другой аспект той же темы: далеко не все писатели бережно относились к своим рукописям. Ф.И. Тютчев писал на случайных бумажках, многие из которых пропали бы без следа, не будь собраны и сохранены близкими поэта. Выдаю-

* **Геворкян Татьяна Михайловна** — доктор филологических наук, член Союза писателей Армении. E-mail: tatgev@yandex.ru

**Проект 17-04-16510д.

щийся поэт-переводчик Анатолий Геле-скул уничтожал черновики и наброски. Пастернак декларативно писал: «Не надо заводить архива, / Над рукописями трястись».

В отличие от них Цветаева архив «заводила» и бесконечно им дорожила. Писала в тетрадях, проставляла даты начала и конца работы, жила в них месяцами и, случалось, даже прощалась с тетрадью, как с верным спутником трудов и дней («Тетрадь кончена 10 нов<ого> мая 1923 г. <...> Кончена с благодарностью и с грустью, — *эти* дома (обратно иным земным!) покидаются нелегко!» [2, 139]). А ещё она знала, что всё её рукой написанное рано или поздно будет напечатано. Знала и — в отличие от Гончарова — хотела этого¹. Тому свидетельством её тетрадная запись «Из мыслей о редакторах и редакциях», относящаяся к 1925 г.: «Ведь всё равно, когда я умру — всё будет напечатано! Каждая строчечка, как Аля (дочь Цветаевой Ариадна. — Т.Г.) говорит: каждая хвисточка. Так чего же ломаетесь <...> ? Или вам вместо простой славы <...> непременно нужна сенсация смерти? Вместо меня у *стола* непременно — я *на* столе? (И это — напечатаете!)» [2, 326]. (Как видим — напечатали и это.)

И тут ведь речь идёт не только о законченных произведениях. Но и о неиспользованных вариантах строк и строф, черновиках писем, «соринках» быта, мыслях, планах неосуществлённых замыслов — словом, о всём том, что остаётся обычно в закулисье творчества. Иначе не стала бы Цветаева в 1932–1933, 1938–1939 гг., оказавшись «под тучей отъезда» в советскую Россию, делать выписки из старых черновых тетрадей и записных книжек. Выписки эти составили со временем неоценимую для исследователя первую книгу из серии «Неизданное» — «Сводные тетради», из которой и приведена нами цитата. Сделав выписки, Цветаева не уничтожа-

ла, разумеется, и сами черновые тетради, разве только совсем истрёпанные, «карманные» записные книжки. Всё остальное подлежало хранению: либо в покидаемой летом 1939 г. Европе (та часть архива, которая по цензурным соображениям не могла быть ввезена в СССР), либо в России — ею самой, членами её семьи или доверенными лицами. Эта вторая часть в конце концов попала к дочери Цветаевой и, дополненная возвращёнными письмами, одной черновой тетрадью и некоторыми другими материалами, после смерти Ариадны Эфрон была передана на хранение в ЦГАЛИ (ныне РГАЛИ), а с 2000 г. стала доступна для ознакомления и изучения.

Имея опыт работы с черновыми тетрадями Цветаевой, в том числе и с теми, из которых были сделаны ею выписки, могу заверить: ничто не сравнится с возможностью собственноручно пролистать их или хотя бы просмотреть на экране проектора фотокопию (с какого-то момента оригиналы перестали выдавать на руки). Здесь важно абсолютно все: и взаиморасположение текстов, и возникающие то там, то тут нотабене, и по-другому, нежели в белой тетради, оформленная датировка, и последовательность стихов (в тех случаях, когда в один день писалось несколько стихотворений), и возникший рядом с одним из них план продолжения темы, и многое другое, чего сразу и не вспомнить.

Цветаева, делая выписки, не боялась максимальной открытости, напротив, стремилась быть по возможности полно понятой. Но даже подробная выборка, к тому же охватывающая лишь часть тетрадей, передать *всего* не может. И в этом смысле предпринятое теперь аутентичное издание сохранившихся черновых тетрадей есть *исполнение её воли*, и, следовательно, с этической точки зрения оно безупречно. Если б даже тетради не давали

¹ Когда — очень редко — не хотела, просила адресата сжечь письмо. Анна Тескова просьбу выполнила, Борис Пастернак — нет.

нового знания о поэте и человеке Цветаевой, были бы лишь памятником её многолетнему каждодневному литературному труду, их всё равно стоило бы издать.

Но дело обстоит иначе, и уже первые две книги не оставляют в том сомнений. По завершении работы над ними составители писали [3] о «любопытных открытиях», остановившись, в частности, на одном из них. В первой тетради были обнаружены черновые варианты двух стихотворений с одинаковой первой строкой («Пригвождена к позорному столбу»), датированные Цветаевой в белой тетради 1918–1920 гг. весной 1920 г. и обращённые к художнику Н.Н.Вышеславцеву, с которым она тогда же и познакомилась. Однако наброски к стихам, которые, как выяснилось, относятся к весне 1919 г., говорят о том, что в ранней редакции они были обращены к Ю.А.Завадскому и принадлежат к периоду увлечения Цветаевой театром и студийцами.

Другой пример: благодаря этому изданию в научный оборот вводится полный текст «Письма» о Завадском (найденно на с. 80–81 рукописи), которое в сокращённом и несколько изменённом виде Цветаева много позже (1925 г.) включила в очерк «О любви», дав ему название «Письмо о Лозэне»: параллельно приведённые в Приложении к первой книге тексты двух «Писем» дают возможность сравнить более позднюю редакцию с ранней и заметить особенности авторской переработки исходного текста. По-другому, но не менее интересны и Приложения ко второй тетради: здесь даются архивные же материалы, имеющие отношение к истории её пропажи и — спустя десятилетия — возвращения к дочери Цветаевой.

Обе книги снабжены богатым научно-справочным аппаратом, а также текстологическим комментарием. Помимо факсимильного воспроизведения тетрадей, в них даётся тщательнейшая расшифровка всех текстов, благодаря чему исследователи *впервые* получают реаль-

ный полноценный доступ к этой части наследия Цветаевой, ибо её черновики очень трудны для прочтения, тем более для прочтения качественного. Только теперь становится возможным проследить процесс работы над стихами циклов «Комедьянт», «Памяти А.А.Стаховича», «Стихи к Сонечке», пьесами «Фортуна», «Приключение», «Феникс», сравнить ранние редакции с каноническими текстами, понять ход мысли автора от замысла до окончательного его воплощения.

Особенно это касается четвёртой пьесы — «Каменный ангел». Мы узнаём теперь, что она задумывалась сперва как прозаическая вещь в семи письмах с первоначальным названием «Колодец Святого Ангела». От этого замысла сохранилось лишь недописанное первое письмо. Вскоре в тетради появляется развёрнутый план пьесы с тем же названием. Главные конфликтующие герои в нём колдунья (впоследствии — «Венера, во образе колдуньи») и бесстрашный Ангел. На этом этапе предполагалось, что победа достанется колдунье-Венере: с помощью приворотного зелья она заставит Ангела испытать земную любовь. Однако непосредственно после изложения пятой, последней, картины идёт новый план, а за ним и черновой вариант пьесы с изменившимся составом действующих лиц и известным по каноническому тексту сюжетом, где победа остаётся за высокими чувствами, а козням Венеры приходит бесславный конец. Такое радикальное переосмысление исходного замысла, навеянного, кстати, реальными событиями (увлечение Цветаевой «бесстрастным» Завадским: «Вы бесстрастны, я бесполезна», — писала она в оборванном на полуслове первом письме), говорит о том, что ни при каких обстоятельствах, ни с какими оговорками (колдунья выведена, мягко говоря, малосимпатичной) Цветаева, написавшая два года спустя едко-ироничную «Хвалу Афродите», взять в союзницы Венеру не захотела бы и, в конечном итоге, не смогла.

Примеры находок можно было бы множить, но важнее всё же другое: они будут множиться сами, по мере того как специалисты по творчеству Цветаевой станут погружаться в этот новый, оживший в двух первых книгах проекта «Творческие тетради» мир. Проект этот, как следует из аннотации, подразумевает издание всех 43 черновых тетрадей Цветаевой. И это единственно правильное решение, потому что привычно употребляемое словосочетание «творческий процесс» в случае Цветаевой обретает первичный, истинный смысл: непрерывное течение, ход. Как писала она в 1934 г.: «Переломов у меня в жизни — не было. Процесс древесный и речной: рост, кажется?» [4]. И ничто не передаёт с такой доверительной открытостью зарождение, движение, слияние, соударе-

ние, расхождение внутренних токов этого процесса, как её каждодневно писавшиеся черновики. Лишь после их детального изучения станет возможным научное издание полного собрания сочинений и писем Марины Цветаевой, которое мы все ждём.

Предстоит титанический труд по расшифровке рукописей — в черновых тетрадях насчитывается до 10 000 страниц. А ещё комментарий, а ещё подготовка к изданию... Но и за то, что уже сделано (в настоящее время идёт к концу работа над ещё тремя тетрадями Цветаевой 1922–1923 гг. [5]), — глубокая наша благодарность трём основным исполнителям проекта — Екатерине Лубянниковой, Юлии Бродовской и Елене Коркиной: иначе как подвижническим их труд не назовешь.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гончаров И.А. Нарушение воли // Собр. соч.: В 8 т. Т. 8. М.: Гос. изд-во худ. лит., 1955. С. 130–131.
2. Цветаева М.И. Неизданное: Сводные тетради. М.: Эллис Лак, 1997.
3. См.: Лубянникова Е.И., Бродовская Ю.И. Черновые тетради М.И. Цветаевой 1919–1921 годов // Вестник РГНФ. 2016. № 1 (82). С. 111–126.
4. Цветаева М.И. Собр. соч.: В 7 т. Т. 7. М.: Эллис Лак, 1995. С. 394.
5. См.: Лубянникова Е.И., Бродовская Ю.И. «Маруся» или «Молодец»? (К истории создания поэмы-сказки М.И. Цветаевой «Молодец») // Цветаевские научные чтения в Елабуге: Сборник докладов, сообщений, тезисов. Вып. 3. Калуга, 2017. С. 53–58.

ENGLISH

Tsvetaeva M.I. Creative Notebooks. Vol. 1. In 2 books.

Book 1: Draft Notebook of 1919; Book 2: Draft Notebook of 1919–1921 /

Prepared by Lubyannikova E.I., Brodovskaya Yu.I., Korkina E.B.;

Opening chapter, Notes and Appendices by Lubyannikova E.I.,

Brodovskaya Yu.I. St. Petersburg, Pushkin House Publ., 2018.

Book 1, 192 p.: fig.; Book 2, 192 p.: fig.

Tatyana Mikhailovna Gevorkyan — Doctor of Science (Philology), the member of the Union of Armenian Writers.

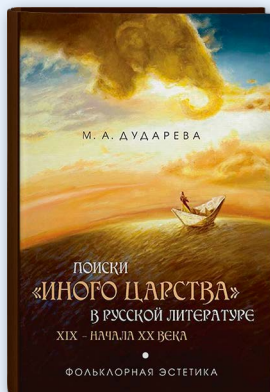
E-mail: tatgev@yandex.ru

Keywords: Marina Tsvetaeva, draft notebooks, creative process, early versions of poems and plays

REFERENCES

1. Goncharov I.A. Narushenie voli // Sobr. soch.: V 8 t. T. 8. M.: Gos. izd-vo khud. lit., 1955. S. 130–131 (in Russian).
2. Tsvetaeva M.I. Neizdannoe: Svodnye tetradi. M.: Ellis Lak, 1997 (in Russian).
3. Sm: Lubyannikova E.I., Brodovskaya Yu.I. Chernovye tetradi M.I. Tsvetaevoy 1919–1921 godov // Vestnik RGNE. 2016. № 1 (82). S. 111–126 (in Russian).
4. Tsvetaeva M.I. Sobr. soch.: V 7 t. T. 7. M.: Ellis Lak, 1995. S. 394 (in Russian).
5. Sm.: Lubyannikova E.I., Brodovskaya Yu.I. «Marusya» ili «Molodets»? (K istorii sozdaniya poemy-skazki M.I. Tsvetaevoy «Molodets») // Tsvetaevskie nauchnye chteniya v Elabuge: Sbornik dokladov, soobshcheniy, tezisov. Vyp. 3. Kaluga, 2017. S. 53–58 (in Russian).

DOI: 10.22204/2587-8956-2020-098-01-151-154

В.А. ГАВРИКОВ*

Дударева М.А. Поиски «иноного царства» в русской литературе XIX – начала XX века: фольклорная эстетика. М.; СПб.: Нестор-История, 2018. — 352 с.**

Ключевые слова: русская литература, поэтика, фольклор, миф, сказка, символ, идеальный топос, «иное царство»

В филологических исследованиях есть пласт работ, которые можно было бы назвать «научным детективом», когда исследователь пытается вскрыть некоторые потаённые, иногда, быть может, невидимые и самому писателю аспекты. В этом смысле мета-сюжет книги М.А. Дударевой поистине детективный: автор стремится отыскать скрытые фольклорные закономерности в творчестве таких классиков, как Пушкин, Лермонтов, Чехов, Бунин, Есенин, Маяковский...

Методология настоящей работы сводится к целостному анализу художественного текста с применением структурно-типологического и сравнительно-сопоставительного методов исследования. Эти методы позволяют перейти к описанию глубинных пластов литературы, проникновения фольклорной традиции в художественное творчество и вместе с ней — танатологического комплекса. Понятие «фольклор» понимаем

не узко, не ограничиваемся только словесными формами творчества, а учитываем миф, обряд, ритуал.

Как отмечает сама исследовательница, она работает не только с поверхностным слоем фольклорных влияний. Речь идёт и о более глубинном, структурно-семиотическом или, если так можно выразиться, «генетическом» погружении в материал. Увидеть в классических произведениях двойное, а то и тройное дно, которое выявляется при анализе с позиции фольклоризма, — это и есть «детективная составляющая» рецензируемой монографии.

М.А. Дударева справедливо указывает, что далеко не всегда обращение к фольклору — рациональный писательский ход. Реликтовые сюжетные, мотивные, субъектные и другие матрицы могут использоваться и неосознанно: быть откликами на услышанные в детстве сказки, былины, народные песни, а то и вовсе — апелляцией к подсозна-

* **Гавриков Виталий Александрович** — доктор филологических наук, профессор кафедры государственного, муниципального управления и управления персоналом Брянского филиала РАНХиГС.
E-mail: yarosvettt@mail.ru

** Проект 18-112-00348.

тельной архетипической стороне человеческого Я.

Тот материал, к которому обращается исследовательница, можно разделить на два больших блока: явно ориентированные на фольклоризм тексты (например, «Руслан и Людмила» Пушкина) и те, где устное народное творчество явлено в большей степени имплицитно (бунинский роман «Жизнь Арсеньева» или чеховская «Степь»).

На первый взгляд, интереснее наблюдать за логикой авторской мысли, когда она касается неизученного или мало изученного в фольклорном разрезе материала. Однако азарт первооткрывателя сопровождает автора монографии и тогда, когда она касается произведения, фольклоризм которого «твёрдо установлен», которое имеет солидную исследовательскую традицию изучения с позиции устного народного творчества. И дело здесь в первую очередь в методологии: автор обращается не только к «внешнему, вторичному фольклоризму», например к выявлению заимствованных из народной традиции сюжетов и мотивов, но и к скрытым архетипическим смыслам, к потаённым формам фольклорной традиции, к особой метафизической оптике, свойственной народному творчеству... — ко всему тому, что формирует, по словам М.А. Дударевой, «фольклорное мировоззрение автора».

Столь сложная игра с подтекстами и интертекстами неизбежно приводит к тому, что не всегда тот или иной образ, приём, сюжет могут быть с полной уверенностью интерпретированы как фольклорные. Но к категоричности суждений автор и не стремится, хотя полемический заряд у этой работы тоже присутствует: иногда воззрения учёных-предшественников подвергаются критическому разбору.

Работа снабжена бесчисленными ссылками на источники, что сегодня особенно ценно. Даже в диссертациях, не говоря уже о монографиях, многие современные

исследователи не удосуживаются учесть предшествующий опыт. Особенно любопытны введение и начало каждой главы, где скрупулёзно рассмотрена научная традиция, связанная с данным вопросом. Более того, в книге речь идёт о поиске нового исследовательского пути, ведь религиозные, мифологические корни русской литературы довольно долго изучались с узко идеологических позиций. В рецензируемой монографии речь идёт о «выстраивании новой генеалогии русской литературы в большом культурном пространстве». Конечно, эта сверхзадача — альтернативного осмысления классической литературной традиции — не может быть решена в рамках одного исследования. Но, по крайней мере, ряд вопросов, поставленных в монографии, кажутся весьма актуальными в контексте дальнейших исследований не только фольклоризма, но и вообще «трансцендентального слоя» классической русской литературы.

В заголовке работы речь идёт о «поисках иного царства», т.е. о фольклорном, мифологическом, ритуальном двоемирии. Большое внимание уделяется рецепции народной танатологии у русских классиков, при этом данная тема связана отнюдь не только с вопросами смерти, но и в целом с онтологическими воззрениями наших классиков, ведь вопрос жизни и смерти, посмертного бытия — важнейшая философская проблема. А потому не только литература и фольклор, но и философия, антропология, мифопоэтика, этнология... — в фокусе внимания исследовательницы.

Работа обладает и сквозным методологическим «сюжетом»: один и тот же теоретический постулат здесь рассматривается на материале произведений целого ряда классиков, причём сравнение делается не только с творчеством писателей и поэтов, указанных в оглавлении, но подключаются и иные контексты: творчество Жуковского, Белого, Цветаевой и т.д. А это значит, что исследова-

ние — не замкнутое, оно стремится выйти в область широких контекстов, поэтому компаративистская составляющая представляется здесь одной из важнейших.

Откуда же автор монографии взяла эти поиски «инога царства»? Здесь вроде бы кажется всё прозрачно. Иное царство — второй мир, подземный мир русской волшебной сказки, который должен пройти, преодолеть культурный герой, Иван-царевич, Иван-дурак, чтобы добыть сакральные знания, волшебный предмет или вещь невесту. Однако было бы глупо полагать, что автор монографии подводит русских классиков к «присяге на верность» фольклору и понимает под «иным царством» исключительно пространство *того* света. Конечно, Е.Н.Трубецкой, на редкие и полузабытые в филологии работы которого исследователь ссылается, в начале XX в. на лекциях о русской культуре дал представления об устройстве «инога царства» в русской сказке, о необходимой жертвенности со стороны культурного героя. Эти лекции слушали многие представители Серебряного века в религиозном Московском обществе. Но ведь в художественном пространстве фольклорная традиция преломляется, и писатель не обязан ей следовать. Так, например, в поэтике Пушкина, его сказках поиски «инога царства» связаны с апофатичностью образов: неведомые дорожки и невиданные звери в «Руслане и Людмиле», неведомой зверушкой называют младенца Гвидона в «Сказке о царе Салтане». Также этот поиск сопряжён с поиском вещей невесты Людмилы. Именно при таких обстоятельствах (кража невесты Черномором) Руслан попадает в «иное царство», которое представлено черноморовыми чертогами, прекрасным садом.

В художественной системе «Героя нашего времени» жизненный путь Печорина сопровождается поиском «инога царства», которое выражается в топосах смерти — к ним и привлекается герой. Здесь возникают и хатка на краю деревни

в Тамани, и дом на краю улицы, в котором селится Печорин в Пятигорске, и узкое опасное место напротив Эльборуса, выбранное для дуэли. Эти модели пространства потенциально связаны с топами *того* света.

В поэтике Чехова иномирная действительность также выражается в первую очередь через соотношение моделей пространства, где главное место отводится степи, равнинному космосу, и его необходимо преодолеть маленькому мальчику Егорушке. Степь обладает медирующими функциями, и на это обращает особое внимание исследователь, когда вычленяет внутри этого пространства ещё и символы, связанные с «иным царством»: старая ветла, каменные бабы, крик ночной птицы. Можно было бы пройти мимо этих маркеров в лаборатории писателя-реалиста, но М.А.Дударевой удаётся вычитать в повести «Степь» ритуальный подтекст, проявившийся латентно, через трансформацию фольклорной традиции (на что в 1980-е гг. указывал ещё Д.Н.Медриш).

Поисками «инога царства» озадачен и молодой Арсеньев, которого Бунин наделил поэтическим воображением, любовью к русской литературе, особенно к «Руслану и Людмиле». Таким образом, в монографии разворачивается детективный сюжет: сначала исследователь анализирует пушкинскую поэму-сказку в контексте фольклорной традиции и её трансформаций, обращает внимание на апофатические образы, которые трудно объяснить с рациональной точки зрения, а потом бунинский герой как бы снова возвращает автора монографии к «Руслану и Людмиле», но уже приоткрывая свою тайну видения пушкинской сказки. Интересным представляется то, что взгляд учёного и взгляд писателя совпадают — Арсеньева привлекает именно всё *неведомое*, необъяснимое в поэме-сказке, и он старается отыскать эту составляющую в жизни. Здесь также срабатывают модели пространства, наделённые погра-

ничной семантикой: Арсеньев прячется на чердаке, живёт в тесных комнатах, странствует в затхлых узких вагонах и т.д. Герой должен преодолеть такие топосы, чтобы вырасти над самим собой и понять истинную природу своего бродничества.

Для некалендарного XX века, картины мира эпохи авангарда характерны поиски «иного царства», которые выразились в есенинской Инонии, ключевском Китеж-граде, в странных антропоморфных и зооморфных образах ранних поэм Маяковского. Система культурных координат пошатнулась, открытия в области физики и психоанализа «выбросили людей из своих биографий», многие поэты намеренно отказывались от традиций, следования за классиками. Однако М.А. Дударевой удаётся доказать, что авангардисты, особенно Маяковский, латентно обращаются к мифу и фольклору, русскому и грузинскому национальным образам мира, переосмысляя многое из традиционной народной культуры (поэмы «Облако в штанах», «150 000 000»).

Обращение к разным жанрам фольклора (загадке, быличке) и этнографическо-

му материалу (вышивке) позволяет иначе увидеть образный строй Есенина, Маяковского. Идея смерти важна для русского фольклора, она органична архаическим представлениям о мире. Фигуры «Танатоса» находятся в одной парадигме с фигурами «Эроса», что позволяет говорить о мотиве *смерти – космического перерождения*, вознесения. Именно в таком ключе следует воспринимать смертельную обречённость творчества Есенина, а не привязывать её к нелепым и не всегда доказанным фактам из биографии.

Выявление «авторского фольклоризма», т.е. особенностей рецепции народного творчества у Пушкина, Лермонтова, Чехова, Бунина, Есенина, Маяковского, с попытками построения собственного неомифа – один из главных нервов книги. Словом, ракурс исследования М.А. Дударевой – и традиционен (используются базовые «координаты» фольклористики), и необычен (вскрываются имплицитные фольклорные коды в классических текстах). Такая постановка вопроса обеспечивает монографии новизну и оригинальность.

ENGLISH

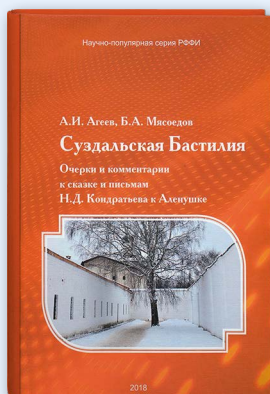
Dudareva M.A. Search of the “Other Kingdom” in Russian Literature of the 19th – Early 20th Century: Folklore Aesthetics. Moscow, St. Petersburg, Nestor-Istoriya Publ., 2018. 352 p.

Vitaly Aleksandrovich Gavrikov – Doctor of Science (Philology), Professor, Department of State, Municipal and HR Management, Bryansk affiliated branch, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration.

E-mail: yarosvettt@mail.ru

Keywords: Russian literature, poetics, folklore, myth, tale, symbol, perfect topos, “other kingdom”

DOI: 10.22204/2587-8956-2020-098-01-155-158

С.Ю. МАЛКОВ***Агеев А.И., Мясоедов Б.А. Суздальская Бастилия. Очерки и комментарии к сказке и письмам Н.Д. Кондратьева к Алёнушке. Международный институт Питирима Сорокина — Николая Кондратьева, Институт экономических стратегий, 2018. — 360 с.******Ключевые слова:** Николай Кондратьев, экономические циклы, ссылка, архивные данные

Научный гений российского экономиста Н.Д. Кондратьева безусловно признан в современном мире. Концепция циклов Кондратьева активно используется во многих ведущих научных центрах, жаркие дискуссии вокруг этой теории не утихают до сих пор. Идеи Кондратьева повлияли на формирование целых научных школ и направлений. Разработанная им теория «длинных волн» хозяйственной конъюнктуры позволила в 1920-е гг. предсказать даже современный кризис, его основные характеристики и содержание.

В России интерес к концепции Кондратьева возродился в непростые для страны 1990-е гг., когда многие известные отечественные исследователи, оценив мощный научный потенциал его идей, вновь обратились к ним с целью анализа происходящих в стране процессов и разработки практических экономических проектов. Тогда же возник

интерес к личности и непростой, исполненной трагизма судьбе знаменитого российского учёного-экономиста, прошедшего, как отмечают авторы рецензируемой книги, «сквозь строй царизма и сквозь строй большевизма». Крестьянский сын, учёный с мировым именем, он был пять раз несправедливо репрессирован, в итоге расстрелян и лишь потом, с прискорбным запозданием, но всё же дважды реабилитирован в 1963 и 1987 гг. — уже в другой, изменившейся, а в чём-то оставшейся прежней России, покаянно вспомнившей своего великого сына.

Оказалось, что события жизни Н.Д. Кондратьева, его взгляды, научные и этические принципы, отношения с близкими и малоизвестное до сих пор литературное наследие не только дополняют, но словно делают объёмнее, многослойнее, понятнее его концепции и его вклад в мировую науку. Жизненный путь Кон-

* **Малков Сергей Юрьевич** — доктор технических наук, научный руководитель Центра долгосрочного прогнозирования и стратегического планирования факультета глобальных процессов МГУ им. М.В. Ломоносова.

E-mail: s@malkov.org

** Проект 18-110-40001.

дратьева — это целая вселенная, в которой отразились и ярко высветились главные интеллектуальные и общественные тренды той эпохи, а также определённые закономерности взаимодействия новых экономических теорий с практикой государственного управления в советской России.

Интерес к Н.Д.Кондратьеву — гениальному экономисту, практику, учёному с трагической судьбой, многогранно одарённому творческому человеку — высок и растёт с каждым годом. Однако до сих пор, несмотря на значительное число статей и материалов, посвящённых взглядам и жизни учёного, истинно глубоких и обоснованных исследований всех граней его гения было не так много. При этом чувствовались явные пробелы и недомолвки, связанные с его биографией и наследием. И вот такое долгожданное и на редкость своевременное исследование появилось, вызвав закономерный интерес учёных, общественных деятелей, представителей культуры и всех, кто интересуется непростой и великой историей нашей страны, судьбой тех интеллектуалов и творцов, которые составили её славу.

Авторы книги хорошо известны в научных кругах и обладают заслуженным авторитетом нетривиальных и добросовестных исследователей, которые не боятся сложных задач и одновременно являются носителями ярких, актуальных концепций и взглядов на экономику, историю, культуру и будущее России. А.И.Агеев, доктор экономических наук, генеральный директор Института экономических стратегий ООИ РАН, автор более 800 научных, публицистических, литературных произведений, и Б.А.Мясоедов, автор многих монографий, учёный, журналист, культуролог, директор музея экономического факультета МГУ им. М.В.Ломоносова, выбрали для представления результатов 15-летних исследований биографии, творческого наследия Н.Д.Кондратьева формат научно-популярного издания, соответствующий цели не только дать анализ

и непредвзятую оценку научных взглядов учёного, но также открыть и сделать понятным максимально широкой аудитории весь размах, значение и смысл его жизненного, интеллектуального и личного подвига.

Научная и историческая состоятельность издания «Суздальская Бастилия. Очерки и комментарии к сказке и письмам Н.Д.Кондратьева к Алёнушке» обеспечена огромной работой авторов по анализу и систематизации множества архивных материалов, к которым по разным причинам (иногда из-за их недоступности) практически не обращались другие исследователи. Многие материалы, полученные в Центральном архиве ФСБ России, Государственном архиве РФ, в ЦГИА (СПб) и других, опубликованы впервые, как и комментарии к письмам Кондратьева, а также и все связанные с этими письмами обстоятельства и контекстные данные. Определяющим в судьбе этой книги, весьма важной для современной российской и мировой рефлексии по поводу фундаментальных проблем выбора пути дальнейшего развития социума и каждого человека, стал уникальный и резонансный доклад А.И.Агеева «Николай Кондратьев: тайны дела 33 480», подготовленный для заседания Дискуссионного клуба им. академика О.Т.Богомолова (26 июня 2017 г.).

Авторы книги выбрали нетривиальный и при этом весьма плодотворный ракурс анализа творчества Н.Д.Кондратьева, чей жизненный опыт и наследие сохраняют актуальность по сей день. Они оценили вклад этого яркого человека в науку, раскрыли грани его характера и новые страницы его творчества через взаимоотношения с близкими, в первую очередь с женой и горячо любимой дочерью, Еленой Кондратьевой, которая стала впоследствии академиком РАН. В исследовании впервые представлены малоизвестные материалы о семье Кондратьевых, фотографии, фрагменты писем Н.Д.Кондратьева из Суздальского политизолято-

ра жене, где речь идёт об их дочери, и 99 писем Алёнушке с комментариями авторов издания, а также написанная в 1934 г. для дочери философская сказка «Необыкновенные приключения Шамми», которая воспринимается как системообразующий элемент этого скрупулёзного и честного научного биографического исследования.

Для неискушенного и не слишком осведомлённого читателя сказка о приключениях котика Шамми может показаться безыскусной и простой. Однако авторы, вполне изучившие и особые обстоятельства её создания, и способность Н.Д. Кондратьева в тех сложных условиях доносить до читателя в иносказательной форме глубокие идеи, помогают в своих комментариях открыть глубокие смыслы этого литературного произведения и мощный этический призыв, установить его связь со всем творчеством учёного, его основными темами и мотивами. Это подлинное откровение о трагических противоречиях радикальных исторических переломов, которые сопровождаются революциями. Революции разрушают прежний порядок и рушат судьбы тех, кто этот порядок поддерживал. Те, кто правил вчера, лишаются богатств, приговариваются историей и людьми к истреблению, но новые судьи и палачи, приходящие на смену старым, могут быть фатально слепы и беспощадны, расчищая пространство для нового строя. Исторический маятник сносит одних и возносит других, и те, достигнув вершины, даже не подозревают, что им также грозит гибель, когда маятник качнётся в другую сторону.

Революционные волны изменений — это ещё и время трагического внутреннего выбора для каждого человека. Как не потерять себя, сохранить личность и приверженность важным сверхцелям, смыслы и силы продолжать созидание — будь оно творческим или просто созиданием любви и мира для людей, для страны, которые тебе дороги? В итоге за простой сказ-

кой со всей многослойностью её смыслов встают события и люди той эпохи, их сложная жизнь, их выбор и жизненный опыт самого Н.Д. Кондратьева, который стал не только и не столько фоном для своих великих идей, но источником их силы и научной состоятельности, сообщив им энергию исторического предвидения.

В новаторском контексте и с неопровержимыми аргументами в виде обнаруженных архивных материалов авторы книги вновь привлекают внимание к судьбе российской интеллигенции, попавшей под каготок революции, открывая в этой традиционно болезненной теме новые аспекты и уровни рефлексии. Вспомним, что часть интеллигенции в то время была приговорена к расставанию с родиной, высылке из России: Бердяев, Булгаков, Сорокин и многие, многие другие, кому пришлось познать тяготы изгнания и насильственного отлучения от участия в судьбе страны, что часто противоречило их внутренним устремлениям. Н.Д. Кондратьева также приговорили к высылке, однако он попал под следствие по делу эсеров, а потом неожиданно был оставлен для работы в Наркомфине.

Эти противоречивые планы властей большевистской России в отношении учёного сыграли в его судьбе фатальную роль, но прежде заставили самого Кондратьева задуматься о коренных противоречиях государственного строительства в России — и в XX в., и ранее. Авторы книги справедливо отмечают, что исторически, ещё со времён Ломоносова, множество действительно выдающихся идей в естественных и общественных науках так и не находили должной и своевременной реализации в государственной практике. Читателей приглашают к размышлению, почему в стране недостаточно использовались её богатейшие интеллектуальные ресурсы, а носители прогрессивных идей часто подвергались гонениям.

Это касается и опередивших время этических теорий Кондратьева, которым ав-

торы уделяют особое внимание из-за высокой актуальности предложенных учёным подходов и решений. Сегодня ожидания прорывных результатов в междисциплинарных исследованиях и их практических приложениях связывают с намеченным Кондратьевым курсом на соединение эмпирически обоснованных выводов социальных наук с математическими моделями.

Подводя итог исследованию жизни и творчества учёного, авторы приходят к выводу, необыкновенно полезному для всех, кто в наше непростое время радикальных трансформаций мира ищет свой путь: в сложных условиях уверенность в конечной победе своих идей и духовное просветление даны будут тем представителям науки, культуры и искусства, кто сохраняет преданность своим принципам и целям, кто находит в себе силы оставаться человеком даже в самом трагическом окружении и под ударами жестоких обстоятельств, как это выпало на долю Н.Д. Кондратьева.

Нельзя не отметить богатый, яркий язык книги «Суздальская Бастилия. Очерки и комментарии к сказке и письмам Н.Д. Кондратьева к Алёнушке», демонстрирующий пример высокой культуры изложения мыслей, её обоснованную композицию, аргументированность, информационную и идейную насыщенность (при этом следует отметить определённую предвзятость некоторых комментариев авторов, отражающую их личную позицию по отношению к описываемым событиям).

Книга – не просто итог 15-летнего труда авторов, заслуживающего искреннего уважения. Изданная и представленная широкой аудитории в XXI в., она открывает новый этап постижения научного, литературного, культурного наследия Н.Д. Кондратьева нашими современниками, который, вне сомнения, будет связан с актуализацией и использованием в практических проектах концепции, подходов и решений уникального русского учёного, признанного во всем мире.

ENGLISH

Ageev A.I., Myasoedov B.A. The Bastille of Suzdal.

Essays and Comments on the Tale and Letters of Nikolai Kondratiev to Alyonushka.

Pitirim Sorokin and Nikolai Kondratiev International Institute,

Institute for Economic Strategies, 2018. 360 p.

Sergey Yuryevich Malkov – Doctor of Engineering, academic adviser at the Centre of Longterm Forecasting and Strategic Planning, Faculty of Global Processes Lomonosov Moscow State University.
E-mail: s@malkov.org

Keywords: Nikolai Kondratiev, business cycles, reference, archival data.

ПАМЯТИ
ВАЛЕНТИНА ЛАВРЕНТЬЕВИЧА
ЯНИНА

Академик РАН
Валентин Лаврентьевич Янин
(6 февраля 1929 – 2 февраля 2020)

Российский фонд фундаментальных исследований с прискорбием узнал о кончине выдающегося учёного академика Валентина Лаврентьевича Янина.

Вклад академика Янина в российскую науку неоценим: жизненный путь учёного неразрывно связан с изучением фундаментальных ключевых проблем отечественной медиевистики, в частности особенностей вечевого строя Великого Новгорода, и с реконструкцией денежно-весовой системы домонгольской Руси. Широкой общественности имя академика В.Л. Янина известно благодаря открытию и широкому использованию берестяных грамот в качестве исторического источника. Событием века стало открытие самого раннего памятника русской версии церковнославянского языка и самой древней из дошедших до нас книг древней Руси — Новгородской Псалтыри.

Авторитет, принципиальность и научный такт всегда отличали академика Янина как исследователя.

В.Л. Янин был одним из инициаторов создания Российского гуманитарного научного фонда. С 1996 по 2003 год являлся председателем совета РФНФ и успешно руководил его работой.

Академик Янин — родоначальник экспертной системы в России в области истории, археологии и этнологии. Он внёс огромный вклад в деятельность Российского фонда фундаментальных исследований.

Совет Фонда, эксперты РФФИ, сотрудники Фонда скорбят вместе с коллегами, друзьями и близкими.

Вестник Российского фонда фундаментальных исследований

Гуманитарные и общественные науки

2020, № 1 (98)

Адрес редакции: 119334, Москва, Ленинский пр-т, д. 32а
Тел.: +7 (499) 941-01-15 (доб. 3121)
E-mail: rovir@rfh.ru
<http://www.rfbr.ru>

Оригинал-макет ООО Издательство «ЭМПРЕСС»
105082, г. Москва, Рубцовская набережная, д. 3, стр. 3
Тел.: +7 (499) 677-18-71
E-mail: id-empress@mail.ru

Технический редактор Ю.М. Шилова
Верстка Е.О. Назаров
Корректор В.В. Тихонова

Подписано в печать 23.03.2020. Формат 60×90 1/8.
Усл. печ. л. 20,0. Печать офсетная. Бумага мелованная.
Тираж 300 экз. Заказ № 45